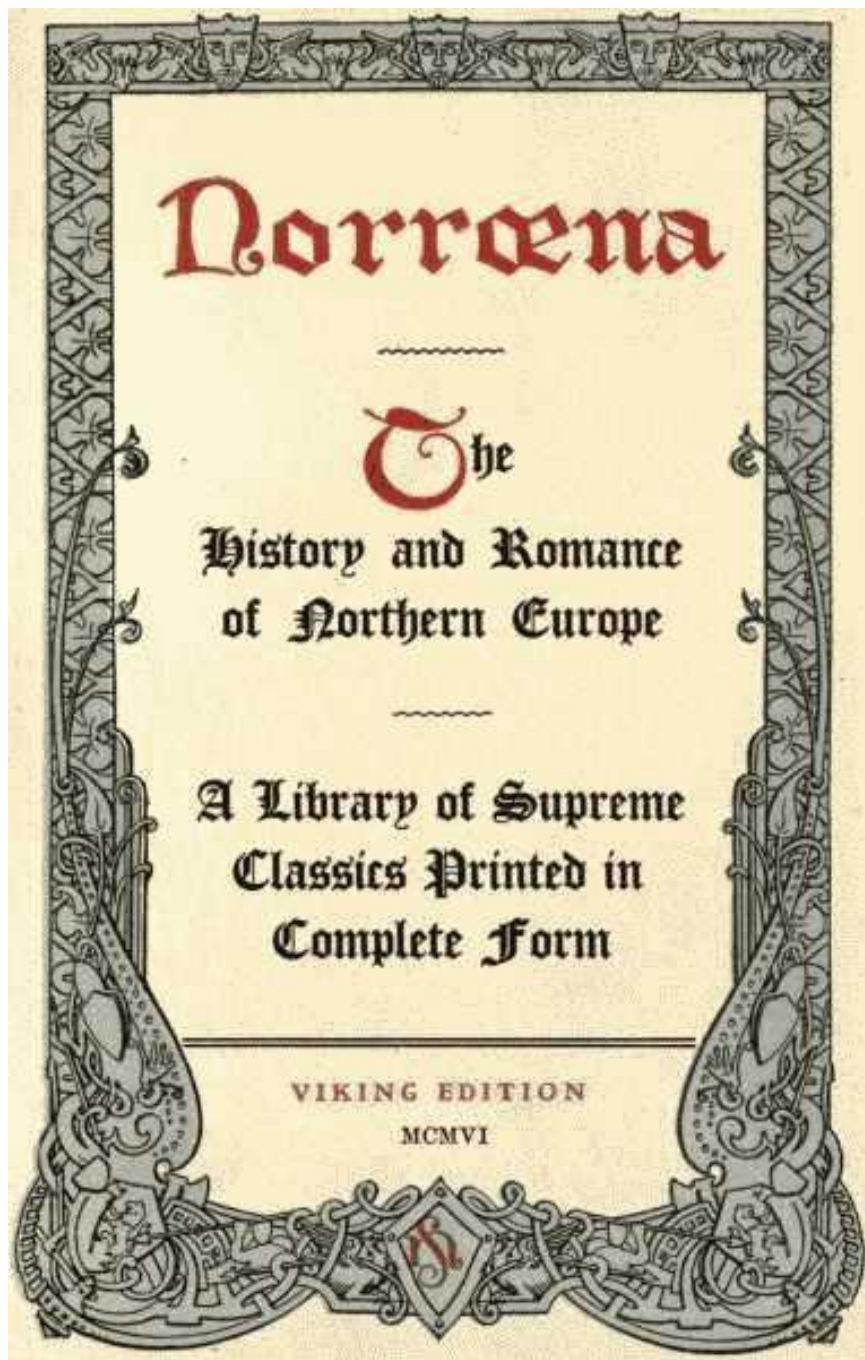

Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, Том 2

Виктор Рюдберг

Электронная книга проекта Гутенберга по тевтонской мифологии: Боги и богини Северных земель, том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, Том 2

Автор: Виктор Ридберг

Переводчик: Расмус Бьорн Андерсон

Дата выхода: 4 февраля 2019 [Электронная книга № 58829]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Шарлин Тейлор и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ: БОГИ И БОГИНИ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ", Т. 2 ***

Тевтонская мифология

Боги и богини Северных земель

В

ТРИ ТОМА

Автор: ВИКТОР РИДБЕРГ, доктор философии,

ЧЛЕН ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ; АВТОР КНИГИ "ПОСЛЕДНИЙ АФИНЯНИН" И ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД Со ШВЕДСКОГО

АВТОР: РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор юридических наук,
БЫВШИЙ ПОСОЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ДАНИИ; АВТОР КНИГ "СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ", "СКАЗКИ ВИКИНГОВ" И ДР.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор философии,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР.

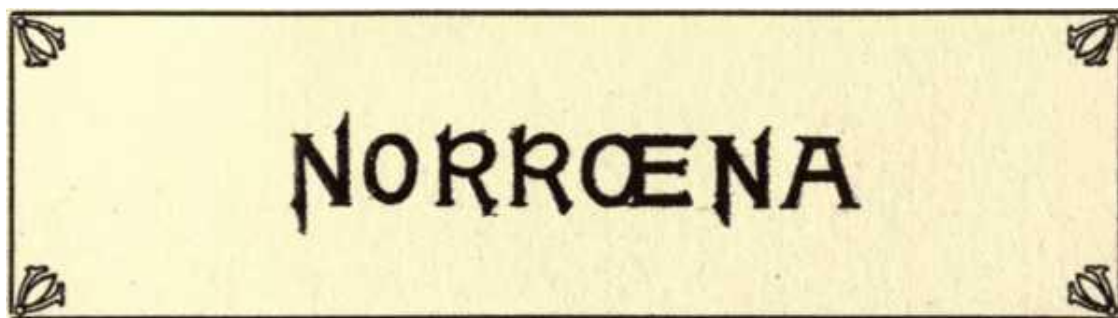
Дж. У. БЬЮЭЛ, доктор философии,
УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕДАКТОР.

ТОМ II.

ОПУБЛИКОВАНО
ОБЩЕСТВОМ НОРРАНА,
ЛОНДОН КОПЕНГАГЕН СТОКГОЛЬМ БЕРЛИН НЬЮ-ЙОРК
1906

Из издания "Викинг "

*В мире изготовлено всего шестьсот пятьдесят комплектов, из которых этот
№ 99*

АВТОРСКОЕ ПРАВО,
Т. Х. СМАРТ,
1905.

ВАЛЬКИРИИ,

НЕСУЩИЕ ТЕЛО УБИТОГО ВОИНА В ВАЛГАЛЛУ

(С гравюры Лоренца Фрелиха.)

Хеймдаль, бог света, отец людей, прародитель королей, был стражем врат Валгаллы и жил в замке на краю радуги (мост Бифрест). У него была труба под названием Гьяллархорн, с помощью которой он созывал богов во время Рагнарека. Он представлен как ревностный привратник, который принимал и впускал в Валгаллу тела воинов, убитых в битве, когда их приносили отсюда девушки-валькирии, собиравшие их с полей сражений. Валгалла была обителью Одина в Асгарде, которая располагалась в Гладсхейме, долине радости. В этом раю мертвые воины были возрождены и все последующее время сражались, пировали и выпивали в качестве гостей Одина, предаваясь тем удовольствиям, которые больше всего радовали их во плоти.

ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ.

Содержание.

ТОМ ВТОРОЙ

	Страница
Миф о Нижнем мире	353
Миф о Роще Мимера	379
Роща Мимера и возрождение Мира	389

Космография Гильфагининга	395
Слово Хель в лингвистическом употреблении	406
Пограничная гора между Хель и Нифельхелем	414
Описание Нифельхеля	426
Кто такие обитатели Хель	440
Классы существ в Хель	445
Царство Смерти	447
Валькирии, Психоделические вестницы болезней	457
Путь тех, кто пал от Меча	462
Восстание с острием Копья	472
Дочь Лока, Хель	476
Путь в Аид, Общий для Мертвых	482
Судьба мертвых	485
Внешний вид Штуковины	505
Напиток Аида	514
Рог Аида, украшенный змеями	521
Жребий Благословенных	528
Прибытие к вратам На	531
Места наказания	534
Зал в Настрандах	540
Пещера Наказания Лока	552
Великая Мировая Мельница	565
Мировая Мельница заставляет Вращаться Созвездия	579
Происхождение Священного огня	586
Отождествление Мундильфора с Лодуром	601
Нат, Мать Богов	608
Нарфи, Отец Нат	611
Кланы великанов Произошли от Имера	624
Личность Мимера и Нидхада	630
Обзор имен и эпитетов Мимера	641
Миф о медовухе	644
Луна и Медовуха	669
Мифы о Боге Луны	680

СПИСОК ФОТОГРАВИЮР.

Валькирии Приносят тело Убитого воина в Валгаллу	Фронтиспис
Тор уничтожает Великана Трима	456
Наказание Лока	552
Гефион и король Гильфи	616

МИФ О НИЖНЕМ МИРЕ.

(Часть IV. Продолжение из тома I.)

53.

В КАКОЕ ВРЕМЯ ЛИФ И ЛЕЙФТРЕЙЗЕР НАШЛИ УБЕЖИЩЕ В РОЩЕ МИМЕРА? АСМЕГИР.
ПОЛОЖЕНИЕ МИМЕРА В МИФОЛОГИИ. НУМИНА НИЖНЕГО МИРА.

Необходимо начать это исследование с указания на тот факт, что в *Vafthrudnersmal* существуют две версии последней строки строфы 45. Версия этой строки, процитированная выше, была — *энн тадан аф альдир алаз*: "Оттуда (из Лифа и Лейфтрейзера в роще Мимера) рождаются расы". В *Codex Upsalensis* вместо этого есть — *ok thar um alldr alaz*: "И они (Лиф и Лейфтрейсер) имеют там (в роще Мимера) свое пристанище *на протяжении веков*". Конечно, только одна из этих версий может, с текстово-исторической точки зрения, быть оригинальной. Но это не мешает обоим быть одинаково легитимными с мифологической точки зрения, поскольку оба относятся ко времени, когда основные черты мифа о Жизни и Лейфтрейзере все еще помнили. Примеры версий, столь же обоснованных с мифологической точки зрения, можно привести и из других литератур, помимо скандинавской. Если при выборе между двумя версиями обращать внимание только на возраст рукописей, то предпочтение отдается той, что находится в *Codex Upsalensis*, которая скопирована примерно в 1300 году,^[1]. Однако вряд ли было бы благоразумно делать главный акцент на этом факте. Не делая никаких выводов, я просто указываю на тот факт, что самая старая версия отрывка, которой мы располагаем, гласит, что Лиф и Лейфтрейсер прожили века в роще Мимера. Не намного моложе и другая версия, если судить по рукописи, в которой она найдена, и с мифологической точки зрения она тоже, несомненно, верна.

В двух местах поэтической Эдды (*Vegtamskv*, 7 и *Fjolsvinnsml.*, 33) встречается слово *асмегир*. Оба раза оно используется таким образом, что мы воспринимаем его как мифологический *terminus technicus*, имеющий определенное, ограниченное применение. Что это было за приложение, неизвестно. Необходимо провести самый тщательный анализ отрывков, чтобы снова найти значение этого слова, поскольку оно имеет важное значение для предмета, который мы обсуждаем. Я начну с отрывка из *Фьольсвиннсмаля*.

Молодой Свипдаг, герой "Грогалдера" и "Фьольсвиннсмаля", в последнем стихотворении представлен стоящим перед воротами цитадели, которую он никогда раньше не видел, но в стенах которой проживает девушка, которой судьба предназначила стать его женой. За

воротами находится человек, который является привратником или притворяется им и называет себя Фьольсвинном. Он и Свипдаг вступают в разговор. Разговор вращается главным образом вокруг замечательных предметов, которые находятся перед глазами Свипдага. Свипдаг задает о них вопросы, и Фьольсвинн сообщает ему информацию. Но прежде чем Свипдаг прибыл в замок, в котором его ждет избранная, он совершил замечательное путешествие (упоминается в Грогалдере), и он видел странные вещи (например, на стр. 9, 11, 33), которые он сравнивает с теми, что видит сейчас, и относительно которых он также желает получить информацию от Фьольсвинна. Когда вопросы касаются объектов, которые находятся перед ним в момент говорения, он использует, как того требует логика языка, настоящее время глагола (как в строфе 35—*segdu mer хват, что бьярг хейтир, эр эк се бруди а*). Когда он говорит о том, что видел раньше и в других местах, он использует прошедшее время глагола. В строфе 33 он говорит:

Segdu mér that, Fjölsvidr,
er ek thik fregna mun
ok ek vilja vita;
hverr that gördi,
er ek fyr gard sák
innan ásmaga?

- Скажи мне то, о чем я спрашиваю тебя и что я хочу знать, Фьольсвинн: кто сделал то, что я видел в стене замка *асмегир*?[2]

Отвечает Фьольсвинн (стр. 34):

Уни ок Ири,
Бари ок Ори,
Варр ок Вегдрасиль,
Дори ок Ури;
Деллингр ок вардар
, альфр литски, локи.

"Уне и Айре, Бэр и Руд, Вар и Вегдрасиль, Доре и Уре, Деллинг, хитрый эльф, сторожит у ворот".[3]

Таким образом, Свипдаг увидел место, где обитают существа, называемые *асмегирами*. Она хорошо огорожена и охраняется эльфом Деллингом. В мифе, должно быть, был сделан большой акцент на том факте, что цитадель хорошо охранялась, поскольку Деллингу, хитрость которого особо подчеркивается, была поручена эта задача. Цитадель, должно быть, также отличалась своим великолепием и другими качествами, поскольку то, что Свипдаг увидел за ее воротами, пробудило в нем удивление и восхищение и заставило его спросить Фьольсвинна об имени ее строителя. Фьольсвинн перечисляет не менее восьми архитекторов. По крайней мере, трое из них известны по имени в других источниках, а именно, "гномы" Вар (Младшая Эдда, ii. 470, 553), Доре и Руд. Оба последних имени также встречаются в списке гномов, зарегистрированных в *Völuspá*. Говорят, что оба были карликами в группе приближенных Двалина (*я Двалин лиду—* Волюспа, 14).

Проблема, над решением которой я бьюсь, а именно, найти объяснение того, что это за существа, называемые *асмегирами*, требует прежде всего, чтобы мы выяснили, где в мифе располагалось их жилище, которое видел Свипдаг, факт, имеющий мифологическое значение в других отношениях. Этого результата можно добиться, если определить реальный дом Двалина и Деллинга и место их деятельности. Это особенно важно в отношении Деллинга, поскольку его должность привратника в замке *асмегир* требует, чтобы у него был свой дом, где выполняются его обязанности. В какой-то степени это верно и для Двалина, поскольку сфера его деятельности не могла быть совершенно чуждой цитадели, над чудесами которой трудились его помощники.

Автор списка гномов в Велуспе созывает все святые силы, чтобы посоветоваться относительно того, кто должен создать "гномов", клан художников из мифологии. Формулировка строфы 10 указывает на то, что существу по имени *Модсогнир*, *Мотсогнир*, было присвоено звание вождя^[4] предлагаемого клана художников, и что он, при содействии Дурина (*Durinn*), выполнил волю богов и создал карликов, похожих на людей. Автор списка гномов, должно быть, предположил...

Этот Модсогнер был одним из старейших существ мира, ибо собрание богов, о котором здесь идет речь, состоялось на заре времен, еще до завершения творения.

Этот Модсогнер обладал прометеевской силой созидания.

Что он либо сам принадлежал к кругу святых сил, либо находился в близких и дружественных отношениях с ними, поскольку выполнял волю богов.

Соответственно, мы должны считать Модсогнера одним из наиболее примечательных персонажей мифологии. Но либо он не упоминается нигде, кроме этого места, — мы тщетно ищем имя Модсогнер в другом месте, — либо это имя является просто скальдическим эпитетом, который заменил более распространенное имя и который посредством ссылки на знакомую *примечательную характеристику* указывает на мифическую личность, хорошо известную и упоминаемую в других местах. Нельзя оспаривать, что это слово выглядит как эпитет. Эгильссон (Лекс. Поэт.) определяет его как *любитель медовухи*. Если определение правильное, то эпитет был выбран неудачно, если он не относился к Мимеру, который изначально был единственным обладателем мифического медовухи и ежедневно пил ее (*Völuspa*, 29—*dreckr miód Mimir morgin hverjan*). Тем не менее, ничто не может быть построено просто на определении имени, даже если оно, вне всякого сомнения, правильное. Все показатели, которые рассчитываются, чтобы пролить свет на вопрос, должны быть собраны и исследованы. Только когда все они указывают в одном направлении и свидетельствуют в пользу одного и того же решения проблемы, последнее можно считать решенным.

Несколько "гномов", созданных Модсогнером, названы в "Велуспе", 11-13. Среди них Двалин. По мнению автора "Списка гномов", Двалин, должно быть, занимал заметное место среди существ, к которым он принадлежит, поскольку он единственный из них, кто упоминается как имеющий в качестве подданных ряд себе подобных (*Волюспа*, 14). Следовательно, проблема относительно того, идентичен ли Модсогнер Мимеру, должна решаться ответами на следующие вопросы: то, что рассказывается о Модсогнере, также рассказывается о Мимере? Показывают

ли имеющиеся у нас утверждения о Двалине, что он был особенно связан с Мимером и с нижним миром, царством Мимера?

О Модсогнере сказано (Völuspa, 12), что он был *мастером ордена дверей allra*: он стал вождем всех гномов, или, другими словами, выдающимся среди всех художников. Есть ли у нас какие-либо аналогичные сообщения о Мимере?

В немецкой поэме средних веков "Битерольф" рассказывается, что ее герой владел мечом, сделанным Мимом Старым, *Мимом дер альте*, который был самым превосходным кузнецом в мире. С ним не мог сравниться даже Виланд (Волунд, Вэйланд), а тем более кто-либо другой, за единственным исключением Хертриха, который был соработником Мимера и помогал ему создавать все сокровища, которые он производил:

Zuo siner (Mimer's) meisterschefte

ich nieman kan gelichen

in allen fürsten richen

an einen, den ich nenne,

daz man in dar bi erkenne:

Der war Hertrich genant.

...

Durch ir sinne craft

so hæten sie geselleschaft

an werke und an allen dingen. (Битерольф, 144.)

Вилкинасага, основанная как на немецких, так и на скандинавских источниках, утверждает, что Мимер был художником, в мастерской которого сыновья принцев и самые известные кузнецы обучались ремеслу кузнеца. Среди его учеников упоминаются Велинт (Волунд), Сигурд-Свен и Экихард.

Эти отголоски мифа о Мимере, как главе кузнецов, доносящиеся из далеких христианских времен, мы улавливаем и у Саксона. Следует помнить, что он рассказывает о несравненных сокровищах, хранящихся во владениях Гудмунда-Мимера, среди которых в дополнение к уже названным есть *arma humanorum corporum habitu grandiora* (i., стр. 427), и о Мимингусе, владеющем мечом победы и нарукавным кольцом, приносящим богатство (i. 113, 114). Если мы обратимся к поэтической Эдде, то обнаружим, что Мимер упоминается как *Ходд-Мимер*, Искатель сокровищ (Vafthr. 45); как *наддгофугр йотунн*, великан, прославившийся своим оружием (Grogalder, 14); как *Ходдрофнир*, или *Ходд-дропнир*, бросающий сокровища (Sigrdr., 13); как *Баугрегинн*, король золотых колец (Solarlj., 56). И, как будет показано ниже, главные кузнецы в поэтической Эдде соотносятся с Мимиром как с тем, на чьих полях они живут или в чьей кузнице работают.

В мифологии художественные и созидательные силы тесно связаны друг с другом. Великие кузнецы гимнов Ригведы, Рибху, делают лошадей для Индры, создают корову и ее теленка, делают из одного кубка три одинаково хороших кувшина, распространяют растительность по полям и заставляют ручьи течь в долинах (Ригведа, iv. 34, 9; iv. 38, 8; i. 20, 6, 110, 3 и в других местах). Они делают это, хотя они "смертные", которые своими заслугами обретают бессмертие. В тевтонской мифологии Синдре и Брок куют из свиной кожи коня Фрея, похожего на кабана, а сыновья Ивальде куют из золотых прядей, которые растут как обычные волосы. Кольцо

Драупнир, которое изготовили "гномы" Синдре и Брок, само по себе обладает созидательной силой и каждую девятую ночь производит восемь золотых колец равного с ним веса (скальдск., 37). "Любитель медовухи" - главный и мастер всех этих художников. И при ближайшем рассмотрении оказывается, что медовый колодец Мимера является источником всех этих сил, которые в мифологии представлены как творящие, формирующие и предписывающие с мудростью.

В "Хавамале" (138-141) Один рассказывает, что было время, когда он еще не приобрел силы и мудрости. Но самопожертвованием он смог убедить знаменитого сына Болторна, который обитает в бездне и отвечает за тамошний источник меда и могущественные руны, дать ему (Одину) испить драгоценного меда, добытого из *Одререри*:

Нам нужен фроваз
из фродра вера
из ваксы из вел хафаза;
порядок в орди
или лейтади,
верк мер в верки
верк лейтади.

Тогда я начал расцветать
и становиться мудрым,
и расти и процветать;
слово пришло ко мне
от слова,
дело пришло ко мне
от дела.

Очевидно, что Один здесь хочет сказать, что первый глоток, который он получил из источника Мимера, стал поворотным моментом в его жизни; что до этого времени он не расцвел, не продвинулся в мудрости, не обладал ни красноречием, ни способностью совершать великие подвиги, но что все это он приобрел благодаря силе медовухи. Это в точности та же идея, с которой мы постоянно встречаемся в Ригведе в отношении сомы-меда как жидкости, из которой боги черпали творческую силу, мудрость и желание совершать великие подвиги. Величайшим и наиболее прославленным достижением Одина было то, что он вместе со своими братьями создал Мидгард. Было бы тогда разумно предположить, что он совершил это величайшее и мудрейшее из своих дел до того, как начал приносить плоды, и до того, как обрел мудрость и силу деятельности? Всем должно быть очевидно, что это было бы неразумно. Столь же очевидно, что среди работ, которые он считал себя способным совершить после того, как напиток из источника Мимера придал ему сил, мы должны поставить в первый ряд те, за которые он наиболее знаменит: убийство гиганта хаоса Имера, поднятие земной коры и создание Мидгарда. Это не могло быть сказано более ясно, чем указано в приведенной выше строфе Хавамале, если только Один не должен был особо упомянуть о делах, которые он совершил после получения напитка. Таким образом, из источника Мимера и из руки Мимера Один получил свою творческую силу и свою мудрость. Таким образом, мы можем понять, почему Один считал этот первый напиток из Одререра настолько важным, что смог решиться подвергнуть себя страданиям, упомянутым в строфах 138 и 139. Но когда Один, сделав всего один глоток из источника Мимера, наделяется творческой силой и мудростью, как можно избежать вывода, что миф считал Мимера наделенным прометеевой силой, поскольку это делает его обладателем драгоценного источника, заставляет его пить из него каждый день и ставит его ближе к глубочайшему источнику и древнейшей активности этих сил во вселенной, чем самого Одина? Данная и более мгновенная сила, благодаря которой Один получил возможность формировать верхний мир, пришла из нижнего мира и от Мимера. Мировое древо также выросло из нижнего мира и является деревом Мимера и получает из его рук свою

ценность. Таким образом, творческая сила, которой гном-лист из Вельуспы наделил "любителя медовухи", вновь обнаруживается в Мимере. Поэтому совершенно логично, когда мифология делает его своим первым кузнецом и главным художником, хранителем сокровищ и правителем группы карликов, подземных художников, ибо изначально они были и оставались олицетворением творческих сил, точно так же, как Рубху из Ригведы, которые ковали цветы, траву и животных и вскрывали жилы земли для удобрения ручьев, в то же время изготавливая орудия труда и оружие.

То, что Мимер был глубоким советником и верным другом Асас, уже было показано. Таким образом, мы обнаруживаем руководящее положение Мимера Модсогнера среди художников, его творческую активность и его дружеское отношение к богам.

Двалин, созданный Модсогнером, в средневековых скандинавских сагах упоминается как выдающийся художник. Говорят, что там он помогал в изготовлении меча Тирфинг (Fornald. Сага, i. 436), о великолепном украшении Фрейи Брисингамене, прославленном также в англосаксонской поэзии (Fornald. Сага, i. 391). В песне Снофрид, которая приписывается Харальду Прекрасноволосому, драпа сравнивается с произведением искусства, которое звенит из-под пальцев Двалина (*грейп грин фрам ур Двалин*—Fornm. Сага, x. 208; Квартира, i. 582). Эта прекрасная поэтическая фигура тем более уместна, что Двалин был не только создателем прекрасных произведений кузнеца, но также мудреца и скальда. Он был одним из немногих избранных, которым утром времени было позволено отведать медовухи Мимера, которая поэтому называется его напитком (*Драк Двалина*—Младшая Эдда, i. 246).

Но в древности никто не пробовал этот напиток, если не получал его от самого Мимера.

Двалин - один из древнейших мастеров рун, один из тех, кто принес знание рун тем созданиям, которые были наделены разумом (Havamál, 143). Но все знания о рунах изначально пришли от Мимера. Таким образом, Двалин, как скальд и знаток рун, находился в положении ученика при правителе нижнего мира.

В мифе о рунах (см. № 26) упоминаются три ученика, которые впоследствии распространили знания о рунах, каждый среди своего класса существ. Один, который вначале не знал о могущественных и благотворных песнях рун (Havamál, 138-143), по рождению был главным учеником Мимера и обучал знанию рун своих сородичей, асов (Havamál, 143), и людей, своих протеже (Sigdríftr., 18). Другими учениками были Даин (*Даинн*) и Двалин (*Двалинн*). Даин, как и Двалин, художник, созданный Модсогнером (Völuspá, 11, Hauks Codex). Он упоминается бок о бок с Двалином, и, как и он, он отведал медовухи поэзии (*маннви́г Дейнс*—Fornm. Сага, ст. 209). Даин и Двалин обучали рунам свои кланы, то есть эльфов и гномов (Havamál, 143). Не были забыты и великаны. Они научились рунам у *Асвидра*. Поскольку другие учителя рун принадлежат к кланам, которым они обучают знанию рун — "Один среди асов, Даин среди эльфов, Двалин среди гномов", — не может быть опасности ошибиться, если мы предположим, что *Асвидр* был великаном. И поскольку сам Мимер - великан, и поскольку имя *Асвидр* (= *Асвинр*) означает Аса—друг, и поскольку никто — особенно никто среди великанов - не имеет такого права, как Мимер, на этот эпитет, который имеет аналог в эпитете Одина, *Мимс винр* (друг Мимера), то осторожность требует, чтобы мы оставляли открытой весьма вероятную возможность того, что под *Асвидром*.

Все, что здесь было сказано о Двалине, показывает, что мифология относит его к месту, входящему в сферу деятельности Мимера. Мы все еще должны указать на два заявления в отношении него. Говорят, что Соль была его *лейкой* (Форнальд, i. 475; Аллвизм, 17; Младшая Эдда, i. 472, 593). *Лейка*, как слово женского рода и относящееся к личному объекту, означает молодую девушку, деву, которую человек держит рядом с собой и в развлечениях которой принимает участие, по крайней мере, в качестве зрителя. Имеющиеся у нас примеры употребления этого слова указывают на то, что предполагается, что у самой *лейки* и человека, *лейкой* которого она является, один и тот же дом. Сестер зовут *лейкур*, так как они живут вместе. Родители могут называть приемную дочь своей *лейкой*. В среднем роде *лейка* означает игрушку, куклу или иголку, и даже в этом смысле оно может быть риторически применено к человеку.

Точно так же, как Сола называют *лейкой* Двалина, так и сына Нат и Деллинга, Дага, называют *лейкром Двалинсом*, парнем или юношей, с которым Двалин развлекался (Fornspjal., 24).

Здесь мы нашли две точки соприкосновения между мифическими персонажами Двалином и Деллингом. Даг, *лейкр* Двалина, сын Деллинга. Деллинг - сторож замка *асмегир*, который украшали художники Двалина.

Таким образом, вся группа лиц, к которым причислен Двалин — Мимер, который является его учителем; Сол, который является его *лейкой*; Даг, который является его *лейкром*; Нат, которая является матерью его *лейкра*; Деллинг, который является отцом его *лейкра*— имеют свои жилища во владениях Мимера и принадлежат к подземному классу *нумина* из тевтонской мифологии.

Из областей, расположенных ниже горизонта Мидгарда, Нат, Сол и Даг возносят свои колесницы по небесам. На восточной границе нижнего мира находится отправная точка для их регулярных путешествий по небесам верхнего мира ("верхние небеса", *upphiminn*—*Völuspa*, 3; *Vafthr.*, 20 и в других местах; *uprheimr*—*Alvm.*, 13). У Нат есть свой дом и, как будет показано ниже, место ее рождения в долинах под ясенем Игдрасиль. Там она отдыхает после завершения цикла своего путешествия. В нижнем мире у Сола и сына Нат, Дага, также есть свои залы, где они отдыхают. Но там, где живут жена и сын Деллинга, мы должны искать и жилище самого Деллинга. Как муж Нат и отец Дага, Деллинг занимает такое же место среди божеств природы, как заря и отблеск восхода солнца среди явлений природы. А за дверями Деллинга, короля зари, мифология также находит карлика *тьодрейрира* ("того, кто движет людьми"), который поет песни пробуждения и благословения миру: "силу асам, успех эльфам, мудрость Хроптатиру" (*афл асом, энн альфум фрама, гуггио Хроптати*—Хавам., 160).

В отличие от своих сородичей, Ната, Дага и Сола, у Деллинга нет обязанностей, которые требовали бы, чтобы он отсутствовал дома часть дня. Рассвет - это всего лишь отражение восточного горизонта Мидгарда от подземного жилища Деллинга. Его можно увидеть только тогда, когда Нат покидает верхние небеса и до того, как Даг и Сол выйдут вперед, и он не совершает кругосветного путешествия. Таким образом, с мифологической точки зрения было бы возможно доверить охрану замка *асмегир* эльфу рассвета. У sunset-glow есть еще один гений, Биллинг, и он тоже является творением Модсогнера, если список гномов верен (*Völuspa*, 12). Сол, которую по пути преследуют два гигантских монстра в волчьем обличье, оказывается в безопасности, когда приходит в свой Варнский лес за западным горизонтом (*тил варна видар*—*Grimn.*, 30). Там, в западных залах (Вегтамскв., 11), обитает Биллинг, вождь варнов (*Биллинг веолд Вернум*—*Cod. Экзон.*, 320). Там покоится на своей постели его дочь Ринд, яркая,

как солнце, а его телохранители несут вахту с зажженными фонарями и горящими факелами (Havam., 100). Таким образом, Биллинг является стражем западной границы владений Мимера, Деллинг - восточной.

Из этого следует:

Что цитадель *асмегира* расположена в нижнем мире Мимера, а там, в регионах эльфов рассвета.

Этот Свипдаг, который видел цитадель *асмегир*, совершил путешествие по нижнему миру, прежде чем нашел Менглад и взял ее в жены.

Вывод, к которому мы пришли относительно подземного расположения цитадели, полностью подтверждается другим отрывком из поэтической эдды, где *асмегиры* упоминаются под этим именем. Здесь у нас есть возможность заглянуть в их замок и увидеть зал, украшенный с роскошью для приема ожидаемого гостя.

Вегтамскида рассказывает нам, что Один, встревоженный судьбой своего сына Бальдра, совершил путешествие в нижний мир с целью узнать от вала, что предвещало его любимому сыну. Когда Один проехал через Нифельхель и прибыл на зеленые пастбища (*фолдвегр*), он нашел там внизу зал, украшенный для праздника, и он спрашивает пророчицу:

hvæim eru bekkir
baugum sánir,
flæt fagrlig
floth gulli?

"Для кого скамейки, усыпанные кольцами, и золото, красиво разбросанное по комнатам?"

И вала отвечает:

Ее ученик Баллдри
из брюгина миодр,
скирар вейгар,
лиггр скиоллдр ифир
эн асмегир
из венеи.

"Здесь приготовлен чистый напиток Бальдер медовуха; щиты раскинуты, и *асмегиры* нетерпеливо ждут".

Таким образом, в нижнем мире стоит великолепно украшенный зал, ожидающий прибытия Бальдра. Как и на других больших праздниках, скамьи усыпаны (ср. *breida bekki*, *strá bekki*, *bua bekki*) дорогими вещами, а чистый чудесный мед нижнего мира уже подан в качестве подношения богу. Нужно снять только щитки, прикрывающие сосуд с медом, и все готово к пиршеству. Кто или какие люди в столь благоприятное время года сделали эти приготовления? Вала объясняет, когда она упоминает *асмегиров* и говорит об их тоске по Бальдру. Именно это страстное желание нашло выражение в уже завершенных приготовлениях к его приему. Таким

образом, когда Бальдер доберется до нижнего мира, он должен войти в цитадель *асмегира*, и там его встретит жертвоприношение, состоящее из благороднейшей жидкости творения, придающей силу *сома-мадху* из тевтонской мифологии. В древнескандинавской языческой литературе есть еще только одно место, где мы находим слово *асмегир*, и это в саге об Олафе Трюгвесоне, гл. 16 (Хеймскрингла). Для полноты картины этот отрывок также следует рассмотреть, и при анализе он тоже проливает большой и важный свет на этот предмет.

Мы читаем в этой саге, что ярл Хакон провозгласил по всему своему королевству, что жители должны заботиться о своих храмах и жертвоприношениях, что и было сделано. Хирд-скальд ярла Хакона по имени Эйнар Скалаглам, который в поэме "Веллекла" прославляет его деяния, упоминает о его интересе к языческому богослужению и о хороших результатах, которые это, как предполагалось, принесло для самого ярла и для благосостояния его земли. Эйнар говорит:

Ok hertharfir hverfa
hlakkar móts til blóta,
raudbrikar fremst rækir
ríkr, ásmegir, sliku.
Ну грег йорд сем адан и др.

Put in prose: *Ok hertharfir ásmegir hverfa til blóta; hlakkar móts raudbríkar ríkr rækir fremst sliku. Nu grær jörd sem ádan.*

Перевод: "И *асмегиры*, необходимые на войне, отправляются на жертвенные пиры. Могущественный организатор встречи с красной мишенью богини войны пользуется этим почетом и преимуществом. Теперь земля зеленеет, как и прежде".

Не может быть никаких сомнений в том, что "*асмегир*, требуемые на войне" относятся к людям на территории, управляемой Хаконем, и что "могущественный организатор встречи красной мишени богини войны" относится к самому воинственному Хакону, и, следовательно, смысл отрывка в его простой прозаической форме просто таков: "Люди Хакона снова посвящают себя божественным жертвоприношениям. Это честь и преимущество для Хакона, и земля снова дает обильные урожаи".

Этим мыслям скальд придал облик, обычный для художественной поэзии, адаптировав их к мифологическому фону. Люди на этом фоне - *асмегир* и мифическое существо, называемое "покровителем красной мишени", *раудбрикар рекир*. Люди на переднем плане - это люди из царства Хакона и сам Хакон. Лицам на переднем плане разрешается заимствовать имена соответствующих лиц на заднем плане, но при условии, что заимствованные имена снабжены прилагательными, которые подчеркивают специфическую разницу между первоначальными мифическими кредиторами и реальными заемщиками. Таким образом, подданным Хакона разрешается заимствовать название *асмегир*, но затем оно снабжается прилагательным *хертарфир* (требуется на войне), благодаря чему они особо отличаются от *асмегир* мифического происхождения, а Хакону, со своей стороны, разрешается заимствовать название *раудбрикар рекир* (покровитель красной мишени), но затем это название дополняется прилагательной фразой *хлаккар мотс* (из мифического прошлого). встреча богини войны), благодаря чему Хакон особо отличается от *раудбрикара рекира* мифического происхождения.

Правило также требует, чтобы, по крайней мере в том пункте, о котором рассказывает скальд, персонажи мифологического фона поддерживали отношения друг к другу, которые напоминают

отношения между людьми на переднем плане и могут быть сопоставлены с ними. Люди Хакона находятся в подчиненном отношении к самому Хакону; и так же должен *асмегир* находиться в подчиненном отношении к тому существу, которое называется *раудбрикар рекир*, если предположить, что скальд в этой строфе, как и в других, провел убедительную параллель. Хакон для своих подданных - тот, кто призывает их к благочестию и страху перед богами. *Раудбрикар рекир*, его двойник на мифологическом фоне, должно быть, был таким же для его *асмегира*. Подданные Хакона приносят жертвы, и это является преимуществом и честью для Хакона, и земля снова становится зеленой. В мифологии *асмегир*, должно быть, устраивал какой-то жертвенный пир, и *раудбрикар рекир*, должно быть, имел преимущество и честь, а земля, должно быть, восстановила свое плодородие. Только при этих условиях фигура сравнения соответствует сути и имеет такой характер, что ее можно было бы преподнести без возражений языческим ушам, знакомым с мифами. Следует добавить, что величие Эйнара как скальда не в последнюю очередь проявляется в его способности логически проводить подобные сравнения. Позже мы приведем другие примеры этого.

Кто же тогда этот *раудбрикар рекир*, "промоутер красной мишени"?

На мифологическом языке *раудбрик* (красная мишень) не может означать никакой другой объект, кроме солнца. Сравните *röðull*, которое часто используется для обозначения солнца. Если это нуждалось в подтверждении, то оно у нас есть непосредственно под рукой в том виде, в каком это слово применяется в продолжении парафразы, адаптированной к Хакону. Распространенным парафразом щита является солнце с подходящими прилагательными, и, таким образом, *здесь применяется раудбрик*. Прилагательное здесь - *hlakkar móts*, "встреча богини войны" (то есть обозначение красной мишени), в результате чего красная мишень (= солнце), являющаяся атрибутом мифического *рекира* на заднем плане, заменяется на щит, который становится атрибутом исторического *рекира* на переднем плане, а именно Хакона ярла, могучего воина. Соответственно, *раудбрикар рекир* из мифологии должен быть божеством мужского рода, стоящим в некотором отношении к солнцу.

Этот бог солнца, должно быть, также был в целом богом мира. Если бы он не был таким, но, подобно Хакону, был воинственным щитоносцем, то перефразировка *hlakkar mots raudbríkar rækir* с таким же успехом обозначала бы его как Хакона, и, таким образом, ее нельзя было бы использовать для обозначения только Хакона, поскольку тогда она не содержала бы ни *характерной* характеристики для него, ни *отличительной особенности*, чтобы отличить его от мифического персонажа, чей эпитет *raudbríkar rækir* ему было позволено позаимствовать.

Этот мирный бог солнца, должно быть, спустился в нижний мир и находился там в самых близких отношениях с *асмегирами*, относящимися к владениям Мимер, поскольку здесь он представлен как их вождь на пути благочестия и страха перед богами. В мифе, должно быть, упоминался жертвенный пир или несколько жертвенных праздников, отмечаемых *асмегирами*. От этого или этих жертвенных праздников мирный бог солнца, должно быть, получал преимущества и почести, и вслед за этим земля, должно быть, вновь обретала плодородие, которого до этого была более или менее лишена.

Из всего этого с уверенностью следует, что *раудбрикар рекир* из мифологии - Бальдер. Факт, на который указывает проанализированная выше строфа Веллеклы, а именно, что Бальдр в физической интерпретации является солнечным божеством, ученые-мифологи почти единодушно предполагают, что это так, из-за общего характера мифа о Бальдре. Хотя Бальдер

прославился героическими подвигами, по сути, он бог мира, и после своего нисхождения в нижний мир он больше не связан с враждой и раздорами верхнего мира. Мы уже видели, что он был принят в нижнем мире с большой помпой *асмегирами*, которые с нетерпением ожидали его прибытия, и что они приносят ему в жертву этот светлый мед нижнего мира, о чудесном благотворном и бодрящем влиянии которого будет рассказано ниже. Вскоре после этого его посещает Хермод. Уже перед погребальным костром Бальдра Хермод на самом быстром из всех коней поспешил найти его в нижнем мире (Гильфаг., 51, 52), и Хермод возвращается от него и Нанны с кольцом *Драупнир* для Одина и с покрывалом для богини земли Фьоргин-Фригг. Кольцо, с которого падают другие кольца, и покрывало, которое должно украшать богиню земли, являются символами плодородия. Бальдер, бог солнца, долгое время перед смертью томился. Теперь, в нижнем мире, он подкрепляется бодрящим медом из владений Мимера от *асмегиrow*, которые с радостью делают подношения, и земля вновь обретает свои зеленые поля.

Люди Хакона обозначены в строфе как *хертарфир асмегир*. Когда им разрешается заимствовать имя *асмегир*, то прилагательное *хертарфир*, если оно выбрано с должной тщательностью, должно содержать конкретное различие между ними и мифологическими существами, имя которых они позаимствовали. Другими словами, если бы настоящие *асмегиры* были такой природы, что их можно было бы называть *хертарфирами*, то это прилагательное не служило бы для отличия людей Хакона от них. Слово *хертарфир* означает "те, кто нужен на войне", "те, кого следует использовать на войне". Следовательно, *асмегиры* - это существа, которых *не* следует использовать на войне, существа, чье жилище, окружающая среда и назначение предполагают царство мира, из которого запрещено применение оружия.

Соответственно, параллель, представленная в строфе Эйнара, которую мы сейчас обсуждали, такова:

Мифология.

Мирные существа нижнего мира
(асмегир).

по наущению своего вождя,
бога солнца Бальдра (раудбрикар рекир),

идут приносить жертвы.

Таким образом, выигрывает мирный
Балдер.

Земля снова зеленеет.

ок асмегир,

хверфа до блоты;

раудбрикар рикр рекир фремст слику.

Nú grær jörðsem ádan.

История.

Воинственные обитатели земли (хертарфир
асмегир).

по наущению своего вождя,
Бальдр щита, Хакон (хлаккар мотс раудбрикар
рекир),

идут приносить жертвы.

Балдер щита, таким образом, выигрывает.

Земля снова зеленеет.

ок хертарфир асмегир,

хверфа до блоты

hlakkar móts raudbríkar ríkr rækir fremst sliku.

Nú grær jörð sem ádan.

На заднем плане, который Эйнар придал своему поэтическому пересказу, мы, таким образом, имеем миф, повествующий о том, как бог солнца Бальдер, спустившись в нижний мир, укрепился благодаря жертве сомы, принесенной ему *асмегиром*, и как он отправил обратно с

Хермодом сокровища плодородия, которые отправились с ним и Нанной в нижний мир и которые восстановили плодородие земли.

К какой категории существ тогда относятся *асмегиры*? Мы видели, что это слово применяется как технический термин в ограниченном смысле. Возможности применения, которые предоставляет это слово со ссылкой на его определение, следующие:

(1) Это слово может использоваться в чисто физическом смысле Аса-сыновья, Аса-потомки. В этом случае подземные *асмегиры* по самому своему происхождению были бы членами того клана богов, который проживает в Асгарде, и отцом и патриархом клана которого является Один.

(2) Это слово может быть применено к мужчинам. Они являются детьми Аса-отца в двойном смысле: первая человеческая пара была создана Одним и его братьями (Völusp., 16, 17; Гильфаг., 9), и их отпрыски также являются детьми Одина в моральном смысле, поскольку они подчиняются его руководству и заботе. Он - Альфатер и отец последующих поколений (*оллфаDIR, альдафаDIR*). Слово, по характеру напоминающее *асамегир*, является *асасинир*, и оно используется в Allvismal, 16, таким образом, который показывает, что оно не относится ни к одной из тех категорий существ, которые называются богами (см. Далее, № 62)[5]
Представление о людях как сынах богов также подразумевается во всем человечестве. охватывающая фраза, *мегир Хеймдаллар* (Völusp., 1), с которой связан рассказ о путешествии Риг-Хеймдала по земле и визите к патриархам различных классов.[6]

Истинное значение этого слова в данном случае определяется тем фактом, что *асмегиры* принадлежали к обитателям нижнего мира еще до смерти Бальдра, и что Бальдр - первый из асов и сыновей Одина, который становится обитателем нижнего мира. К этому следует добавить, что если бы *асмегир* имел в виду асов, Эйнар никогда бы не назвал жителей Норвегии, подданных ярла Хакона, *хертарфир асмегир*, ибо *хертарфир* сами являются асами, и это в высшей степени. Они составляют группу более или менее воинственных личностей, которые все были "необходимы в конфликте" в войнах вокруг Асгарда и Мидгарда, и все они, включая Бальдра, являются богами войны и победы. Также было бы неуместно сравнивать людей с асами в том случае, когда первые были представлены приносящими жертвы богам; то есть как лица, подчиненные им и нуждающиеся в их помощи.

The *Асмегиры*, следовательно, являются человеческими существами, исключенными с поверхности земли, из человечества, обитающего в Мидгарде, и являются обитателями нижнего мира, где они проживают в великолепном замке, принадлежащем эльфу рассвета Деллингу, и наслаждаются обществом Бальдра, спустившегося в Аид. К подземным человеческим существам относится также Grimnismal, 21, где говорится, что люди (*меннзкир менн*) обитают под корнями Игдрасиля; и Allvismal, 16 (для сравнения с 18, 20 и другими отрывками), и Skirnismal, 34, где их называют *аслитар*, слово, которое Гудбранд Вигфуссон справедливо предположил, что оно идентично *асмегиру*.

Таким образом, также показано, что *асмегиры* идентичны подземным человеческим личностям Лифу и Лейфтрейзеру и их потомкам в роще Мимера. Забота, с которой мифология представляет цитадель *хранителей асмегира*, показанная тем фактом, что эльфу Деллингу, двойнику Хеймдала в нижнем мире, было доверено ее содержание, понятна и уместна, когда мы знаем, что чрезвычайно важно защитить жилище Лифа и Лейфтрейзера от всех бед, болезней,

возраста и морального зла (см. Выше). Также прекрасна поэтическая мысль о том, что именно эльф утренней зари — тот, за дверью которого миру поется песня пробуждения и блаженства, — был назначен наблюдать за теми, кто на заре нового мира населит землю добродетельными и счастливыми расами. То, что *асмегирам* в нижнем мире разрешено наслаждаться обществом Бальдра, объясняется тем фактом, что Лиф, Лейфтрейзер и их отпрыски после Рагнарека сопровождают Бальдра, чтобы жить под его скипетром и вести безупречную жизнь, соответствующую его желаниям. Они должны быть его учениками, знающими заповеди своего учителя и хранящими их записанными в своих сердцах.

Теперь мы видели, что *асмегиры* еще до смерти Бальдра обитали в роще Мимера. Мы также видели, что Свипдаг во время своего путешествия в нижний мир заметил замок, который, как он знал, принадлежал *асмегирам*. Мифология знает две зимы фимбул; первая бушевала утром времени, другая должна предшествовать Рагнареку. Первое произошло, когда Фрейя, богиня плодородия, была предательски отдана во власть ледяных великанов, и весь воздух пропитался тлением (*Völusp.*, 26); когда от эливогов исходили жалящие, ледяные стрелы мороза, которые убивали людей и уничтожали зелень земли (*Fornspjallsljod*); когда правил король Сноу, и в северных землях начался голод, который вынудил людей эмигрировать на Юг (*Saxo*, i. 415). Свипдаг совершил свое путешествие в нижний мир во время, предшествовавшее первой зиме фимбул. Это следует из того факта, что именно он освободил Фрейю, сестру бога урожая, от власти ледяных великанов (см. № 96-102). Соответственно, Лиф и Лейфтрейзер уже в то время были переведены в *Mimer's grove*. Это должно было произойти до того, как земля и ее обитатели были поражены физическим и моральным злом, когда еще можно было найти непорочных людей, которые были спасены для грядущего мира; и здесь мы обнаруживаем, что мифология, насколько летописи позволяют нам исследовать этот вопрос, логически соответствует этому требованию поэтической справедливости.

54.

ИРАНСКИЙ МИФ О РОЩЕ МИМЕРА.

В связи с попытками определить возраст тевтонских мифов и их родство с другими арийскими (индоевропейскими) мифологиями заслуживает внимания тот факт, что миф о подземной роще и людях, сохраненных там для будущего возрожденного мира, также встречается у иранцев, азиатской расы, родственной тевтонам. Сходство между тевтонской и иранской традициями настолько очевидно, что возникает непреодолимый вопрос — не является ли это изначально, с точки зрения исторического происхождения, одним и тем же мифом, который, хотя и мало подверженный влиянию времени, был сохранен тевтонскими ариями в Прибалтике и иранскими ариями в Бактрии и Персии? Но ответ на этот вопрос требует величайшей осторожности. Психологическое сходство рас может, из-за ограниченности человеческого воображения и среди схожих условий и окружения, создавать мифы, которые похожи друг на друга, хотя они были созданы спонтанно разными расами в разных частях земли. Это может происходить таким же образом, как примитивные орудия труда и жилища, которые похожи друг на друга, могли быть изобретены и использованы расами, далеко отделенными друг от друга, не потому, что одна училась у другой, как эти вещи должны были изготавливаться, и не из-за общего происхождения в древности. Сходство является результатом схожих обстоятельств. Это была та же самая потребность, которая должна была быть удовлетворена; та же самая человеческая логика нашла способ удовлетворить эту потребность; те же самые материалы

предлагались для достижения цели, и те же самые универсальные концепции формы были активны при разработке проблем. Сравнительная мифология никогда не станет наукой в строгом смысле этого слова, пока она не перестанет строить гипотезы на единичном сходстве или даже на нескольких или многих сходствах между географически разделенными мифологическими системами, если только эти сходства не объединятся и не образуют целое, мифическое единство, и если не окажется, что это мифическое единство, в свою очередь, входит в качестве элемента в более сложную систему, которая аналогична по фундаментальной структуре и схожа по своим характерным деталям. Особенно строго это правило должно соблюдаться, когда мы сравниваем мифы народов, которые ни по расе, ни по языку не могут быть прослежены до доисторического единства. Но лучше не ослаблять строгость правил, даже когда мы сравниваем мифы народов, которые, подобно германцам, иранцам и арийцам Ригведы, имеют одно и то же происхождение и один и тот же язык; которые на протяжении веков и даже спустя долгое время после своего разделения передавали из поколения в поколение схожие мифологические концепции и мифические традиции. Я надеюсь, что по мере того, как моя работа будет постепенно продвигаться, в руки моих читателей попадет достаточный материал доказательств для решения вышеупомянутой проблемы. Теперь я начну с изложения иранского мифа о роще Джимы и переселенных в нее подземных человеческих существах.

В древнеиранских религиозных документах Джима - святое и могущественное древнее существо, которое, однако, не принадлежит к числу небесных божеств, окружающих высшего бога Ахурамазду, но должно быть причислено к "смертным", к старейшим провидцам и пророкам древности. Гимн жертвоприношения, посвященный священному меду, жидкости вдохновения (*хома*, *сома* и *сома-мадху* ариев Ригведы, последнее слово совпадает с нашим словом *медовуха*), повествует о том, что Джима и его отец были первыми, кто приготовил медовуху вдохновения для материального мира; что он, Джима, был самым почитаемым из всех, кто родился, и что он из всех смертных больше всего походил на солнце. В его царстве не было ни холода, ни жары, ни мороза, ни засухи, ни старения, ни смерти. Отец рядом со своим сыном походил, как и сын, на пятнадцатилетнего юношу. Зло, сотворенное демонами, не пересекало границ мира Джимы (Младшая *Ясна*, гл. 9).

Джима был любимцем Ахурамазды, высшего бога. Тем не менее, у него была собственная воля. Первым смертным, с которым Ахурамазда заговорил, был Джима, и он научил его истинной вере и пожелал, чтобы Джима распространил ее среди смертных. Но Джима ответил: "Я не гожусь на роль носителя и апостола веры, и во мне не верят, что я таковой являюсь" (*Вендидад*). [Таким образом объясняется, почему истинное учение не стало известно людям до прихода реформатора Заратустры, и почему Джима, обладатель меда вдохновения, тем не менее, обладал истинной мудростью.]

Упоминается (в "*Гош Джашт*" и "*Рам Джашт*"), что Джима почитал двух существ, которые не принадлежали к небесному кругу Ахурамазды, но считались достойными поклонения. Этими двумя были:

1. Корова (*Гош*), которая жила в начале времен, и чья кровь, когда она была убита, оплодотворила землю семенем жизни.
2. *Ваюш*, небесный ветерок. Он идентичен правителю воздуха и ветров в Ригведе, могущественному богу *Вайю-Вате*.

В отношении происхождения и цели королевства, которым правит Джима, в которое не могут проникнуть ни мороз, ни засуха, ни старение, ни смерть, ни моральное зло, Вендидад сообщает следующее:[7]

Авеста.

21. Состоялась встреча со святыми ангелами Ахурамазды, творца. На эту встречу пришел с лучшими людьми Джима, царь, богатый стадами.

22. Затем Ахурамазда сказал Джим:
"Счастливого Джима Вивангхана! В материальном мире наступит суровая зима и, следовательно, сильные, убивающие морозы."

23. Из трех мест, О Джима, коров следует загнать в хорошо огороженные загоны; находятся ли они в дикой местности, или на вершинах гор, или в глубине долин.

24. До зимы на этой земле были луга. До того времени вода (дождь) обычно текла по нему, а снег таял; и в материальном мире, О Джима, были найдены пропитанные водой места, на которых были видны следы крупного рогатого скота и его приплода.

25. Теперь дайте этому ограждению (выше - "хорошо закрытые убежища") с каждой из его четырех сторон длину в единицу ... и принесите туда потомство вашего скота, волов, людей, собак и птиц, а также красные пылающие костры.

26. Наберите там воды в канал длиной в одну хатру. Разместите там ориентиры на золотистом участке, снабженном нетленной пищей. Построй там дом из циновки и жердей, с крышей и стенами.

Зенд.

Состоялась встреча с лучшими людьми Джимы, царя, богатого стадами. На эту встречу пришел со святыми ангелами Ахурамазда, творец.

В материальном мире наступит суровая зима, в результате чего на высочайших горах, на вершинах скал выпадет много снега.

Из трех мест, О Джима, коров следует загонять в хорошо огороженные загоны; находятся ли они в дикой местности, на вершинах гор или в глубине долин.

Теперь дайте корпусу длину, равную единице ... на каждой из его четырех сторон - жилище для людей, и каждой из четырех сторон придайте одинаковую длину, как полю для коров.

27. Принесите туда семя всех мужчин и женщин, которые являются самыми крупными, лучшими и прекрасными на этой земле. Принесите туда семена всех домашних животных, которые являются самыми крупными, лучшими и прекрасными на этой земле.

28. Принесите туда семена всех растений, которые являются самыми высокими и благоухающими на этой земле. Принесите туда семена всех продуктов питания, которые являются самыми вкусными и ароматными на этой земле. И постоянно создавайте из них пары, чтобы эти существа могли существовать в вольерах.

29. Не будет ни гордости, ни уныния, ни медлительности, ни бедности, ни обмана, ни карликовой поросли, ни порока... как и ничего другого из тех знаков, которые являются проклятиями Ангро-майнюша, наложенными на людей.

30. Постройте в самой верхней части этой территории девять мостов; в середине - шесть; в самой нижней части - три. К мостам верхней части вы должны принести семя из тысячи мужчин и женщин, к мостам средней части - семя из шестисот, к мостам нижней части - семя из трехсот.... И сделай дверь в ограждении и самосветящееся окно внутри.

33. Затем Джима сделал ограждение.

39. Что это за огни, ты, праведный Ахурамазда, которые дают свет в ограждениях, сделанных Джимой?

40. Ахурамазда ответил: Один раз (в год) там видны восходящие и заходящие звезды, луна и солнце.

41. И они (живущие в пределах Джимы) думают, что один год - это один день. Каждый сороковой год два человека рождаются двумя людьми. Эти люди наслаждаются величайшим блаженством в ограждениях, созданных Джимой.

42. Справедливый творец! Кто проповедовал чистую веру в ограждениях, созданных Джимой? Ахурамазда ответил: Птица Каршипта.

Сад Джимы, соответственно, был сформирован в связи с ужасной зимой, которая в первый период времени посетила землю, и планировалось сохранить то, что является самым благородным, справедливым и наиболее полезным в царствах органических существ. То, что сад расположен в нижнем мире, прямо не указано в процитированных выше отрывках из "Вендидада"; хотя это, по-видимому, предполагается из того, что сказано; ибо звезды, солнце и луна появляются в саду Джимы только через длительные, определенные промежутки времени — *при их восходе и заходе*; и поскольку поверхность земли опустошена неслыханным морозом, и поскольку долины защищены от него не больше, чем горы, мы не можем без серьезных сомнений представить себе сад расположенным в верхнем мире. О том, что он подземный, однако, прямо сказано в *Бундехеше*, гл. 30, 10, где он расположен под горой Дамкан; и то, что в древнейший период мифа он считался подземным, следует из того факта, что Джима в древнеиранских записях идентична Джаме из Ригведы, чьими владениями и ареной деятельности является нижний мир, царство смерти.

Поскольку закрытый сад Джимы был основан из-за зимы фимбул, которая наступила утром во времени, он продолжает существовать после окончания зимы и сохраняет на протяжении всех исторических эпох те сокровища неповрежденных людей, животных и растений, которые в начале времен были собраны там. Цель этого упоминается в Минохирде, своего рода катехизисе легенд и морали религии Авеста. Там сказано, что после пожара мира и в начале возрождения сад, который создал Джима, откроет свои врата, и оттуда люди, животные и растения снова заполнят опустошенную землю.

Нижний мир, где Джима, согласно древнеиранским записям, основал эту замечательную цитадель, согласно Ригведе, является царством Джамы, а также царством смерти, царем которого является Джама (Ригведа, х. 16, 9; ср. i. 35, 6 и другие отрывки). Это великолепная страна с неиссякаемыми источниками, и там находится дом нетленного света (Ригв., ix. 7, 8; ix. 113, 8). Джама живет под деревом "с широкими листьями". Там он собирает вокруг кубка медовухи отцов древности, и там он пьет с богами (Ригведа, х. 135, 1).

Рот, а вслед за ним и Абель Бергейн (*Religion Ved.*, i. 88 и далее), считают Джаму и Ману, упомянутых в Ригведе, идентичными. Для такого предположения есть веские основания, поскольку речь идет о некоторых отрывках Ригведы; в то время как другие отрывки, особенно те, в которых Ману упоминается рядом с Бхригой, относятся к древнему патриарху человеческого происхождения. Если происхождение слова *Mimer*, *Mumi*, на которое указывают несколько лингвистов, последним из которых является Мюлленхофф (*Deutsche Alt.*, т. v. 105, 106), верно, то изначально это то же имя, что и *Ману*, и, подобно ему, должно относиться к идее мышления, запоминания.

То, что приведенный здесь арийско-азиатский миф имеет общего с тевтонским мифом о подземных обитателях Мимеровой рощи, можно резюмировать следующими словами:

У нижнего мира есть правитель, который не принадлежит к группе бессмертных небесных существ, но находится в самых дружеских отношениях с божеством и является обладателем великой мудрости. В его царстве текут неиссякаемые источники, и дерево, выросшее из его почвы, раскидывает свою листву над его жилищем, где он подает мед вдохновения, который любят боги и который он был первым, кто приготовил. Страшная зима грозила уничтожить все

на поверхности земли. Затем правитель нижнего мира построил в своих владениях хорошо укрепленную цитадель, внутрь которой не могут проникнуть ни разрушительные бури, ни физические недуги, ни моральное зло, ни болезни, ни старение, ни смерть. Туда он перевел лучших и прекраснейших людей, каких только можно было найти на земле, и украсил огороженный сад самыми красивыми и полезными деревьями и растениями. Цель этого сада - не просто защитить существ, собранных там во время великой зимы; они должны оставаться там на протяжении всех исторических эпох. Когда это заканчивается, наступает великий пожар, а затем возрождение мира. Обновленная земля должна быть заполнена существами, которые были защищены подземной цитаделью. У людей, которые там живут, есть наставник в чистом поклонении богам и в предписаниях морали, и в соответствии с этими предписаниями они должны вечно жить справедливой и счастливой жизнью.

Следует добавить, что два существа, которых, как говорят, почитал иранский правитель нижнего мира, встречаются или имеют эквиваленты в тевтонской мифологии. Оба они поставлены там в теогоническую связь с Мимиром. Один - это небесный владыка ветра, Вайуш, Вайю-Вата из Ригведы. Считается, что Вата - это то же имя, что и Водан, Один (Циммер, Журнал Хаупта, 1875; ср. Маннхардт и Кеги). В любом случае, задачи Ваты те же, что и у Одина. Другая - первобытная корова, чье скандинавское имя или эпитет, *Аудумла*, сохранилось в Гильфаге., 6. Андхунла освобождается от ледяных камней в Хаосе Буре, прародителе расы Асов, а его сын Бор женат на сестре Мимера Бестле, и вместе с ней становится отцом Одина (Navam., 140; Гильфаг., 6).

55.

ЦЕЛЬ РОЩИ МИМЕРА В ВОЗРОЖДЕНИИ МИРА.

Теперь мы знаем назначение *Одайнсакра*, земли Мимера и рощи Мимера в мировом плане нашей мифологии. Мы знаем, кто такие обитатели рощи и почему они, хотя и обитают в нижнем мире, должны быть *живыми людьми*, которые не пришли туда через *врата смерти*. Они должны быть живыми людьми из плоти и крови, поскольку человеческая раса возрожденной земли должна быть такой же.

Тем не менее, назначение земли Мимера не ограничивается тем, что в эту эпоху мира она является защитой отцов будущего мира от морального и физического разложения, а также семинарией, где Бальдер обучает их добродетели и благочестию. Как мы видели, роща защищает *асмегира* во время *Рагнарека*, пламя которого туда не проникает. Таким образом, роща и земля, на которой она расположена, существуют после того, как пламя Рагнарека погасло. Считалось ли, что роща после возрождения должна была сохраниться в нижнем мире и там стоять необитаемой, заброшенной, безлюдной и без цели в будущем существовании богов, людей и вещей?

Последние моменты существования земной коры старой земли описываются как хаотическое состояние, в котором все элементы перепутаны друг с другом. Море поднимается, захлестывает землю, тонущую под его волнами, и гребни его волн стремятся к самому небу (ср. *Völusp.*, 54, 2—*Sigr* фолд *i* мар, с Хиндлулом., 42, 1-3—*Хаф генгр хридум вид химинн сиалфанн, лидер лонд*

ифир). Атмосфера, захваченная морем, как бы исчезает (*лофт билар*—Хиндлуль., 42, 4). Его снег и ветры (Hyndluļj., 42, 5-6) смешиваются с водой и огнем и образуют с ними горячие пары, которые "играют" на небесном своде (Völusp., 54, 7-8). Одна из причин, по которой фантазия заставила все силы и элементы природы таким образом соперничать и смешиваться, несомненно, заключалась в том, чтобы обеспечить достаточно вескую причину для растворения и исчезновения обожженной земной коры. Во всяком случае, земля исчезает, когда ярость стихий утихает, и, таким образом, это не является препятствием для акта возрождения, который начинается под волнами.

Этот акт возрождения состоит в том, что из морских глубин поднимается новая земля, которая при самом своем подъеме обладает живыми существами и одевается в зелень. Тот факт, что он, находясь еще под водой, мог быть домом для существ, которым нужен воздух для дыхания и существования, не обязательно следует рассматривать как чудо в мифологии. Нашим предкам достаточно было увидеть, как пузырь воздуха поднимается к поверхности воды, чтобы сделать вывод, что воздух может находиться под водой, не смешиваясь с ней, но обладая способностью отталкивать воду, когда она поднимается к поверхности. Земля, поднимающаяся из моря, имеет, как и старая земля, необходимую атмосферу вокруг себя. При любых обстоятельствах провидица в Велуспе видит после Рагнарека —

урр кома
аудро синни
иордан или эги
ития грена (ул. 56).

Земля, поднявшаяся из глубин, имеет горы и каскады, которые из своих фонтанов на холмах устремляются к морю. В водопадах водятся рыбы, а над ними парит орел, ищущий свою добычу (Völusp., 56, 5-8). Орел не может быть выжившим из существ старой земли. Он не смог бы выстоять в атмосфере, полной огня и пара, и нет никаких причин, по которым мифология должна щадить орла среди всех созданий старой земли. Следовательно, он имеет то же происхождение, что и горы, каскады и нетленная растительность, внезапно появившаяся на поверхности.

Земля, поднявшаяся из моря, также содержит людей, а именно Лифа и Лейфтрейзера, и их потомство. Мифологии не нужно было прибегать к каким-либо фокусам-покусам, чтобы заполучить их туда. Земля, поднявшаяся из моря, была нижним миром до того, как поднялась из глубин, и райский уголок в нижнем мире на протяжении веков был обителью Лифа и Лейфтрейзера. Более чем излишне воображать, что нижний мир с этим Раем был продублирован другим Миром с подобным Раем, и что живые существа из первого были путем каких-то магических манипуляций перенесены во второй. В мифологии есть свои чудеса, но в ней также есть своя логика. Поскольку ее объект заслуживает доверия, она старается быть как можно более правдоподобной и соответствовать своим предпосылкам. Она прибегает к чудесам и волшебству только тогда, когда это необходимо, и никак иначе.

Среди гор, возвышающихся на новой земле, встречаются те, которые называются *Нида-фьель* (Völusp., 62), горы Ниды. Само название Нид предполагает нижний мир. Оно означает "низший". Среди обитателей Гадеса, упомянутых в "Велуспе", есть также золотой зал на равнинах Ниды (*зал Нитха* — стр. 36), а из *Соларлджода* (стр. 56) мы узнаем — утверждение, подтвержденное гораздо более старыми записями, — что Нид идентичен Мимеру (см. № 87).

Таким образом, горы Ниды расположены на полях Мимера. Провидица Вельуспы обнаруживает на обновленной земле Нидхога, демона нижнего мира, поедающего трупы, летящего с мертвыми телами под крыльями прочь от скал, где у него с незапамятных времен была его обитель, и откуда он уносил свою добычу в Наstrand (Völusp., 39). Для него больше не осталось мертвых тел, и его задача выполнена. Невозможно определить, относится ли последняя строка "Велуспы" к Нидхогу или нет, когда в ней говорится о ком-то, "кто должен утонуть". Мюлленхофф (*Deutsche Alt.*) предполагает, что это так, и он, вероятно, прав; но поскольку в тексте *hon* (она), а не *han* (он) [*nu mun hon seyquas*], и поскольку я в этой работе ничего не основываю даже на наиболее вероятной правке текста, этот вопрос откладывается в сторону, тем более что описание возрожденной земли Вельуспой при любых обстоятельствах показывает, что Нидхогу там нечего делать, кроме как улететь оттуда и исчезнуть. Существование гор Ниде на новой земле подтверждает тот факт, что они идентичны бывшему нижнему миру Мимера, и что Лифу и Лейфтрейзеру не нужно было перемещаться из одного мира в другой, чтобы добраться до места своего конечного назначения при дневном свете.

Вельспа приводит еще одно доказательство этого.

В юности, свободные от забот, асы играли со странными дощечками. Но таблички у них были только в *арладаге*, в самое раннее время (Völusp., 8, 58). Впоследствии они, должно быть, тем или иным образом потеряли их. Исландские средневековые саги помнят эту игру в дощечки, и там мы узнаем, что отчасти ее странный характер заключался в том, что она могла сама принимать участие в игре и передвигать фигуры, а отчасти что она сохранилась в нижнем мире и что Гудмунд-Мимер имел привычку играть дощечками (Саги о Форнальдере, i. 443; iii. 391-392; iii. 626 и др. В последних отрывках игра упоминается в связи с другим подземным сокровищем - рогом.) Итак, если у мифологии не было особых причин приносить скрижали из нижнего мира до Рагнарека, то они, естественно, должны были быть найдены на воскресшей земле, если последняя раньше была владениями Мимера. Вельспа (стр. 58) также сообщает, что они были найдены в его траве:

Тар муно эптир
ундрсамлигар
гуллар тавлор
и граси финаз.

"В траве были найдены чудесные таблички (*финаз эптир*)".

Таким образом, игра на планшетах была заново найдена в траве, на лугах обновленной земли, поскольку с самых ранних времен сохранялась во владениях Мимера. Лиф и Лейфтрейзер были найдены после Рагнарека на земле возрожденного мира, поскольку долгое время жили там во владениях Мимера. Горы Ниде и Нидхог вместе с ними были подняты из моря вместе с обновленной землей, поскольку эти горы расположены во владениях Мимера. Земля новой эры — эры добродетели и блаженства — хотя и скрытая, существовала на протяжении тысячелетий под запятнанной грехом землей, как ядро внутри скорлупы.

Замечание—Вельспа (стр. 56) называет землю, поднимающуюся из моря, *иджаграна*:

Сир достопочтенный упп кома
аудро синни

иордан или эги
ития грена.

Общепринятой интерпретацией является *ithia græna*, "вечно зеленая" или "очень зеленая", и это хорошо согласуется с идеей, сохранившейся в упомянутых выше сагах, где говорилось, что зима не смогла опустошить владения Гудмунда-Мимера. Таким образом, идея, содержащаяся в выражении *Haddingjaland's oskurna ax* (см. № 72, 73), повторяется в заявлении Велуспы о том, что на новой земле незасеянные поля дают урожай. Между тем композиция *idja-græna* имеет совершенно ненормальный вид и вызывает подозрения. Мюлленхофф (немецкий альтист) читается как *idja, græna* и переводится как "свежий, зеленый". В качестве гипотезы, и ничего не основываясь на предположении; мне, возможно, будет позволено представить возможность того, что *иджа* - это старый родительный падеж множественного числа от *ида*, бурлящий водоем. У *Ида* изначально была *j* в основе (это связано с *id* и *idi*), и это *j*, должно быть, также слышалось в интонациях. Из различных метафор древних скальдов мы узнаем, что они представляли фонтаны нижнего мира ревущими и пребывающими в волнении (например, *Одрерис алда тит* у Эйнара Скалаглама и *Боднара бара тер вакса* у того же скальда). Если гипотеза настолько верна, насколько это кажется вероятным, то новая земля характеризуется как "зеленая земля бурлящих фонтанов", а фонтаны - это те самые знаменитые три, которые орошают корни мирового дерева.

56.

КОСМОГРАФИЯ. КРИТИКА КОСМОГРАФИИ ГИЛЬФАГИНИНГА.

Относительно положения Игдрасиля и его корней во вселенной есть утверждения как в Гильфагининге, так и в древних языческих летописях. Получить ясное представление, свободное от домыслов и основанное во всех отношениях на доказательствах, о том, как мифология представляла мировое древо и его корни, представляет интерес не только в отношении космографии мифологии, которой Игдрасиль придает ствол и основные очертания, но особенно в отношении мифической концепции нижнего мира и всей эсхатологии; ибо кажется, что каждый из корней Игдрасиля возвышается не только над своим особым источником в нижнем мире, но и над своей особой областью нижнего мира, которая, опять же, имеет свои особые космологические особенности. персонаж и его своеобразный эсхатологический конец.

Однако первым условием плодотворного исследования является то, что мы рассматриваем языческие записи сами по себе, не смешивая их утверждения с утверждениями Гильфагининга. Мы должны иметь в виду, что автор "Гильфагининга" жил и писал в 13 веке, более чем через 200 лет после введения христианства в Исландии, и что его заявления, соответственно, должны стать звеном в той цепочке документов, которые существуют для ученого, пытающегося проследить судьбу мифов в христианский период и изучить их постепенное искажение и путаницу.

Это предостережение тем более важно по той причине, что изучение гильфагинизма очень скоро показывает, что вся космографическая и эсхатологическая структура, которую оно построило на фрагментарных мифологических традициях, основана на концепции, совершенно чуждой тевтонской мифологии, то есть на концепции, сформулированной учеными во франкских монастырях, а затем передаваемой из хроники в хронику, что тевтоны произошли от

троянцев и что их боги изначально были троянскими вождями и магами. Эта "ученая" концепция нашла свой путь на Север и, наконец, достигла своего самого роскошного и обильного расцвета в предисловии к "Младшей Эдде" и в некоторых других частях этого произведения.

Позвольте мне вкратце представить, как космография и эсхатология Гильфагининга развились из этого предположения: — Асы изначально были людьми и обитали в Трое, которая была расположена в центре земли и которая была идентична Асгарду (*тар нэст герду их сер борг и миджум хейми, эр каллат эр Асгардр; тот келлум вер Троя; тар бигду гудин ок эттир их ирра ок йордуст тадан из мерга тидинди, ок грейнир беди, аккорд, ок лопти*—гл. 9).

Первой мифической традицией, поставляющей материал для сооружения, которое Гильфагининг возводит на этом фундаменте, является мост Бифрост. Миф гласил, что этот мост соединял небесные обитатели с частью вселенной, расположенной где-то внизу. Гильфагинизм, который заставляет асов жить в Трое, следовательно, заставляет богов предпринять величайшую смелость - построить мост из Трои на небеса. Но они выдающиеся архитекторы и преуспевают (*Gudin gjördu brú til himins af jördu*—гл. 13).

Вторая используемая мифическая традиция - это фонтан Урд. В мифе говорилось, что боги ежедневно отправлялись из своих небесных обителей по мосту Бифрост к источнику Урд (подземному). Отсюда Гильфагининг делает правильный вывод, что Асгард должен был располагаться на одном конце моста, а фонтан Урд - на другом. Но из посылок Гильфагининга следует, что если Асгард-Троя расположена на поверхности земли, фонтан Урд должен быть расположен на небесах, и что Асы соответственно, когда они едут к источнику Урд, должны ехать вверх, а не вниз. Вывод сделан с абсолютной последовательностью ("*Хверн даг рида асир тангат улп ум Бифрест*" — гл. 15).

Третья мифическая традиция, используемая в качестве материала, - это мировое древо, которое спускалось (в нижний мир) к источнику Урд. Согласно Вельуспе (19), этот фонтан находится под ясенем Игдрасиль. Вывод, сделанный Гильфагинингом с помощью его троянских предпосылок, заключается в том, что, поскольку источник Урд находится на небесах и все еще находится под одним из корней Игдрасиля, этот корень должен быть расположен еще выше на небесах. Размещение корня также выполняется последовательно, так что мы получаем следующую серию неправильных локализаций: —Внизу, на земле, Асгард-Троя; оттуда до небес мост Бифрост; над Бифростом, фонтан Урд; высоко над фонтаном Урд, одним из трех корней Игдрасиля (которые в мифологии все находятся в нижнем мире).

Поскольку один из корней Игдрасиля, таким образом, получил свое место высоко в небесах, возникла необходимость поместить второй корень на уровне земли, а третьему было позволено сохранить свое положение в нижнем мире. Таким образом, было произведено справедливое распределение корней между тремя областями, которые в представлении средневековья составляли вселенную, а именно: небесами, землей и адом.

Таким образом, были созданы два мифа, которые послужили делу в отношении одного из оставшихся корней Игдрасиля. Один миф был взят из Велуспы, где было известно, что фонтан Мимера находится под священным мировым древом; другой был Гримнисмаль (31), где нам рассказывают, что ледяные великаны обитают под одним из трех корней. В то время, когда был написан "Гильфагининг", и еще позже, народные предания рассказывали, что Гудмунд-Мимер происходил от великанов (см. Средневековые саги, рассказанные выше). Из этого

Гильфагининг делает вывод, что Мимер был ледяным великаном, и отождествляет корень, который тянется к ледяным великанам, с корнем, который тянется к фонтану Мимера. Таким образом, этот источник созидательной силы, сохранения мира, мудрости и поэзии получает от Гильфагининга свое место в обители сил мороза, враждебных богам и людям, в стране ледяных великанов, которую Гильфагининг считает Йотунхеймом, граничащим с землей.

Таким образом, Гильфагининг, отправной точкой которого является троянская гипотеза, зашел так далеко, что отделился от нижнего мира с его тремя царствами и тремя фонтанами: Царством и фонтаном Урд, которые были перенесены на небеса, и царством и фонтаном Мимер, которые были перенесены в Йотунхейм. В мифологии эти два царства были подземными областями блаженства, а третье, Нифельхель, с подвластными ему областями, было обителью проклятых. После того, как эти разделения были сделаны, Гильфагининг, чтобы быть логичным, должен был предположить, что нижний мир язычников был исключительно царством страданий и пыток, своего рода аналогом ада Церкви. Этот вывод также сделан с должной последовательностью, и третий корень Игдрасиля, который в мифологии спускался к колодцу Хвергельмер и нижнему миру ледяных великанов, Нифельхелю, Нифельхейму, распространяется на весь нижний мир, последний считается идентичным Нифельхейму и связанным с ним местам наказания.

Этот результат влечет за собой другой. Богиней нижнего мира, и особенно его области блаженства, была в мифологии, как будет показано ниже, богиня судьбы и смерти Урд, также называемая Хель, названная в честь страны, которой она правила. В местном понимании название Хель могло быть применено частично ко всему нижнему миру, что случалось редко, частично к царствам блаженства Урд и Мимер, что было более распространенным явлением, и Хель тогда была противоположностью Нифельхелю, который был исключительно обителью страданий и пыток. Доказательства этого будут приведены ниже. Но когда нижний мир был преобразован в своего рода ад, имя Хель, как в его местном, так и в личном значении, должно было претерпеть аналогичные изменения, и поскольку Урд (настоящая Хель) была перенесена на небеса, ничто не мешало Гильфагинингу заменить королеву нижнего мира дочерью Лока, низвергнутой в Нифельхель, и дать ей имя Хель и скипетр над всем нижним миром.

Автор Гильфагининга также без колебаний придерживается этого метода, хотя у него были все основания подозревать его правильность. Некоторая нерешительность здесь, возможно, была бы уместна. Согласно мифологии, чистый и благочестивый бог Аса Бальдер приходит в Хель, то есть в нижний мир, и в одно из его царств блаженства. Но после трансформации, которой был подвергнут нижний мир в системе Гильфагининга, нисхождение Бальдра в Хель должно было означать нисхождение в мир страданий и пыток и пребывание в нем, а также отношение подчиненного к дочери Лока. Это должно было пробудить сомнения в сознании автора "Гильфагининга". Но даже здесь у него хватило смелости быть верным своим предпосылкам, и, даже не задумываясь об абсурдности, в которую он себя вовлекает, он идет дальше и наделяет сестру змея Мидгарда и волка Фенрира той совершенной силой, которая раньше принадлежала олицетворенной Судьбе, так что те же боги, которые ранее низвергли ужасного ребенка Локе в девятую область Нифельхеля, теперь вынуждены послать полномочного министра к ее величеству, чтобы поговорить с ней и помолиться за освобождение Бальдра.

Но, наконец, наступает момент, когда мужество последовательности подводит Гильфагининга. Способ, которым он расположил корни мирового дерева, заставляет нас прежде всего представить Игдрасиль горизонтально расположенным в пространстве. Попытка сделать этот

вопрос понятным не может дать никакой другой картины Игдрасиля, соответствующей утверждениям Гильфагининга, кроме следующей:

The root over heaven
and over Urd's fountain.

The root over Jotunheim
and over Mimer's well.

The root over the
lower world and
over Hvergelmer's
fountain.

Ygdrasil's trunk.

Но Гильфагининг не склонен делать такой вывод. Напротив, он настаивает на том, что Игдрасиль стоит прямо на своих трех корнях. Как же нам тогда следует воспринимать его корни как соединенные друг с другом, а с этим стволom он очень благоразумно оставляет нас в неведении, ибо это находится за пределами человеческого воображения.

Контраст между мифологической доктриной в отношении трех корней Игдрасиля и взглядом Гильфагининга на этот предмет может быть легко продемонстрирован следующими параллелями:

Мифология.

1. Игдрасиль имеет три корня.
2. Все три корня находятся под землей.
3. Каждому корню соответствует источник и сфера в нижнем мире. Нижний мир состоит из трех сфер, каждая со своим источником и каждая со своим корнем.
4. Под одним из подземных корней обитает богиня смерти и судьбы Урд, которую также

Гильфагининг.

1. Игдрасиль имеет три корня.
2. Один находится в нижнем мире; второй стоит над Йотунхеймом на одном уровне с землей; третий возвышается над небесами.
3. Каждому корню соответствует источник и царство; царства - это небеса, Йотунхейм, и нижний мир, каждый из которых расположен под его корнем.
4. Под одним из корней, то есть тем, что возвышается над небесами, обитает Урд, богиня

называют Хель, и в ее царстве находится источник Урд.

судьбы, и там находится источник Урд.

5. Под другим (подземным) корнем обитает Мимер. В его царстве находится фонтан Мимера и роща Мимера, где подземная раса людей сохраняется для будущего мира. Следовательно, можно сказать, что этот корень стоит над *mennskir menn* (Гримнерсмал).

Говорят, что один из корней возвышается над *меннскир менн* (*Grimpersmal*). Согласно Гильфагинингу, под этим подразумевается не корень над колодцем Мимера, а корень над источником Урд, возле которого асы проводят свои собрания, поскольку асы на самом деле являются людьми, жившими на земле в городе Троя.

6. Под третьим (подземным) корнем обитают морозные великаны. Под этим корнем находится колодец Хвергельмер, а царство ледяных великанов - Нифельхель (*Nifelheim*). Под Нифельхелем находятся девять областей пыток.

6. Под третьим (и единственным подземным) корнем обитают души грешников и тех, кто умер от болезней и старости. Под этим корнем находится колодец Хвергельмер и весь нижний мир. Нижний мир называется Нифельхель или Нифельхейм и содержит девять мест пыток.

7. Сестра змея Мидгарда и волка Фенрира была брошена богами в области пыток под Нифельхелем и получила власть над местами, где наказывают проклятых.

7. Сестра змея Мидгарда и волка Фенрира была брошена богами в области пыток под Нифельхелем и получила власть над всем нижним миром, который состоит из Нифельхеля с девятью областями пыток.

8. Имя Хель может быть применено ко всему низшему миру, но в особенности означает ту область блаженства, где находится источник Урд, ибо Урд - это личная Хель. Дочь Локи в Нифельхеле - ее рабыня и должна подчиняться ее приказам.

8. Поскольку Хель означает нижний мир, и поскольку сестра змеи Мидгарда управляет всем нижним миром, она подразумевается под личной Хель.

Гильфагининг не останавливается на приведенных выше результатах. Он продолжает цепочку своих выводов. После того, как Гильфагининг выбрал Хвергельмер в качестве единственного источника в нижнем мире, он должен, поскольку нижний мир был превращен в своего рода ад, быть источником ада, и в этом отношении его легко распознать в христианской концепции средневековья. В этом новом персонаже Хвергельмер становится центром и худшим местом в описании Гильфагинингом языческой Геенны. Без сомнения, потому, что старый дракон, низвергнутый в бездну (Откровение, гл. 20), который можно найти в адском фонтане

средневековья, Гильфагининг сбрасывает Нидхога в Хвергельмер, который он также заполняет змеями и мертвыми телами, найденными в Гримнисмале (стр. 34, 35), где они не имеют никакого отношения к Хвергельмеру. Согласно Вельуспе, именно в Настрандах Нидхог сосет, а волк разрывает мертвые тела (*наир*). Гильфагининг следует за Вельуспой, говоря о других ужасах Настранда, но отвергает заявления Вельуспы о Нидхоге и волке и сбрасывает обоих этих зверей в фонтан Хвергельмер. Как будет показано ниже, Хвергельмер из мифологии является матерью-источником всех вод и расположена на высокой равнине в нижнем мире. Оттуда его воды текут частично на север, к Нифельхейму, частично на юг, к елисейским полям языческого мира, и волны, посылаемые в последнем направлении, сияют, чисты и святы.

Существовал старый обычай, по крайней мере в Исландии, что кабинки для размещения посетителей строились вокруг отдаленного места проведения парламента. Гильфагининг заставляет своих троянских асов последовать примеру исландцев и построить дома вокруг места, которое они выбрали рядом с фонтаном Урд, после того, как им удалось с помощью Бифроста обеспечить связь между Троей и небесами. Сделав это, Гильфагининг распределяет, насколько это возможно, божественные чертоги и обители блаженства, упомянутые в мифологии, между Троей на земле и тем, что находится на небесах.

Этого может быть достаточно, чтобы показать, что мнимый рассказ Гильфагининга о древней мифологической космографии, поскольку отправной точкой в нем является Троя, а также, несомненно, в некоторой степени результат христианских методов мышления, с помощью которых автор интерпретировал доступные ему языческие мифы, является просто чудовищной карикатурой на мифологию, карикатурой, которая продолжается, но не с самодовольством и уверенностью, а в запутанной и противоречивой манере, в "эсхатологии Гильфагининга".

Теперь моей главной задачей будет просмотреть и исследовать все отрывки из мифологических песен Старшей Эдды, в которых встречаются слова "Хель" и "Нифельхель", чтобы таким образом выяснить, в каком смысле или смыслах там используются эти слова, и в то же время отметить все отрывки, которые могут встретиться мне на пути и которые важны для мифа о нижнем мире.

57.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБИХОДЕ.

Скандинавское *Hel* - это то же самое слово, что и готское *Halja*, древнегерманское *Hella*, англосаксонское *Hellia* и английское *Hell*. Из-за того, что оно встречается с аналогичным значением в разных тевтонских языках в их древнейших лингвистических памятниках, ученые смогли сделать вывод, что это слово указывает на примитивное тевтонское *Halja*, означающее нижний мир, божество нижнего мира. Считается, что оно связано с латинскими *oc-cul-ere*, *cel-are*, *clati* означает того, кто "прячет", "укрывает", "сохраняет".

Когда книги Нового Завета были впервые переведены на тевтонский язык, на готский диалект, переводчику Ульфилу пришлось найти какой-то способ различать подходящими словами два царства нижнего мира, упомянутые в Новом Завете, Аид и Геенну (*geen a*).

Аид, среднее состояние и местность, соответствующая этому состоянию, которая содержит как поля блаженства, так и области пыток, он перевел словом *Halja*, несомненно, потому, что значение этого слова наиболее точно соответствовало значению слова *Hades*. Для обозначения Геенны, ада он использовал заимствованное слово *гайаинна*.

В древненемецком переводе Аид также воспроизводится словом *Hella*. Для обозначения Геенны используются два выражения, составленных из *Hella*. Один из них, Хеллависи, принадлежит к той форме, которая впоследствии стала преобладать в Скандинавии. Оба соединения свидетельствуют о том, что место наказания в нижнем мире не могло быть выражено с помощью *Hella*, но было необходимо добавить слово, которое показывало, что имелось в виду подземное место *наказания*. То же самое слово, обозначающее Геенну, встречается у германских христиан в Англии, а именно *Hellewite*; то есть, *the Hellia*, та часть нижнего мира, где необходимо совершать покаяние (*vite*) за свои грехи. Из Англии выражение, несомненно, пришло в Скандинавию, где мы находим в исландском *Helvíti*, в шведском *Hälvete* и в датском *Helvede*. В исландской литературе это впервые встречается у Халльфреда, того самого скальда, который с большими колебаниями позволил Олафу Трюгвесону убедить себя отказаться от веры своих отцов.

За много веков до того, как Скандинавия была обращена в христианство, Римская церковь почти стерла границу между подземным Аидом и Геенной Нового Завета. Нижний мир в целом превратился в царство пыток, хотя и с различными градациями. Областей блаженства там больше не было, и для Хель в том смысле, в каком Ульфила употреблял *Halja*, и для древненемецкого перевода *Hella* в христианской концепции больше не было места. Поэтому на Севере слову "Хель" было позволено оставаться языческим словом и сохранять его языческое значение до тех пор, пока христианские поколения были в состоянии или стремились сохранить его. Естественно, что память об этом значении должна постепенно угасать, и что идея христианского ада должна постепенно переноситься на языческую *Хель*. Это изменение можно довольно точно проследить в древнескандинавской литературе. Это происходило медленно, ибо учение о нижнем мире в тевтонской религии мощно воздействовало на воображение и, как явствует из тщательного изучения, отнюдь не было неопределенным в своих очертаниях, напротив, оно было описано самыми четкими линиями и самыми яркими красками, вплоть до мельчайших деталей. Только в тринадцатом веке стало возможным такое описание языческого Ада, как у Гильфагининга, и нашлись читатели, которые согласились бы с ним. Но даже тогда воспоминания (сохранившиеся фрагментами с языческих времен) о доктрине нижнего мира не были настолько запутанными, но было возможно представить гораздо более верное (или, скорее, не столь совершенно ложное) ее описание. Представление Гильфагининга о языческом Аиде основано не столько на существовавшей в то время путанице традиций, сколько на выводах, сделанных из ложных посылок самого автора.

При решении вопроса о том, в какой степени Хель у скандинавских язычников имела значение, идентичное или сходное с тем, которое имели Халя и Хелла у их готских и германских сородичей — то есть значение царства смерти такой природы, что его нельзя было с лингвистической корректностью использовать при переводе "Геенна", — мы должны сначала обратиться к тому, что действительно является древнейшим источником, к использованию разговорного языка в выражениях, где встречается слово "Хель". Самим присутствием Хель такие выражения показывают, что они пришли из язычества или были образованы по аналогии со старыми языческими фразами. Один из этих способов речи все еще существует: *i hjäl* (*slá ihjäl, svälta ihjäl, frysa ihjäl* и т.д.), что является древнескандинавским *i Hel*. Мы не используем это выражение в том смысле, что человек, убитый оружием, голодом или морозом, низводится в бездну пыток. Еще меньше язычники могли использовать его в этом смысле. Эта фраза никогда бы не была создана, если бы слово "Хель" специально передавало понятие места наказания. Уже в очень отдаленные времена *Хель* приобрела абстрактное значение *смерти*, но таким образом, что

фраза легко наводила на конкретную мысль — царство смерти (пример этого будет приведен ниже). То, что можно сказать о *и Хель*, также применимо к таким фразам, как *бида Хельяр*, ожидать Хель (смерти); *буаск тиль Хельяр*, снаряжаться для путешествия в Хель (быть окутанным саваном); *лигджа милли хеймс ок Хельяр*, находиться между этим миром и Хель (между жизнью и смертью); *лигджа а Хельяр трети*, лежать на пороге Хель. Похороны могли называться *Helför* (Хель-путешествие); смертельная болезнь *Helsótt* (Хель-болезнь); умерших могли называть *Helgengnir* (ушедшие в Хель). О друзьях сказано, что только Хель (смерть) могла разлучить их (Fornm., vii. 233).

Таким образом, очевидно, что Хель в более общем местном смысле этого слова относилась к месту, общему для всех умерших, и что это слово использовалось без какого-либо дополнительного намека на проклятие и пытки в умах тех, кто его использовал.

58.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ВЕГТАМСКВИДЕ И В ВАФТРУДНЕРСМАЛЕ.

Когда Один, согласно Вегтамсквиде, решил получить в нижнем мире достоверную информацию о судьбе, угрожавшей Бальдру, он оседлал своего Слейпнера и поехал туда. По пути он первым делом зашел в Нифельхель. Когда он был еще в Нифельхеле, он встретил на своем пути собаку с окровавленной грудью, которая пришла со стороны, где находится та часть нижнего мира, которая называется Хель. Таким образом, всадник и собака пришли с противоположных сторон, и первый продолжил свой путь в том направлении, откуда появился второй. Собака повернулась и долго преследовала Одина своим лаем. Затем всадник достиг *фолдвегра*, то есть дороги по заросшим травой равнинам. Дорога эхом отдавалась под копытами коня. Затем Один, наконец, пришел в высокое жилище, которое называется *Хельярранн* или *Хельяр ранн*. Название жилища показывает, что оно находилось в Хель, а не в Нифельхеле. Это последнее царство нижнего мира осталось у Одина за спиной с тех пор, как он достиг зеленых полей, и с тех пор, как пес, очевидно, стороживший границы между Нифельхелем и Хель, оставил его в покое. Высокое жилище было украшено, как для пира, и подавалась медовуха. Один узнал, что это была обитель, где *асмегиры* с нетерпением ждали прибытия Бальдра. Итак, Вегтамсквида:

2. Ræid hann (Odin) nidr thathan
Niflhæljær til,
mætti hann hvælp
theim ær or hæliu kom.

3. Са вар блодугр,
урн бриост фрейман,
ок галдрис федур,
гол ум ленги.

4. Фрамм раид Один,
фолдвегр дунди,
бан ком в хафу
Элиар ранни.

7. Ее стендр Баллдри

из бруггинна мира.
Ладно, прощай,
я согласен.

Вегтамсквида отчетливо различает Нифельхель и Хель. В Хеле находится жилище, которое ожидает сына богов, благороднейшего и благочестивейшего из всех асов. Жилище, поражающее расточительным великолепием, описывается как полная противоположность тому ужасному жилищу, которое, согласно Гильфагинингу, принадлежит королеве нижнего мира. В "Вафтруднерсмале" (43) старый великан говорит:

Фра йотна руном
на весь год
, эк канн сегия сатт,
твиат хверн хефи эк
хейм ум комитет:
нио ком эк хейма
фюр Нифльхель недан,
хиниг дейя или Гелио халир.

О рунах великанов
и обо всех богах
я могу говорить правдиво;
ибо я побывал
в каждом мире.
В девяти мирах Я побывал
под Нифельхелем,
там умер "халир" из Хель.

Подобно Вегтамсквиде, Вафтруднерсмаль также проводит четкое различие между Хель и Нифельхель, особенно в тех наиболее примечательных словах, которые туда, *т.е.* к Нифельхель и подвластным ей областям, *умирают* от "Хель" "халир". *Халир* означает мужчин, человеческие существа; применительно к существам нижнего мира *халир* означает мертвецов, души умерших людей (ср. Аллвизм., 18, 6; 20, 6; 26, 6; 32, 6; 34, 6, с 28, 3). Соответственно, здесь говорится не что иное, как о том, что умершие люди, пришедшие в царство, называемое Хель, могут быть подвержены второй смерти, и что через эту вторую смерть они приходят в Нифельхель. Таким образом, здесь проводится такое же резкое различие между жизнью в Хель и в Нифельхеле, как между жизнью на земле и жизнью в Хель. Следовательно, эти два подземных царства должны представлять собой совершенно разные условия. Каковы эти различные условия, Вафтруднерсмаль нам не сообщает, и я не буду предвосхищать расследование по этому вопросу; еще меньше я буду апеллировать к заверениям Гильфагининга, что царство пыток находится под Нифельхелем, и что именно злые люди (*вандир менн*) вынуждены пересекать границу из Хель в Нифельхель. Пока что следует иметь в виду, что именно в Нифельхеле Один встретил кровавого пса-демона, который облаял Аса-величество, хотя и не смог помешать отцу могущественного и защищающего волшебства продолжить его путешествие; с другой стороны, именно в Хель Один увидел великолепную обитель, где *асмегир* уже подал драгоценный подземный мед для его сына, справедливого Бальдра. Это доказывает, что те, кто через вторую смерть пересекают границу из Хель в Нифельхель, не получают от этого перехода лучшей участи, чем та, к которой Хель приглашает тех, кто умер первой смертью. Бальдер в одном царстве, запятнанный кровью родственник Цербера в другом - на данный момент это единственная, но не неважная гиря на весах, которая должна решить вопрос, является ли та граница, которую вторая смерть проводит между Хель и Нифельхелем, границей между царством блаженства и царством страдания, и в этом случае, является ли Хель или Нифельхель царством блаженства.

Это выражение в *Vafthrudnersmal*, *hinig deyja ulu Helio halir*, также выдвигает на первый план другой вопрос, который, пока остается без ответа, усложняет первый вопрос. Если Хель - это царство блаженства, и если Нифельхель с подвластными ему областями - это царство несчастья, то почему души проклятых не отправляются сразу к своему конечному пункту назначения, а сначала попадают в царство блаженства, затем в царство тоски и боли, то есть после того, как они умрут второй смертью на границе между ними двумя? И если, напротив, Хель была царством несчастья, а Нифельхель предлагал лучшую участь, то почему те, кому уготована лучшая участь, сначала должны быть приведены к ней через мир пыток, а затем быть отделены от последнего второй смертью, прежде чем они смогут достичь более счастливой цели? Ответы на эти вопросы будут даны только позже.

59.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ГРИМНЕРСМАЛЕ. ФОНТАН ХВЕРГЕЛЬМЕРА И ЕГО ЗАЩИТНИКИ. ПОГРАНИЧНАЯ ГОРА Между ХЕЛЬ И НИФЕЛЬХЕЛЕМ. СЛОВО HELBLOTINN В ТОРСДРАПЕ.

В Гримнерсмале слово "Хель" встречается дважды (стр. 28, 31), и это стихотворение является (вместе с Гильфагинингом) единственной древней записью, которая дает нам какую-либо информацию о колодце Хвергельмер под этим названием (стр. 26, далее).

Из того, что рассказывается, следует, что мифология представляла Хвергельмер как обширный резервуар, мать-источник всех вод мира (*тадан эйго вонтн аулл вега*). В первом ряду упоминаются несколько подземных рек, которые берут начало в Хвергельмере и берут оттуда свое русло в различных направлениях. Но воды земли и небес также исходят из этого огромного источника и, завершив свой кругооборот, возвращаются туда. Жидкости или соки, которые поднимаются по стволу мирового дерева к его ветвям и листьям вокруг чертога Ее Отца (Валхал), возвращаются в виде дождя в Хвергельмер (*Grimnersmal*, 26).

Названы сорок рек, впадающих там. (Все ли они были найдены в оригинальном тексте, может быть предметом сомнений. Интерполяторы, возможно, добавили по своим собственным знаниям.) Три из них упоминаются в других записях, а именно, *Slidr* в "Волюспе", 36, *Gjöll* в отчете о путешествии Хермода в царство Хель, которое в основных чертах было спасено автором "Гильфагининга" (*Gylfag.*, гл. 52) и *Leiptr* в "Helge Hund.", ii. 31 — и все три упоминаются таким образом, чтобы доказать, что это подземные реки. Скользящий поток ведет в царство пыток и закручивает оружие в своих водоворотах, предположительно, чтобы помешать или напугать кого-либо, пытающегося пересечь границу. Над *Гьеллем* есть золотой мост, ведущий в подземную обитель Бальдра. *Лейптр* (название которого означает "сияющий") имеет чистые воды, которые являются святыми и которыми приносятся торжественные клятвы, например, на Стиксе. Из этих последних двух рек, вытекающих из Хвергельмера, говорят, что они впадают в Хель (*фалла тиль Хельяр*, стр. 28). Таким образом, все это находится под землей. Следующая строфа (29) добавляет четыре реки — *Кермт* и *Эрмт*, а также два *Керлогара*, о которых говорится, что именно через них Тор должен переходить вброд каждый день, когда ему приходится идти к судилищу богов возле ясеня Игдрасиль. Ибо он не скачет верхом, как другие боги, когда они спускаются через Бифрост к стоянке тварей у источника Урд. Лошади, которых они используют, названы в строфе 30, и их десять, как асов, если вычесть Тора, который ходит, и Бальдра и *Хедра*, которые живут в Хель. Также Тор не должен был в этих путешествиях, если он хотел отправиться маршрутом через Бифрост, использовать колесницу грома, поскольку пламя, исходящее из нее, могло поджечь мост Аса и заставить святые воды светиться (стр. 29). То, что

громовая колесница также опасна для более высоких областей, когда она приводится в движение, Йодольф дает нам блестящее описание в поэме "Хаустлаунг". Поскольку по этой причине Тору пришлось перейти вброд четыре реки, прежде чем он добрался до источника Урд, русла этих рек, должно быть, были задуманы как пересекающие пути, по которым бог направлялся к стоянке вещей. Соответственно, они должны проходить свой путь где-то в царстве Урд или по пути туда, и, следовательно, они тоже принадлежат к низшему миру.

Говорят, что другие реки, вытекающие из Хвергельмера, поворачивают свое русло вокруг места под названием *Ходд-года* (ул. 27 *ther hverfa um Hodd-goda*). Этот речной пояс, который мифология объединяет вокруг одного места, по-видимому, указывает на то, что это царство, из которого важно изгнать все, чему там не место. Само название, *Ходд-года*, указывает в том же направлении. Слово *hodd* означает то, что скрыто (сокровище), и в то же время защищенное священное место. В немецкой поэме *Heliand* слово *hord*, соответствующее *hodd*, используется по отношению к святой святынь Иерусалимского храма. Как мы уже знаем, в нижнем мире есть место, к которому применимы эти упоминания, а именно цитадель, охраняемая Деллингом, эльфом рассвета, и украшенная знаменитыми художниками нижнего мира — цитадель, в которой *асмегир* и Бальдер — и, вероятно, *Ходр* тоже, поскольку он перенесен в нижний мир и вместе с Бальдром должен вернуться оттуда — ожидают конца исторического времени и возрождения. Слово *года* в "Ходд-году" указывает на то, что это место принадлежит существам божественного ранга или доверено им.

Из того, что здесь было сказано относительно Хвергельмера, следует, что могучий колодец был задуман как расположенный на высоком водосбросе, высоко в подземном горном хребте, откуда те реки, источником которых он является, стекают в разных направлениях в разные царства Ада. О некоторых из этих рек говорится, что они в своих верховьях, прежде чем достичь Хель, протекают в непосредственной близости от человечества (*гумном нэр*—стр. 28, 7), что, естественно, не может иметь никакого другого значения, кроме того, что высокогорье, через которое они текут после выхода из Хвергельмера, считалось лежащим не очень глубоко под корой Мидгарда (земли). Хвергельмер и эту возвышенную землю не следует относить к той части нижнего мира, которая в Гримнерсмале называется Хель, ибо только после того, как реки потекут через горный ландшафт, где находится их исток, о них говорят, что они *падают до Хелджара*.

Итак, (1) в нижнем мире есть горный хребет, высокая земля, где находится Хвергельмер, источник всех вод; (2) эта гора, которую мы в настоящее время можем называть горой Хвергельмер, является водоразделом нижнего мира, из которого реки текут в разных направлениях; и (3) тот участок нижнего мира, который называется Хель, лежит ниже одной стороны горы Хвергельмер, и оттуда вытекает множество рек. Как называется та часть нижнего мира, которая лежит по другую сторону горы Хвергельмер, в Гримнерсмале не указано. Но из Вафтруднерсмаля и Вегтамсквиды мы уже знаем, что Хель ограничена Нифельхелем. В Вегтамсквиде Один едет через Нифельхель в Хель; в Вафтруднерсмалях *халир* умирает от Хель до Нифельхеля. Таким образом, Хель и Нифельхель кажутся противоположностями друг друга и дополняют друг друга, и в сочетании они образуют весь нижний мир. Отсюда следует, что земля по другую сторону горы Хвергельмер - это Нифельхель.

Также представляется необходимым, чтобы оба этих царства Аида в мифологии были отделены друг от друга не только абстрактной пограничной линией, но и естественной границей - горой

или водоемом, — которая могла бы запрещать пересечение границы лицами, которые не имели на это права и не были обязаны пересекать. Традиция, на которой основан рассказ Саксона о путешествии Горма в нижний мир, гласит, что Горм и его люди, когда из царства Гудмунда-Мимера они желают посетить обители проклятых, сначала пересекают реку, а затем подходят к границе, которую нельзя пересечь, кроме как по *скалам*, ступеням на горной стене или лестницам, над которыми расположены ворота, ведущие в город, "больше всего напоминающий облако пара" (*vaporanti maxime nubi simile*—i. 425). Это способ Саксо перевести имя Нифельхель, точно так же, как он в рассказе о путешествии Хаддинга в нижний мир перевел *Glæsisvellir* (Сверкающие поля) с помощью *loca aprica*.

Что касается топографии и эсхатологии нижнего тевтонского мира, то сейчас важно выяснить, на каких противоположных сторонах горы Хвергельмер должны были располагаться Хель и Нифельхель.

Нифл, древнее слово, связанное с *туманностью* и *нефек* означает туман, дымка, облако, темноту. Нифельхель означает *тот* Хель, который окутан туманом и сумерками. Само название Хель, очевидно, имело отчасти более общее применение к территории, охватывающей все царство смерти — иначе оно не могло бы использоваться как часть составного слова *Нифельхель* — отчасти более ограниченное значение, в котором Хель, как в Вафтруднерсмале и Вегтамсквиде, резко контрастирует с *Нифельхелем*, и с последней точки зрения это та часть нижнего мира, которая не окутана туманом. .

Согласно космографии мифологии, до того, как "жили Имеры", существовал Нифельхейм, мир тумана, тьмы и холода, к северу от Гинунгагапа, и противоположный мир, мир огня и жара, к югу от пустой бездны. К сожалению, только Гильфагининг сохранил для нашего времени эти космографические очертания, но нет никаких подозрений, что автор Гильфагининга их выдумал. Тот факт, что в его космографическом описании также упоминается древняя корова Аудумла, которая больше нигде не упоминается в наших мифологических записях, но не полностью забыта в наших народных традициях и которая является подлинно арийской концепцией, является сильнейшим аргументом в пользу того, что у него под рукой были подлинные авторитеты для его теокосмогонии, хотя он и использовал их произвольным образом. Можно также сказать, что германцы были вынуждены построить космогонию, гармонирующую с их представлением о том мире, с которым они были лучше всего знакомы, о своем собственном доме между холодным Севером и теплым Югом.

Нифельхель в нижнем мире имеет своего двойника в Нифельхейме в хаосе. Гильфагининг отождествляет их (гл. 6 и 34). Форспьяллсльюд делает то же самое и находит Нифельхайм далеко на севере в нижнем мире (*nordr at Nifelheim*—str. 26), за самым дальним корнем Игдрасиля, под которым в стихотворении богиня ночи, завершив свое путешествие по небесам, отдыхает для нового путешествия. Когда Ночь завершает такое путешествие и приходит в нижний мир, она направляется на север в направлении Нифельхейма, чтобы оставаться в своем чертоге, пока Даг на своей колеснице не спустится к западному горизонту и, в свою очередь, не въедет через "конные ворота" Гадеса в нижний мир.

Из этого следует, что Нифельхель следует относить к северу от горы Хвергельмер, а Хель - к югу от нее. Таким образом, эта гора является стеной, отделяющей Хель от Нифельхеля. На тойгоре в воротах, или воротах, которые в рассказе о Горме отделяют жилище Гудмунда-Мимера от тех

жилищ, которые напоминают "облако пара", и наверху находится граница смерти, на которой "халиры" умирают во второй раз, когда их переносят из Хель в Нифельхель.

Огромное водохранилище на склоне горы, которое находится у северного подножия Игдрасиля, направляет, как уже говорилось, реки в обе стороны — в Нифельхель на Севере и в Хель на Юге. О большинстве этих рек мы сейчас знаем только названия. Но те, о которых мы знаем больше, характеризуются таким образом, что мы обнаруживаем, что это священная земля, к которой ускоряют свой путь те, кто течет на Юг, в сторону Хель, и что это нечестивая земля, которую ищут те, кто направляет свои потоки на север, в Нифельхель. Реки *Гьелль* и *Лейптр* впадают в Хель, и *Гьелль*, как уже указывалось, характеризуется золотым мостом, Лейптр - сияющей, чистой и святейшей водой. Там, внизу, на Юге, находятся мистическая Ходд-года, окруженная другими реками Хель; *цитадель Бальдера* и *асмегира* (возможно, идентичная Годд-году); фонтан Мимера, семь раз покрытый золотом, источник вдохновения и созидательной силы, над которым "осеняющее священное дерево" раскидывает свои ветви (Волюспа), и вокруг увитого тростником края которого произрастает семя поэзии (Эйлиф Гудрунсон); сверкающие поля с цветами, которые никогда не растут, увядающий и с урожаями, которые никогда не собираются; Фонтан Урд, над которым вечно зеленеет Игдрасиль (Волюспа) и в серебристо-белых водах которого плавают лебеди; и священное пристанище асов, к которому они ежедневно спускаются через Бифрост. К северу от горы ревет метаящий оружие Слипд, и, несомненно, это та же самая река, в "тяжелых потоках" которой души ничтожеств должны переходить вброд. На Севере *стоит солу фьярри*, также в Настрандсе, этот зал, стены которого оплетены змеями (Волюспа). Таким образом, Хель описывается как Элизиум, Нифельхель с подвластными ему регионами - как царство несчастья.

Еще несколько слов о Хвергельмере, откуда и к которому "все воды находят свой путь". Это утверждение из Гримнерсмаля, конечно, верно в отношении величайшей из всех вод - океана. Миф о Хвергельмере и его подземной связи с океаном дал нашим предкам объяснение приливов и отливов. Высоко в Северной каналы дне океана открылась в полый туннель, который вел вниз к "чайник-горлопан", "в один ревуший в его бассейна" (это, видимо, смысл *Хвергельмир*: *hverr* = чайник; *galm* = англосаксонская *gealm*, реветь). Когда воды океана хлынули через этот туннель вниз, в колодец Гадеса, был отлив; когда вода вернулась из своего переизбытка, начался прилив (см. № 79, 80, 81).

Адам Бременский слышал, что этот туннель упоминается в связи с историей о фризских дворянах, которые отправились морем на самый дальний север, пришли в страну подземных великанов и разграбили их сокровища (см. № 48). По пути наверх некоторые корабли фризов попали в водоворот, вызванный туннелем, и их со страшной силой засосало вниз, в нижний мир.^[8]

Современник Карла Великого, Пол Варнефрид (Диаконус), рассказывает в своей "истории лонгобардов", что он разговаривал с людьми, побывавшими в Скандинавии. Среди замечательных сообщений, которые они сообщили ему о районах крайнего севера, было также сообщение о водовороте, который поглощает корабли, а иногда даже снова подбрасывает их (см. № 15, 79, 80, 81).

Следовательно, между царством смерти и океаном существовало одно связующее звено, а возможно, и несколько. Большинство утонувших людей не остались с *Ран*. Жена Эгира приняла их гостеприимно, согласно исландским сагам средневековья. У нее был зал на дне моря, где их

встретили и предложили *sess ok rekkju* (место и кровать). Ее царство было всего лишь преддверием к царству смерти (Кормак, Сонаторрек).

Демон Нидхог, которого Гильфагинингом забрасывают в Хвергельмер, согласно древним записям, является летающим крылатым драконом, одним из нескольких подобных чудовищ, обитающих в Нифельхеле и тех нижних областях, и которые стремятся повредить ближайший к ним корень мирового дерева, то есть северный, который возвышается над Нифельхелем и протягивает свои корешки на юг, над горой Хвергельмер, и вниз, в ее великое водохранилище (Grimnersmal, 34, 35). Как и во всех арийских мифологиях, тевтонская также знала этот вид монстров, и знала задолго до того, как слово "дракон" (*дрейк*) было заимствовано у южных родственников в качестве названия для них. Нидхог обитает то на Настрандах, где рядом с демоном-волком мучает *наир* (трупы), то в горах Ниды, откуда вала в Велуспе видит, как он улетает с *наиром* под крыльями. Нигде (кроме как в Гильфагининге) не говорится, что он живет в колодце Хвергельмер, хотя возможно, что он, несмотря на свои крылья, был задуман как земноводное существо, которое также могло существовать в воде. Традиция повествует о драконах, обитающих в болотах.

Два других подземных источника, Урд и Мимер, и стоящие над ними корни Игдрасиля хорошо защищены от влияния врагов творения и имеют своих отдельных хранителей. Мимер со своими сыновьями и подвластными ему существами защищает свой корень дерева, Урд и ее сестры - свой, и к последней каждый день приходят на совет все победоносные боги Асгарда. Был ли северный корень Игдрасиля, который простирается над царствами ледяных великанов, демонов и проклятых, и был ли Хвергельмер, который поливает этот корень и получил столь важное место в экономике мирового дерева, оставлен в мифологии без защиты и без хранителя? Хвергельмер, как мы знаем, расположен на водоразделе, где у нас есть границы смерти между Хель и Нифельхелем, укрепленные безднами и вратами, и, следовательно, находится в непосредственной близости от существ, враждебных богам и людям. Здесь, как нигде, нужны были доблестные и бдительные наблюдатели. Игдрасиль нуждается в своем северном корне так же, как и другие, и если бы Хвергельмеру не позволили беспрепятственно направлять круговорот всех вод, мир был бы либо высохшим, либо затонувшим.

Уже задолго до сотворения мира из Хвергельмера вытекала широкая река, называемая *Эливагар*, которая на своем крайнем севере превратилась в лед, который, растаяв, образовал из капающего из него яда первобытного гиганта Имера (Vafthr., 31; Гильфаг., 5). После сотворения эта река, подобно Хвергельмеру, откуда она берет начало, и Нифельхелю, в который она впадает, стали неотъемлемыми частями северных областей нижнего мира. *Эливагар*, также называемый *Храунн Хренн*, направляет в своем верхнем течении, там, где он протекает вблизи земной коры, часть своих вод к нему и образует между Мидгардом и собственно верхним Йотунхеймом реку Вимур, которую также называют *Эливагар* и *Храунн*, подобно материнскому потоку (ср. Гимерскв., 5, 38; Гримнерсм., 28; Скальдскапарм., гл. 3, 16, 18, 19 и Helg. Нј., 25). *Эливагар* отделяет царство великанов и ледяных великанов от других "миров".

К югу от *Эливагара* у богов есть "аутгард", "сэтер", населенный доблестными стражами — *снотрир викингар* их называют в Торсдрапе, 8, — которые связаны клятвами служить богам. Их вождь - Эгиль, самый известный лучник в мифологии (Торсдрапа, 1, 8; ср. Гимерскв., 7, 38; Скальдскап., гл. 16). Поэтому его также называют Орвандель (тот, кто занят стрелой). Этот Эгиль

- страж, которому доверена забота о Хвергельмере и Эливагаре. Возможно, именно по этой причине у него есть брат и товарищ-воин, которого зовут Иде (*Иди* от *ида*, фонтан с бурлящими водами). "Сетер" называется "Идес сетер" (Торсдрапа, 1). Услуги, которые он как наблюдатель на горе Хвергельмер и на Эливагаре оказывает областям блаженства в нижнем мире, настолько велики, что, хотя он не принадлежит к расе богов ни по рождению, ни по усыновлению, он все же пользуется среди жителей Хель таким великим почетом и благодарностью, что они воздают ему божественные почести. Он - "тот, кому поклоняются в Хель, кто рассеивает тучи, которые, угрожая бурей, поднимаются над горой нижнего мира", *хельблотинн хнейтр ундир-фьяльфрс блику* (Thorsdr., 19). Грозовые тучи, которые *Хресвельгр* и другие грозовые демоны Нифельхейма посылают на елисейские поля царства смерти, должны, чтобы попасть туда, преодолеть гору Хвергельмер, но там их рассеивает верный страж. То в компании с Тором, то в одиночестве Эгил-Орвандель совершил много замечательных путешествий в Етунхейм. Следующий после Тора, он был самым грозным врагом великанов, и в связи с Хеймдалем ревностно следил за каждым их движением. Миф о нем полностью обсуждается в трактате о сыновьях Ивальда, который является частью этой работы, и там будут представлены доказательства личности Орванделя и Эгиля. Я просто хочу указать здесь, чтобы позже представить полные доказательства, что северный корень *Игдрасиля* и соответствующая часть нижнего мира также имели своих защитников и стражей, и я также хотел привлечь внимание к тому, каким образом имя *Хель* употребляется в слове *Хелблотинн*. Мы находим, что оно согласуется с употреблением того же слова в тех отрывках поэтической эдды, которые мы до сих пор рассматривали.

60.

СЛОВО ХЕЛЬ В СКИРНЕРСМАЛЕ. ОПИСАНИЕ НИФЕЛЬХЕЛЯ. МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА НАР, НАИР. АИД - ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ЛЕДЯНЫХ ВЕЛИКАНОВ И ДУХОВ БОЛЕЗНЕЙ.

В Скирнерсмале (строфа 21) встречается выражение *horfa ok snugga Heljar til*. Для нашей темы важно исследовать и объяснить связь, в которой это обнаруживается.

В стихотворении рассказывается, что Фрей сидел один, молчаливый и тоскующий, с тех пор, как увидел удивительно красивую дочь гиганта Гимера Герду. Он изнывал от любви к ней, но ничего не говорил, так как заранее был убежден, что ни асы, ни Эльфы никогда не согласятся на союз между ним и ней. Но когда другу его юности, который жил в Асгарде и в поэме назван Скирнером, удалось заставить его признаться в причине его тоски, в Асгарде сочли необходимым сделать что-то, чтобы облегчить ее, и поэтому Скирнера отправили в дом великана просить руки Герд от имени Фрея. В качестве свадебных подарков он взял с собой одиннадцать золотых яблок и кольцо *Драупнир*. Он получил для верховой езды одного из лучших коней Асгарда, а для своей защиты великолепный меч Фрея, "который сам по себе сражается с расой великанов". В стихотворении этот меч получает эпитеты *Tams-vöndr* (стр. 26) и *Gambanteinn* (стр. 32). *Тамс-вендр* означает "посох, который подчиняет"; *Gambanteinn* означает "жест мести" (см. № № 105, 116). Оба эпитета образованы в соответствии с общепринятым поэтическим употреблением описания мечей составными словами, последней частью которых является *vöndr* или *teinn*. В качестве названий мечей мы находим *бенвондр*, *блдовондр*, *хьялтовондр*, *хридвондр*, *хвитвондр*, *мордвондр*, *сарвондр*, *бентейн*, *эггтейнн*, *хеватейн*, *хьортейн*, *хретеин*, *сартейн*, *валтейнн*, *мистельтейнн*.

Скирнер скачет по влажным холмам и полям великанов, после ссоры со стражем цитадели Гимера перепрыгивает через забор, приходит к Герд, ее угощают древним медом, и она

представляет ему свое поручение по уходу за яблочками, подкрепленное одиннадцатью золотыми яблочками. Герд отказывается и от яблок, и от предмета своего поручения. Затем Скирнер предлагает ей самое ценное сокровище, кольцо *Драупнир*, но тщетно. Затем он прибегает к угрозам. Он показывает меч, столь опасный для ее сородичей; им он отрубил ей голову, если она откажется дать свое согласие. Герд отвечает, что ей нечего бояться и что у нее есть отец, который не боится драться. Еще раз Скирнер показывает ей меч, которым также, возможно, был убит ее отец (*сир ту тенна мэки, мейи* т.д.), и он угрожает ударить ее "покоряющим посохом", чтобы ее сердце смягчилось, но слишком поздно для ее счастья, ибо удар посоха унесет ее туда, где сыны человеческие никогда больше не увидят ее.

Тамсвенди эк тик дреп,
энн эк тик темиа мун,
мер! в мином муном;
тар скалту ганга
эр тик гумна синир
ситхан эва се (ул. 26).

Это прежняя угроза смерти, повторенная в другой форме. Прежняя ее не испугала. Но то, что сейчас повергает ее в смятение, — это описание, которое Скирнер дает ей о жребии, ожидающем ее в царстве смерти, куда ей суждено попасть - ей, деве-великанше, если она умрет от карающего гнева богов (*гамбан-рейди*).). Затем она прибудет в ту область, которая расположена ниже врат На (*фюр нагриндр нетан*- стр. 35), и которая населена ледяными великанами, которые, как мы обнаружим, не заслуживают названия *маннасинир*, хотя слово *менн* следует понимать в его наиболее распространенном смысле и использовать для обозначения великанов мужского рода.

Эта фраза *fyr nágrindr nethan*, должно быть, была стереотипным эсхатологическим термином, применяемым к определенному подразделению, определенному царству в нижнем мире. В Локасенне (стр. 63) Тор говорит Локе, после того как последний опустошил свои склянки с опрометчивыми оскорблениями богов, что, если он не придержит язык, Мьельнер молота отправит его в Хель *фюр нагриндр нетан*. Хель здесь используется в самом широком смысле, и это ограничено добавлением слов "ниже врат На", чтобы обозначить особое подразделение нижнего мира. Как мы обнаруживаем, применяя эту фразу к Локе, это разделение носит такой характер, что предназначено для приема врагов асов и оскорбителей богов.

Слово *Нагринд*, которое всегда используется во множественном числе и, соответственно, относится к нескольким вратам подобного рода, имеет в качестве своей первой части *нар* (мн. *наур*), что означает труп, мертвое тело. Таким образом, *Na-gates* означает врата Трупа.

Название должно показаться странным, ибо это не мертвые тела, а души, освобожденные от своих тел, оставшихся на земле, которые нисходят в царство смерти и обретают там свои различные обитатели. Насколько у наших языческих предков было более или менее материальное представление о душе - это вопрос, который нет необходимости обсуждать здесь (см. По этому поводу № 95). Как бы они ни относились к этому, само существование Гадеса в их мифологии демонстрирует, что они верили, что сознательный и чувствующий элемент в человеке после смерти отделился от тела, с которым он был соединен при жизни, и спустился в нижний мир. То, что тело, из которого вырвался этот сознательный, чувствующий элемент, не было перенесено в Ад, но подверглось распаду в этом верхнем мире,

было ли оно сожжено, похоронено в кургане или погружено на дно моря, - это наши языческие предки знали так же хорошо, как и мы. Люди каменного века уже знали это.

Фраза "Врата На" не стоит особняком в нашей мифологической эсхатологии. Одно из мест пыток, расположенных внутри врат На, называется Настрандс (*Nástrandir*), и описывается в "Велуспе" как наполненное ужасами. А жертвы, которых там высасывает Нидхог, крылатый демон нижнего мира, называются *наур фрамгенга*, "трупы ушедших".

Очевидно, что употребленное таким образом слово *нар* не может иметь своего обычного значения, но должно употребляться в особом мифологическом смысле, который имел свое оправдание и объяснение в языческом учении о нижнем мире.

Нередко случается, что в сводах законов сохраняются древние значения слов, не встречающиеся больше нигде в литературе. Исландский свод законов Grágás (ii. 185) перечисляет четыре категории, в пределах которых слово *нар* применимо к еще живому человеку. Виселицей-*нар*, можно называть, даже при жизни, повешенного; могила-*нар*, человек, помещенный в могилу; шхера-*нар* или скала-*нар* может, еще при жизни, называться тот, кто был обречен умереть на шхере или скале. Здесь слово *нар* соответственно применяется к лицам, которые находятся в сознании и способны страдать, но при условии, что это такие лица, которые были приговорены к наказанию, которое не прекратится до тех пор, пока они будут к нему чувствительны.

И это идея, на основе которой слово *наур* мифологически применяется к проклятым и замученным существам в нижнем мире.

Если мы теперь примем во внимание, что наши предки верили во вторую смерть, в умерщвление душ в Аиде, то мы обнаружим, что то же самое употребление рассматриваемого слова, которое на первый взгляд не могло не показаться странным, является последовательным развитием идеи о том, что изгнанные из царств блаженства Хель умирают во второй раз, когда их переносят через границу в Нифельхель и мир пыток. Когда их настигает эта вторая смерть, они во второй раз становятся *наур*. И поскольку это происходит у ворот Нифельхеля, было совершенно правильно назвать воротана *нагриндр*.

Мы можем представить, что это ужас, отчаяние или ярость, которые при виде врат На разрывают связь между проклятым духом и его телом в Аду, и что первый стремится улететь подальше от своего ужасного назначения. Но как бы то ни было, у сил мщения есть руны, которые захватывают беглеца, надевают цепи на его тело Аида и заставляют его чувствовать вместе с ним. Песнь Солнца, христианская песнь, стоящая на едва пересекаемой границе язычества, говорит о проклятых, чьи груди были испещрены кровавыми рунами, и о Хавамале рун, которые возвращают сознание *наиру*. Такие руны известны Одину. Если он видит на дереве виселицу-*нар* (*вергилий-нар*), то он может начертить руны так, чтобы тело спустилось к нему и заговорило с ним (см. № 70).

Эф ЕК себе в Tre uppi

Вафа virgilná,

СВА ЕС Рист

ОС я runom fác,

в SA gengr гуми

ОС mællir Вите микрофоном (Havamál, 157).

Некоторые из подземных *наур* обладают способностью двигаться и обречены переходить вброд "бурные потоки". Среди них есть лжесвидетели, убийцы и прелюбодеи (*Völuspa*, 38). Среди этих потоков - Вадгельмер, в котором те, кто клеветал на других, находят свое далеко идущее возмездие (*Сигурдаркв.*, ii. 4). Другие *науры* обладают особенностью, на которую указывает их название, и получают тихое и неподвижное наказание, растянувшись на железных скамьях (см. Ниже). Саксон, у которого были более подробные описания языческого ада, чем те, что дошли до нашего времени, перевел или воспроизвел в своих отчетах о путешествиях Хаддинга и Горма в нижний мир слово *náir* с названием *mexsanguia simulacra* (стр. 426).

Загробное место, которым Скирнер угрожает упрямому Герду, также находится внутри врат На, но все же оно имеет иной характер, чем Наstrand и другие обитатели пыток, расположенные ниже Нифельхеля. Также было бы неразумно угрожать человеку, который отклоняет предложение руки и сердца, теми наказаниями, которые настигают преступников и ничтожеств. Подразделение Гадеса, которое Скирнер описывает как ожидающее дочь-великаншу, представляет собой подземный Етунхейм, населенный умершими предками и родственниками Герд.

Мифология дала великанам, так же как и людям, загробную жизнь. На самом деле, мифология никогда не уничтожает жизнь. Конь, который был кремирован вместе со своим хозяином на его погребальном костре и похоронен вместе с ним в его могильном холме, впоследствии приводит героя в Хель. Когда великан, построивший стену Асгарда, вступил в конфликт с богами, молот Тора отправил его "под Нифельхель" (*нидр ундир Нифльхель*—Гильфаг., гл. 43.) Король Горм увидел в нижнем мире великана Гейрреда и обеих его дочерей. Согласно Гримнерсмалю (стр. 31), ледяные великаны обитают под одним из корней Игдрасиля - следовательно, в нижнем мире; а Форспьялльсльд говорит, что ведьмы (великанши) и турсы (великаны), *науры*, карлики и смуглые эльфы ложатся спать под самым дальним корнем мирового древа на северной границе Йормунгрунда^[9] (нижний мир), когда Даг на колеснице, сверкающей драгоценными камнями, покидает нижний мир, и когда Нат после своего путешествия по небесам вернулась в свой дом (стр. 24, 28). Поэтому вполне уместно, если мы в описании Скирнером царства, которое после смерти ожидает дочь-великаншу, оскорбляющую богов, заново откроем ту часть нижнего мира, в которую были низведены утонувшие первобытные предки девушки-великанши, когда сыновья Бора вскрыли вены на горле Имера (*Sonatorr.*, str. 3) и затем пусть океанские волны очистят каменистую почву земли, прежде чем они поднимут ее из моря и создадут там пригодный для жизни Мидгард.

Ледяные великаны (риметурсы) - первобытные великаны (*gigantes*) из тевтонской мифологии, названные так потому, что они произошли от морозного существа Имер, чьи ноги при соприкосновении друг с другом породили их прародителя, "странноголового" монстра Трудгельмера (*Vafthr.* 29, 33). Их первоначальным домом в хаосе был Нифельхейм. Из источника Хвергельмер там реки Эливагар текли на север и становились инеем и льдом, которые, растаяв от тепла с юга, превращались в капли яда, которые снова становились Имером, называемым великанами Аургельмер (*Vafthr.*, 31; Гильфаг., 5). Трудгельмер породил Бергельмера за бесчисленные зимы до сотворения земли (*Vafthr.*, 29; Гильф., гл. 7). Те представители расы великанов, живущие в Йотунхейме на поверхности земли, чья память уходит дальше всего в прошлое, могут помнить Бергельмера, когда он *был вар людрум лагидру*. По крайней мере, Вафтр-рудмер способен на это (*Vafthr.*, 35).

Когда изначальным гигантам пришлось покинуть поля, населенные сыновьями Бора (Волюспа, 4), они получили жилище, максимально соответствующее их первому дому и, как кажется, идентичное ему, за исключением того, что Нифельхейм теперь, вместо того чтобы быть частью хаоса, является неотъемлемой частью космической вселенной и находится на крайнем севере ее Аида. Как царство Аида, оно также называется Нифельхель.

В "подземной стране", которой Скирнер угрожает Герд и которую он рисует для нее в ужасающих красках, он упоминает три вида существ— (1) ледяных великанов, древнюю расу великанов; (2) демонов; (3) гиганты более поздней расы.

Ледяные великаны вместе занимают одно жилище, которое, судя по его эпитету, зал (*höll*), является там самым большим и важным; в то время как те члены младшего клана великанов, которые там находятся, живут в отдельных разбросанных жилищах, называемых садами.^[10] У Гэрб также есть отдельное место жительства (ул. 28).

Два ледяных великана упоминаются по имени, что показывает, что они являются представителями своего клана. Одного зовут Римgrimнер (*Хримgrimнир*—ул. 35), другого Римнер (*Хримнир*—ул. 28).

Гримнер - одна из многих фамилий Одина (Гримнерсмаль, 47 и в нескольких других местах; ср. лексику Эгильссона. Поэт.). Римgrimнер означает то же самое, как если бы Один сказал Рим-Один, поскольку многие эпитеты Одина могли без колебаний использоваться поэтами в перефразировках, даже когда они относились к великану. Но имя Одина было слишком священным для такой цели. В целом скальды, по-видимому, благочестиво воздерживались от использования этого имени в пересказах, даже когда последние относились к прославленным принцам и героям. Глум Гейрасон - первое известное исключение из правила. Он называет короля *Малм-Один*. Приведенный выше эпитет ставит Римgrimнера в такое же отношение к ледяным великанам, какое Один-Гримнер поддерживает к асам; он характеризует его как вождя расы и клана первых, и в этом отношении отводит ему то же место, которое Труджелмер занимает в Вафтруднерсмале. Имер не может рассматриваться как особый глава клана ледяных великанов, поскольку он также является прародителем других классов существ (см. *Vafthr.*, 33, и *Völuspa*, 9; ср. Гильфаг., гл. 14). Но у них есть и другие точки сходства. Труджельмер - "странноголовый" в Вафтруднерсмале; Римgrimнер - "трехглавый" в Скирнерсмале (стр. 31; ср. с стр. 35). Таким образом, в одном стихотворении мы имеем "странноголового" Труджелмера как прародителя ледяных великанов; в другом стихотворении "трехголового" Римgrimнера как прародителя тех же ледяных великанов. "Странноголовый" гигант из первого стихотворения, представляющий собой несколько неопределенную или неясную фразу, таким образом, находит в "трехглавом" из второго стихотворения свое дальнейшее определение. К этому следует добавить силу, которой обладают как Труджелмер, так и Римgrimнер, а также слабость, в которой обвиняют как Труджелмера, так и Римgrimнера. Отец Труджелмера зачал детей, не владея *гигджаром гаманом* (*Vafthr.*, 32). То, что Труджелмер унаследовал эту силу от своего странного происхождения и передал ее клану ледяных великанов, и что он также унаследовал неспособность обеспечить сохранение расы каким-либо другим способом, очевидно из *Allvismal*, str. 2. Если мы проведем тщательное исследование, то обнаружим, что Скирнерсмаль предполагает одно и то же положительное и отрицательное качество у Римgrimнера, и, следовательно, Труджельмер и Римgrimнер должны быть идентичны.

Герд, которая пытается отвергнуть любовь прекрасного и беспечного бога Вана, согласно угрозам Скирнера, будет наказана за это в нижнем мире полной потерей всего, что называется любовью, нежностью и сочувствием. Скирнер говорит, что она должна либо жить одна и без мужа в нижнем мире, либо прозябать в бесполезном сожительстве (*нара*) с трехглавым великаном (стр. 31). Угроза постепенно акцентируется на том, что она *будет* одержима Римгримнером, и эта угроза высказывается сразу после торжественного заклинания (стр. 34), в котором Скирнер призывает жителей Нифельхеля, а также областей блаженства в качестве свидетелей того, что она никогда не будет радовать мужчину в физическом смысле этого слова.

Слушайте, вы, великаны,
Слушайте, ледяные великаны,
Вы, сыны Суттунга -
Нет, вы, раса бога Аса!^[11]—
как я запрещаю,
как я изгоняю
мужскую радость от служанки,
мужское наслаждение от служанки!
Римгримнер - имя великана,
который овладеет тобой
под На-вратами.

Хейри йотнар,
хейри хримтурсар,
синир Суттунга,
сьялфир слитар,
хве эк фир бид,
хве эк фир банна,
манна глаум мани,
манна ньют мани.
Хримгримнер хайтер чет,
эр тик хафа скаль
фыр нагриндр недан.

Мне кажется, что более ясно Скирнер в разговоре с Гердом не смог бы выразить отрицательные качества Римгримнера, о которых идет речь. Тор также ясно высказывается на ту же тему, когда встречает карлика Алвиса, приводящего домой служанку, на которой Тор имеет право жениться. Тор презрительно говорит, что, по его мнению, он обнаруживает в Алвисе нечто, напоминающее ему природу турсов, хотя Алвис - карлик, а турсы - великаны, и далее он определяет, в чем заключается это сходство: *thursa lici thicci mer á ther vera; erat thu till brudar borinn*: "Мне кажется, ты похож на Турса; ты был рожден не для того, чтобы иметь невесту". Что касается положительных качеств, то это очевидно из того факта, что Римгримнер является прародителем ледяных великанов.

Спустившись в Нифельхель, Герд не должна рассчитывать ни на тень дружбы и сочувствия со стороны тамошних сородичей. Для нее было бы лучше всего запереться в уединенном жилище, которое там ее ожидает, ибо, стоит ей только выглянуть за ворота, как на нее встретятся пристальные взгляды Римнера и всех остальных там, внизу; и там на нее будут смотреть с большей ненавистью, чем на Хеймдаля, стража богов, мудрого, всегда бдительного врага римтурсов и великанов. Но где бы она ни была, дома или за границей, демоны и духи-мучители никогда не оставят ее в покое. *Трамары* (злые ведьмы) должны поклониться ей до земли. *Умро* (тевтонский Эвменид, олицетворенная агония души) наполнит ее своим существом. Духи болезни — такие тоже обитают там; когда-то они дали клятву не причинять вреда Бальдру (Гильф., гл. 50) — увеличат ее горе и поток слез. *Топе* (безумие), *Опе* (истерия), *Тяусул* и *Отале* (постоянное беспокойство) не оставят ее в покое. Эти духи также считаются принадлежащими к расе турсов, и поэтому в рунической песне говорится, что *thurs veldr kvenna kvillu* "чур вызывает

болезни у женщин". В этой связи следует помнить, что дочь Лока, правителя Нифельхеля, также является королевой болезней. Пища Герд будет для нее более отвратительной, чем ядовитая змея для человека, а ее питье будет самым отвратительным. Несчастливая, она будет ползать среди жилищ великанов Гадеса и поднимется на вершину горы, где устроит свой насест подземный орел-демон (несомненно, тот самый, который, согласно Волюспе [47], присоединится со своими воплями к песне щита Раймера, когда Мидгард-змея корчится в гигантской ярости, а корабль смерти, Нагльфар, освобождается). Там, наверху, она должна сидеть ранним утром и постоянно поворачивать свое лицо в одном и том же направлении — в том направлении, где находится Хель, то есть на юг над горой Хвергельмер, в сторону подземных областей блаженства. К Хель она будет стремиться прийти напрасно:

Ara thufo á
scaltu ár sitja
horfa ok snugga Heljar til.

"На насест Аре ты сядешь рано, повернешься лицом к Хель и будешь стремиться попасть в Хель".

Под фразой *snugga Heljar til* скальд имел в виду нечто гораздо более конкретное, чем "жаждать смерти". Здесь предполагается, что Герд мертва и находится во вратах На. Чтобы жаждать смерти, ей не нужно подползать к "насесту Арэ". Она должна подвергать себя этим ночным нагрузкам, чтобы, когда в туманном Нифельхеле забрезжит рассвет, она смогла мельком увидеть ту страну блаженства, в которую, возможно, никогда не попадет; она, которая отвергла высшее счастье — быть с богами и обладать любовью Фрея.

Я несколько подробнее изложил это описание в Скирнерсмале, которое до сих пор не было понято. Я сделал это, потому что это единственное оставшееся нам свидетельство того, как зародилась жизнь на переднем дворе регионов пыток, Нифельхеля, земли, расположенной ниже северного корня Игдрасиля, за пределами и ниже горы, где корень орошается Хвергельмером. Очевидно, что автор "Скирнерсмаля", как и автор "Вафтруднерсмаля", "Гримнерсмаля", "Вегтамсквиды" и "Торсдрапы" (как мы уже видели), использовал слово "Хель" в значении места блаженства в нижнем мире. Также очевидно, что под корнем, под которым обитает ледяной великан, невозможно понимать тот, о котором упоминает Гильфагининг, под которым расположены великолепный фонтан Мимера, роща Мимера и все его сокровища, сохраненные для будущего мира.

61.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ВЕЛЬУСПЕ. КТО ТАКИЕ ЖИТЕЛИ ХЕЛЬ.

Теперь мы переходим к Вельуспе, 40 (Кодекс Хаука), где встречается слово *Helvegir*.

Одним из признаков того, что Рагнарек и падение мира близки, является то, что могучий ясень Игдрасиль дрожит, и скованный гигантский монстр, таким образом, освобождается от своих цепей. Что это за чудовище, будь то Гарм, привязанный над пещерой Гнипа, или какое-то другое, мы сейчас обсуждать не будем. Изумление и замешательство, вызванные этими

событиями среди всех существ мира, описаны в стихотворении всего несколькими словами, но они достаточны для поставленной цели и хорошо рассчитаны, чтобы произвести глубокое впечатление на слушателей. Ужас - это преобладающее чувство у тех существ, которые не выбраны для участия в надвигающемся конфликте. Они, с другой стороны, для которых сотрясение Игдрасиля является сигналом битвы не на жизнь, а на смерть, либо вооружаются под страшный боевой клич к битве (гиганты, стр. 41), либо собираются на последний совет (Асы), а затем бросаются к оружию.

Упоминаются два класса существ, охваченных ужасом, — карлики, которые, затаив дыхание, стояли у своих каменных дверей, и те существа, которые являются *гельвегумами*. *Хельвегур* может означать пути в Хель: там много путей, точно так же, как много ворот и много рек. *Хельвегур* может также означать регионы, округа в Хель (ср. *Austrvegr*, *Sudrvegr*, *Norvegr*; и *Allvism.*, 10, согласно которому ваны называют землю *vegur*, путями). Автор, возможно, использовал это слово в любом из этих значений или в обоих, поскольку в данном случае оно означает одно и то же. Во всяком случае, утверждается, что жители Хеля приходят в ужас, когда Игдрасиль сотрясается и безымянный гигантский монстр выходит на свободу.

Скелфр Иггдрасиль
аскр станди,
имр хиддна тре
энн йотунн лоснар;
храдаз аллир
Гельвегум
адр Суртар танн
севи из глейпира.

Колеблется
Ясень Иггдрасиля,
старое дерево дрожит,
великан выходит на свободу;
Все напуганы
На Путих (в регионах Хель),
прежде чем дух Сурта (или родственник)
проглотит его (а именно, великана).

Дух Сурта, или родственник (*севи*, *сефи* может означать и то, и другое), является, как также предполагалось до сих пор, огнем. Заключительный эпизод конфликта на равнине Вигрид заключается в том, что пламя Муспела уничтожает последние остатки сражающихся гигантов. Ужас, который охватил жителей Хель, когда мировое древо пошатнулось и безымянный гигант вырвался на свободу, продолжается до тех пор, пока конфликт не разрешен. Вальфатер падает, Фрей и Тор тоже; никто не может знать, кто выйдет победителем. Но ужас прекращается, когда, с одной стороны, освобожденный гигант-монстр уничтожается, а с другой стороны, Видар и Вейл, Мод и Магне выживают в конфликте и переживают пламя, которое не проникает к Бальдру и Хедру и их протеже в Хель. Слово *thann* (он), которое встречается в седьмой строке строфы (в последней части перевода), никак не может относиться к кому-либо другому, кроме гиганта, упомянутого в четвертой строке (*йотунн*). В строфе есть только два слова мужского рода, к которым можно отнести *танн* мужского рода — *йотунн* и *Иггдрасиль аскр*. *Йотунн*, который стоит ближе всех к *танну*, таким образом, имеет предпочтение; и поскольку мы видели, что мировое древо не падает ни от огня, ни от края (Fjolsv., 20), и поскольку оно, фактически, переживает пожар Сурта, *то танн*, естественно, должен быть отнесен к *йотунну*.

Здесь Вельюспа предоставил нам доказательства относительно позиции жителей Хель по отношению к противоборствующим сторонам в Рагнареке. Те, кто пугается, когда гигантское чудовище — самое опасное, поскольку оно до сих пор было приковано цепью, — освобождается от своих оков, и те, чей страх ослабевает, когда чудовище уничтожается в

мировом пожаре, такие существа могут, как ни странно, следовать за этим чудовищем и его товарищами-воинами со своими добрыми пожеланиями. Их сердца на стороне добрых сил, дружественных человечеству. Но они не принимают активного участия от их имени; они вообще не принимают участия в конфликте. Это видно из того факта, что их испуг не прекращается до тех пор, пока конфликт не будет исчерпан. Теперь мы знаем, что среди жителей Хель есть *асмегир* Лиф и Лейфтрейзер и их потомство, и что они не *хертарфир*; их нельзя использовать на войне, поскольку сама их судьба запрещает им принимать активное участие в событиях этого периода мира (см. № 53). Но текст не позволяет нам думать только о них, когда мы хотим определить, кто такие *гельвегумы*. Ибо в тексте говорится, что все, которые являются *гельвегумами*, встревожены до тех пор, пока конфликт не закончится благополучно. То, чего не смогли увидеть толкователи этого сильно искаженного отрывка, провидица в Велуспе не забыла, а именно, что по прошествии бесчисленных тысяч лет бесчисленное количество детей, женщин и мужчин, никогда не державших в руках меч, спустились в царство смерти и получили жилища в Хель, и что в Хель — в ограниченном местном значении, которое, по-видимому, до сих пор имело это слово в песнях богов — нет воинственных обитателей. Те, кто пал на поле битвы, действительно приходят, как будет показано позже, в Хель, но не для того, чтобы остаться там; они продолжают свой путь в Асгард, ибо Один выбирает одну половину убитых на поле битвы для своего жилища, а Фрейю — другую половину (Grimnersmal, 14). Соответственно, местом назначения избранных является Асгард, которого они достигают в том случае, если их не признают виновными по приговору, который нейтрализует силу и эффект предыдущего выбора (см. Ниже) и отправляет их умирать второй смертью при пересечении границы в Нифельхель. Воины, которые не пали на поле боя, имеют такое же право на Асгард, как и те, кто пал от меча, при условии, что они, как герои, приобрели славу и почести. Конечно, с величайшим полководцем и самым выдающимся героем, победителем в сотнях сражений могло случиться так, что он мог умереть от болезни или несчастного случая, в то время как, с другой стороны, могло случиться так, что человек, который никогда всерьез не владел мечом, мог пасть на поле боя, не успев нанести удар. То, что мифология должна давать последнему право на Асгард, но не первому, является абсурдом, поскольку не находит подтверждения в записях — напротив, они дают противоположные свидетельства — поскольку это имеет здравый смысл. Избрание не предусматривало для избранных исключительной привилегии. Оно даже не подразумевало дополнительных благосклонностей к тому, кто независимо от избрания мог рассчитывать на место среди эйнхериев. Выборы сделали человека, идущего на битву с *фейгром*, что не было одолжением, и это нельзя было считать обратным. Это могло переложить королевскую корону с головы избранного на голову его врага, и это вряд ли можно было расценивать как любезность. Но для самих выборных властей Асгарда избрание подразумевало привилегию. Установление жизни и смерти обычно принадлежало нормам; но избрание частично делало богам исключение из этого правила, а частично оставляло Одну право определять судьбу и исход сражений. Вопрос об отношении между властью богов и властью судьбы — вопрос, в который грекам и римлянам казалось опасным вмешиваться и которым почти невозможно было распорядиться, — был частично решен тевтонской мифологией наивным и простым способом разделения устройства жизни и смерти между божеством и судьбой, что, конечно, не мешало тому, что судьба всегда стояла как темная, непостижимая сила на заднем плане всех событий. (О выборах см. далее, № 66).

Отсюда следует, что в областях блаженства Хель не осталось ни одного человека, который был бы воином по профессии. Те из них, кто не был виновен ни в одном из грехов, которые доктрина

Аса квалифицировала как смертные, прошли через Хель в Асгард, остальные - через Хель в Нифельхель. Соответственно, все жители елисейских полей Хель являются *асмегирами*, а женщинам, детям и представителям мирных искусств, которые умирали на протяжении бесчисленных веков и которые не привыкли к мечу, нет места в рядах эйнхериев, и поэтому с тревогой тех, кто ждет исхода конфликта. Таков фон и содержание строфы Вельуспы. Это было бы давно понято, если бы доктрина, построенная Гильфагинингом в отношении нижнего мира, с Троей в качестве отправной точки, не запутала суждение.

62.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ALLVISMAL. КЛАССЫ СУЩЕСТВ В HEL.

В *allvismal* встречаются фразы: *those я гелио и халир*. Предпосылка стихотворения состоит в том, что такие объекты, как земля, небо, луна, солнце, ночь, ветер, огонь и т.д., выражаются шестью различными способами, и что каждый из этих способов выражения, за исключением остальных, применим к одному или двум классам существ, обитающих в мире. Например, Небеса называются—

Химинн среди людей,
Лирнер среди богов,
Виндофнер среди ванов,
Уппхейм среди великанов.
Эльфы говорят "Фагер-так" (Сказочная крыша),
гномы "Дрипсал" (капельный зал) (стр. 12).

Таким образом, упоминается тринадцать объектов, у каждого из которых есть шесть названий. Во всех тринадцати случаях у человека есть свой способ называть объекты. Аналогично обстоит дело и с гигантами. Ни один другой класс существ не имеет с ними общего ни одного из тринадцати названий. С другой стороны, асы и ваны имеют одинаковые названия для двух объектов (луна и солнце); эльфы и гномы имеют общие названия не менее чем для шести объектов (облако, ветер, огонь, дерево, семя, медовуха); гномы и обитатели нижнего мира - для трех (небо, море и штиль). Девять раз говорится о том, как выражают себя те, кто находится в низшем мире. В шести из этих девяти случаев Аллвизмал ссылается на обитателей нижнего мира общим выражением "те, кто в Хель"; в трех случаях стихотворение позволяет представить "тех, кто в Хель" каким-либо одним из тех классов существ, которые обитают в Хель. Это *upregin* (ул. 10), *асасинир* (ул. 16) и *халир* (ул. 28).

Само название *upregin* предполагает, что оно относится к существам определенного божественного ранга (во всем Висмале ваны называются *гиннрегин*, стр. 20, 30), которые имеют свою сферу деятельности в высшем мире. Поскольку они, тем не менее, обитают в нижнем мире, это название должно относиться к существам, которые имеют свои дома и пристанища в Хель, когда они не заняты своими делами в верхнем мире. Эти существа - Нат, Даг, Мане, Сол.

Асасинир имеет то же значение, что и *асмегир*. Поскольку это так, и поскольку *асамегиры* обитают в нижнем мире, и *асасиниры* аналогично, то они должны быть идентичны, если только мы не будем достаточно легковверны, чтобы предположить, что в нижнем мире существовали две категории существ, обе называемые сынами Асов.

Халир, когда речь идет о нижнем мире, имеет в виду души умерших (*Vafthr.*, 43; см. Выше).

Из этого мы видим, что Олвисмал использует слово Хель таким образом, что оно охватывает те регионы, где обитают Нат и Даг, Мане и Сол, живые обитатели рощи Мимера и души умерших людей. К последним поименованным относятся также души проклятых, которых можно найти в обителях пыток под Нифельхелем, и вполне возможно, что автор поэмы также имел их в виду, хотя маловероятно, что он воспринимал их как имеющие общую номенклатуру с богами, *асмегири* счастливыми усопшими. Во всяком случае, он особенно — и, вероятно, исключительно — имел в виду области блаженства, когда использовал слово "Хель", и в этом случае он соответствовал в употреблении этого слова Вельуспе, Вафтруднерсмале, Гримнерсмале, Скирнерсмале, Вегтамсквиде и Торсдрапе.

63.

СЛОВО "ХЕЛЬ" В ДРУГИХ ОТРЫВКАХ. РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМОГРАФИИ И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА "ХЕЛЬ". ХЕЛЬ В ЛОКАЛЬНОМ СМЫСЛЕ - ЦАРСТВО СМЕРТИ, ОСОБЕННО ЕГО СФЕРЫ БЛАЖЕНСТВА. ХЕЛЬ В ЛИЧНОМ СМЫСЛЕ ИДЕНТИЧНА БОГИНЕ СУДЬБЫ И СМЕРТИ, ТО ЕСТЬ УРД.

В то время как бушует ужасная зима, боги, согласно Forspjallsljod,[12] отправляют гонцов во главе с Хеймдалем к богине нижнего мира (дис), которая обозначается как *Gjöll's* (the lower world river's) *Sunna*, а также как распространитель о божественных жидкостях (стр. 9, 11), чтобы умолять ее объяснить им тайну творения, начало небес, Хель и мира, жизни и смерти, если она сможет (*хлырнис, гелиар, хеймс висси, арти, эфи, алдритила*). В ответ посланцы получают только слезы. Стихотворение делит вселенную на три большие части: небеса, Хель и часть, лежащую между Хель и небесами, мир, населенный смертными. Таким образом, "Хель" здесь используется в своем общем смысле и относится ко всему низшему миру. Но здесь, как и везде, где "Хель" имеет это общее значение, кажется, что идея областей наказания не рассматривается, а отодвигается на задний план из-за определенной антитезы, в которой слово "Хель", используемое в его более распространенном и специальном значении для обозначения подземных областей блаженства, относится к "Нифельхель" и подвластным ему областям. Следует признать, что то, что встревоженные боги желают узнать от мудрой богини нижнего мира, должно, поскольку их желание знать и их страхи касаются судьбы Хель, относиться, в частности, к регионам, где расположены священные источники Урд и Мимер, ибо если последние, орошающие мировое древо, исчезнут, это будет означать не что иное, как конец света. То, что автор заставил богов беспокоиться о дочери Лока, которую они бросили в глубокие пропасти Нифельхеля, и что он заставил мудрую богиню *Гьелль* плакать горькими слезами о будущем сестры волка-Фенрира, возможно в том смысле, что это не может быть опровергнуто никакими определенными словами старых записей; но нам может быть позволено считать это в высшей степени невероятным.

Среди отрывков, в которых встречается слово "Хель" в мифологических песнях поэтической Эдды, нам еще предстоит упомянуть *Harbardsljod* (стр. 27), где выражение *drepa i Hel* используется в той же абстрактной манере, в какой шведы используют выражение "at slå ihjäl", что означает просто "убивать" (это Тор угрожает убить оскорбляющего Харбарда); а также *Völuspá* (стр. 42), *Fjöllsvinnsmál* (стр. 25) и Гримнерсмаль (ул. 31).

Вельюспа (стр. 42) говорит о Голдкомбе, петухе, который своим кукареканьем будит тех, кто спит в обители Ее Отца, и о сажисто-красном петухе, который каркает под землей возле чертогов Хель. Во "Фьельсвиннсмале" (стр. 25) Свивдаг спрашивает, каким оружием можно было бы сбить с дома Хель (*á Heljar sjöt*) золотого петуха Видофнера, который сидит на дереве Мимера (мировом древе) и, несомненно, идентичен Голдкомбу. То, что Видофнер не сделал ничего такого, за что он заслуживал бы наказания в доме дочери Лока, можно считать вероятным. Хель здесь используется для обозначения царства смерти в целом, и все, что, по-видимому, имеет в виду Свивдаг, это то, что Видофнер, в случае, если такое оружие удастся найти, может быть передан своему родственнику, темно-красному петуху, который кукарекает под землей. Саксон также говорит о петухе, обитающем в Аиде, и находится рядом с богиней, у которой есть стебли коровьего хвоща, когда она показывает Хаддингу цветочные луга нижнего мира, Елисейские поля тех, кто пал от меча, и цитадель, в которую, кажется, не может проникнуть смерть (см. № 47). Таким образом, в царстве блаженства нижнего мира есть по крайней мере один член. То, что он должен быть также в Нифельхеле и в обители дочери Лока, нигде не упоминается и вряд ли заслуживает доверия, поскольку петух, согласно древним и широко распространенным арийским верованиям, является священной птицей, которая является особым врагом демонов и сил тьмы. Согласно распространенному в Швеции поверью, даже в настоящее время крик петуха обращает призраков в бегство; и аналогичная идея содержится в Авесте (Вендидад, 18), где на стр. 15 сам Ахурамазда переводит утреннюю песню петуха следующими словами: "Восстаньте, люди, и восславьте справедливость, которая является самой совершенной! Смотрите, демоны обращены в бегство!" Авеста наивно теряет терпение к легкомысленным людям, которые называют эту священную птицу (*Parodarsch*) столь не внушающим уважения именем "Кокардудлду" (*Kahrkatâs*). Идея священности петуха и его враждебности демонам также была распространена среди ариев Южной Европы и пережила введение христианства. Аврелий Пруденций написал *Гимн галльской песни*, и петух в знак христианской бдительности занял на церковных шпилях то же место, что раньше на мировом древе. Не забыли его и майские столбы. Но на Севере поэты и народный язык сделали красного петуха символом огня. Огонь обладает двумя свойствами — он священный, очищающий и благотворный, когда с ним обращаются осторожно и в законных целях. В противоположном случае он разрушителен. За исключением этого особого случая, о петухах мифологии и поэзии не сообщается ничего, кроме хорошего.

Гримнерсмаль (ул. 31) примечательна с двух точек зрения. В нем содержится информация — краткая и скудная, это верно, но, тем не менее, ценная — о трех корнях Игдрасиля, и в нем говорится о Хель в безошибочном, отчетливо личном смысле.

Что касается корней мирового древа и их положения, то наше исследование до сих пор, независимо от Гримнерсмаля (стр. 31), дало следующий результат:

Игдрасиль имеет северный корень. Он возвышается над обширным водохранилищем Хвергельмер и простирается над Нифельхелем, расположенным к северу от Хвергельмера и населенным ледяными великанами. Там расположены девять областей наказания, среди них Настранды.

Второй корень Игдрасиля орошается фонтаном Мимера и распространяется по земле, где расположены фонтан и роща Мимера. В роще Мимера обитают те живые (не мертвые) существа,

которых зовут *Асмегир* и *Асасинир*, Лиф и Лейфтрейзер и их потомство, чьей судьбой является населять возрожденную землю.

Третий корень Игдрасиля возвышается над источником Урд и подземным жилищем богов.

Нижний мир состоит из двух основных подразделений: Нифельхель (с принадлежащими к нему областями) и Хель, — Нифельхель расположен к северу от горы Хвергельмер, а Хель - к югу от нее. Соответственно, и земля, где расположены колодец и роща Мимера, и земля, где находится фонтан Урд, находятся во владении Хель.

Что касается зон или климатических условий, в которых расположены корни, то они были задуманы как имеющие южное и северное происхождение. Мы уже показали, что корень над Хвергельмером является северным. То, что корень над фонтаном Урд был задуман как южный, очевидно из следующих обстоятельств. Эйлиф Гудрунсон, обратившийся в христианство — тот самый скальд, который написал "чисто языческую Торсдрапу", — говорит в одном из своих стихотворений, написанных после его обращения, что Христос восседает *за солнцем в Урдарбрунни*, на юге, недалеко от фонтана Урд, выражение, которое он не мог бы употребить, если бы его слушатели не сохранили из веры своего детства представление о том, что фонтан Урд расположен южнее других фонтанов. Форспьяллсльод возлагает на фонтан Урд задачу защиты мирового древа от разрушительных холодов во время ужасной зимы, которую описывает поэма. *Отхрерир скайлди Уртар гейма меттк в вериа местум торра*. — "Одрейрер Урд (медовый фонтан) оказался недостаточно сильным, чтобы защититься от ужасного холода". Эта идея показывает, что сок, который южный корень Игдрасиля черпал из источника Урд, считался более теплым, чем сок других источников. Поскольку, соответственно, корень над колодцем Урд был южным, а корень над Хвергельмером и ледяными великанами - северным, из этого следует, что колодец Мимера считался расположенным между этими двумя. Память об этом факте Гильфагининг по-своему сохранил, где в главе 15 говорится, что фонтан Мимера расположен там, где раньше был Гинунгагап, то есть между северным Нифельхеймом и южным более теплым регионом ("Муспельхейм" Гильфагининга).

Гримнерсмаль (ул. 31) говорит:

Трижды стада
трия вега
ундан асси Иггдрасиль:
Хель бир и эйнни,
аннари хримтурсар,
тридио меннзкир менн.

Три корня стоят
на трех путях
под пеплом Игдрасиля:
под одним обитает Хель,
под другим ледяные великаны,
под третьим человек - "люди".

Корень, под которым обитают ледяные великаны, мы уже знаем как корень над Хвергельмером и Нифельхелем, населенный ледяными великанами.

Корень, под которым обитают человеческие существа, живые личности, *менскир менн*, мы также знаем как корень над колодцем Мимера и рощей Мимера, где обитают человеческие существа Лиф и Лейфтрейсер и их потомство, где находится *йорд лифанда манна*.

Остается один корень: тот, под которым обитает богиня судьбы Урд. Об этом Гримнерсмаль говорит, что ту, кто живет там, зовут Хель.

Отсюда с необходимостью следует, что богиня судьбы Урд идентична личностной Хель, царице царства смерти, особенно его областей блаженства. Мы видели, что Хель в своем локальном значении имеет общее значение, царство смерти, и особое, но наиболее частое значение, элизиум царства смерти. Для человека значение слова "Хель" должно быть аналогично его значению как места. Это одна и та же идея, имеющая как личную, так и местную форму.

Вывод о том, что Урд - это Хель, неизбежен, если только мы не предположим, что Урд, хотя и королева своего источника, не является регентшей страны, где находится ее источник. Тогда можно было бы предположить, что Хель - одна из сестер Урд, но они не имеют никакого значения по сравнению с ней самой. Одна из них, Скульд, которая более известна из них двоих, в то же время является одной из служанок Урд, валькирией, которая на поле боя выполняет ее поручения, женщиной-психо-посланницей, которая показывает павшим путь в Хель, царство ее сестер, где они должны сообщить о себе, прежде чем доберутся до места назначения. О *Верданди* записи не сообщают нам ничего, кроме имени, которое, по-видимому, исключает мысль о том, что она должна быть личной Хель.

Этот результат, что Урд идентична Хель; что та, кто раздает жизнь, также раздает смерть; что та, кто со своими сестрами—служанками является правительницей прошлого, настоящего и будущего, также управляет и собирает в своем королевстве все поколения прошлого, настоящего и будущего - этот результат может показаться неожиданным для тех, кто, опираясь на авторитет Гильфагининга, предположил, что дочь Лока, низвергнутая в бездну Нифельхель, является королевой королевства смерти; что та, чей порог называется Пропастью (Гильфаг., 34) была той, кто проводил Бальдра через порог в подземную цитадель, сверкающую золотом; что та, чей стол называется Голодом, а чей нож называется Голодом, была той, кто приказала поставить перед ним чистый, бодрящий мед; что сестре этих врагов богов и мира, змея Мидгарда и волка Фенрира, была доверена забота по крайней мере об одном из корней Иггдрасиля; и что та, чье ложе называется Болезнью, совместно с Урд и Мимер, поручено заботиться о нем. за мировым деревом и за тем, чтобы оно оставалось зеленым и получало жидкость из их фонтанов.

Каким бы колоссальным ни был этот абсурд, в него верили веками. И имея дело с абсурдом многовековой давности, мы должны учитывать, что это сила, которая не поддается простым возражениям, но должна быть побеждена ясными и убедительными аргументами. Без необходимости следовать путем, которым я достиг указанного результата, ученые давно бы пришли к убеждению, что Урд и личная Хель идентичны, если бы "Гильфагининг" и основанные на нем учебники не опровергли это суждение, и это по следующим причинам:

Название *Urdr* соответствует древнеанглийскому *Vurd*, *Vyrd*, *Vird*, древненемецкому *Wurth* и древненемецкому *Wurt*. Тот факт, что это слово встречается в диалектах нескольких ветвей тевтонского ордена, указывает, или, как полагают лингвисты, указывает, что оно относится к древнейшим тевтонским временам, когда оно, вероятно, имело форму *Vorthi*.

Не может быть никаких сомнений в том, что Урд также среди других тевтонских ветвей, помимо скандинавской, имела значение богини судьбы. Выражения, дошедшие до нас с языческих времен и сохранившиеся в древнеанглийских документах, характеризуют Вирда как

связывающего нити или плетущего паутину судьбы (Cod. Ex., 355; Беовульф, 2420) и как того, кто пишет о том, что должно произойти (Beowulf, 4836). Здесь также используется форма множественного числа: *Вирды*, урды, норны, что демонстрирует, что она в Англии, как и на Севере, считалась имеющей сестер или помощниц. В древненемецкой поэме "Гелианд" личность Вурта столь же очевидна.

Но в то же время, как *Вирд*, *Вурт* была богиней судьбы, она также была богиней смерти. В "Беовульфе" (4831, 4453) мы находим параллельные выражения:

он был вирдом унгамете неа: Урд была чрезвычайно близка к нему;
он был мертв унгамете неа: смерть была чрезвычайно близка.

И в Гелианде, 146, 2; 92, 2:

Тиу Вурт в хандуне: Урд близок;
Дод в хенди: смерть близка.

И есть также другие выражения, например, *Тиу Вурт нахида так*: Урд (смерть) затем приблизилась; *Вурт ина бенам*: Урд (смерть) забрала его (ср. Дж. Гримм, *Немецкий миф.*, i. 373).

Таким образом, Урд, богиня судьбы, была у тевтонских ветвей в Германии и Англии отождествлена со смертью, задумывалась как королева. Так же и на Севере. Норны устанавливали законы и выбирали жизнь и орлог (судьбу) для детей времени (Велуспы). Слово *эрлог* (нарицательное; первоначальное значение, по-видимому, *урлагарне*, то есть изначальные законы) часто явно связано с идеей смерти (ср. Вельуспа: *Эк са Балдри орлег фолгин*). Орлога Хакона Ярла заключалась в том, что Карк перерезал ему горло (Нью-Джерси, 156). Получить "суд норн" было равносильно тому, чтобы быть обреченным на смерть (Инг., Хеймскрингла, гл. 52). Судьба и смерть были в идее и обиходе настолько тесно связаны, что в мифологии они слились в одну личность. Властительницей смерти была та, кто могла разрешить смерть; но той, кто могла определить продолжительность жизни, а значит, также могла разрешить смерть и вид смерти, была, конечно, богиня судьбы. Они должны слиться воедино.

ТОР УНИЧТОЖАЕТ

ВЕЛИКАНА ТРИМА.

С гравюры Лоренца Фрелиха

Чтобы защититься от великанов Йотунхейма, боги решили построить стену вокруг Асгарда, и по уговору вероломного Лока они наняли Трима, который предстал перед ними в образе высокого, статного мужчины, для выполнения этой работы. Было заключено соглашение, по которому Трим должен был получить в награду — при условии, что стена и ворота будут достроены за одну зиму — прекрасную Фрейю в жены, а луна и звезды должны были быть даны ему в качестве света для работы. С помощью своего коня Свадильфари Трим выполнил все, что от него требовалось, за исключением установки одних ворот, когда боги обнаружили, что Трим был переодетым великаном. Вслед за этим они громко закричали, призывая Тора защитить Асгард от этого вторжения, который немедленно появился среди грома и молний и, узнав Трима, несмотря на форму, которую он принял, взмахнул своим молотом с такой силой, что голова великана разлетелась на множество кусков, а его душа была низвергнута в Нифельхель.

В древнескандинавских документах мы также находим имя Урд, используемое для обозначения смерти, точно так же, как в Гелианде и Беовульфе, и это тоже таким образом, что личный характер Урд не подчеркивается. Инглингаталь (Хеймскр., гл. 44) называет способ смерти Ингьяльда своим *Урдом*, и определить смерть для кого-либо означало *натравить на него Урдр*.

В далекие христианские века сохранилась память о том, что Урд была богиней царства смерти. Когда на стене появлялось яркое пятно, которое называлось луной Урд, это означало начало эпидемии ("Сага об Эйрбиггии", 270). Предполагается, что еще в 1237 году Урд открылась Снобьорну в ночь перед Рождеством, чтобы предсказать кровавый конфликт, а затем она спела

песню, в которой сказала, что с грустью отправилась на состязание, чтобы выбрать мужчину для смерти. Саксон переводит *Урдр* или *Хель* словом "Прозерпина" (*Hist.*, i. 43).

64.

СЛУЖАНКИ УРД: (1) СЛУЖАНКИ ЖИЗНИ—НОРНЫ, ДИСЫ ПО РОЖДЕНИЮ, ХАМИНДЖИ, ГИПТЫ, ФИЛДЖИ; (2) СЛУЖАНКИ СМЕРТИ - ВАЛЬКИРИИ, ПСИХО—ВЕСТНИЦЫ БОЛЕЗНЕЙ И НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

Как те существа, для которых Урд определяет рождение, положение в жизни и смерть, бесчисленны, так и ее слуги, выполняющие задачи, возложенные на нее как королеву, также должны быть бесчисленны. Они принадлежат к двум большим классам: один класс активен в служении ей в отношении жизни, другой - в отношении смерти.

Наиболее тесно с ней связаны две ее сестры. По отношению к ней они пользуются авторитетом судей. Сравните Волюспа, 19, 20 и выражения *норна домр*, *норна квидр*. И они живут с ней под мировым древом, которое вечно зеленеет над ее украшенным золотом фонтаном.

В качестве служанок при Урд работают бесчисленные хамингье (филджес) и гипте (также называемые гафес, однес, хайлес). Хаминджи воспитываются среди существ расы великанов (которые вряд ли могут быть другими, кроме норн и Мимеров). Три могучие реки низвергаются в мир, в котором они берут свое начало, и они приходят мудрыми в своих сердцах, воспаряя над водами к нашему высшему миру (*Vafthr.*, 48, 49). Там у каждого человеческого ребенка должен быть хамингье в качестве компаньона и духа-хранителя. Свидетельства исландских средневековых саг на этот счет подтверждаются фразами и формами речи, уходящими своими корнями в язычество. Хаминджи принадлежат к тому большому кругу женских существ, которые называются дисе, и, по-видимому, их специально так стилизовали. Чем Урд является в большом масштабе как хранительница могущественного Игдрасиля, тем хамингье является в меньшем масштабе, когда она защищает отдельные плоды, выращенные на мировом древе и вверенные ее попечению. Она не является своему любимцу, за исключением, возможно, снов или незадолго до его смерти (последнее, согласно Хельгакву. Хьерв. проза; Ньял, 62; Халлф, гл. 11; отсутствуют доказательства из чисто языческих записей). В строфах, которые встречаются в саге Жизель Сурсон и которые приписываются (хотя и на сомнительных основаниях) этому языческому скальду, герою саги, но происхождение которых (из того времени, когда детали мифа все еще помнили) полностью подтверждается тщательной критикой, упоминается, как он стоял между добрым и злым вдохновением, и как *драумкона* (женщина-сонник) из "добрых вдохновений" сказала ему во сне: "Не будь первой причиной убийства! не возбуждай против себя мирных людей! — Обещай мне это, милосердный человек! Помогай слепому, не презирай хромого и не оскорбляй Тира, у которого отняли руку!" Это благородные советы, и вера в то, что хаминджи были благородными существами, сохранялась на протяжении веков христианства в Исландии, где, согласно Вигфуссону, слово *hamingja* все еще используется в смысле Провидения. Обычно они не оставляли своего любимца перед смертью. Но в разговорном языке сохранились определенные фразы, которые показывают, что они могли оставить его перед смертью. Тот, кого бросили его хаминджи и гипте, был потерянным человеком. Если фаворит становился отвратительным и плохим человеком, то его *хаминджа* и *гипта* могли даже обратить ее благосклонность в гнев и вызвать его заслуженную гибель. *Увар ро дизир*, на тебя

злятся дисы! - кричит Один царственному ничтожеству Гейрроду, и немедленно вслед за этим последний спотыкается и падает, пронзенный собственным мечом. То, что невидимый хамингже может заставить человека споткнуться и упасть, показано в Fornm., iii.

The *Гипты*, похоже, осуществили одно из решений Урд, благодаря которому фаворитке неожиданно, как бы случайно, улыбнулась удача.

Не только для отдельных индивидуумов, но и для семей и кланов существовали духи-хранители (*кынфылгюр, эттар-фылгюр*).

Другим подразделением этого класса служанок при Урд являются те, кто следит за появлением ребенка на свет и кому приходится вплетать нити новорожденного младенца в паутину семей и событий. Как Урд и ее сестры, их тоже называют норнами. Если это ребенок, которому суждено стать великим и прославленным человеком, сама Урд и ее сестры могут присутствовать для вышеуказанной цели (см. № 30 о рождении Хафдана).

В нескольких строфах, включенных в "Фафнерсмаль" из языческой дидактической поэмы, ныне утраченной (Fafn., 12-15), говорится о норнах, задача которых - определять приход ребенка в этот мир и содействовать ему. *Nornir, er naudgaunglar 'ro oc kjósa mædr frá maugum*. Выражение *кьоса мадр фра могу*м, "выбирать матерей из потомков", кажется неясным и ни при каких обстоятельствах не может означать просто "рожать матерям детей". Слово *кьоса* никогда не используется ни в каком другом смысле, кроме как выбирать, избирать, отбирать.

Следовательно, здесь это должно означать выбирать, избирать в качестве матерей; и выражение "от потомков" непонятно, если мы, с одной стороны, не представляем себе толпу возможных потомков, которые на пороге жизни ждут матерей, чтобы родиться в этом мире, и, с другой стороны, женщин, которые должны стать матерями, но в отношении которых еще не определено, какого потомка каждая из них назовет своим среди огромной ожидающей толпы, пока те норны, которых мы здесь обсуждаем, не решат этот вопрос, и из неопределенной толпы ожидающих. *мегиры* выбирают матерей *для* тех детей, которые предназначены им судьбой.

Эти норны, согласно Фафну, 13, имеют разное происхождение. Некоторые из них - родственницы азов, другие принадлежат к расе эльфов, и снова третьи - дочери Двалина. Что касается последних, следует помнить, что Двалин, их отец, с помощью художников своего круга украсил цитадель, внутри которой будущее поколение людей ожидает возрождения мира, и что мифология тесно связывает его с эльфом утренней зари Деллингом, который охраняет цитадель расы возрождения от всего, что является злом и всего, что не должно входить (см. № 53). Есть основания (см. № 95) предполагать, что эти дисы по рождению были служанками Хонер в то же время, что и Урд, точно так же, как валькирии являются служанками Урд и Одина одновременно (см. Ниже).

К другому классу служанок Урд принадлежат те существа из нижнего мира, которые исполняют ее смертные приговоры и проводят души умерших в нижний мир.

Прежде всего среди психо-посланников (психо-помпонов), сопровождающих мертвых, мы отмечаем группу служанок-щитоносок, называемых валькириями. Поскольку Один и Фрейя получили право выбора на поле боя, валькирии получили Асгард в качестве своей обители. Там они приносят рога с медом асам и эйнхериям, когда те не едут по поручениям Вальфатера

(Völuspa, 31; Grimnersmal, 36; Eiriksm., 1; Ulf Ugges. Скальдск., 238). Но третья из норн, Скульд, является главной в этой группе (Волюспа, 31), и, как будет показано ниже, они навсегда остаются в самой тесной связи с Урд и нижним миром.

65.

О КОСМОГРАФИИ. ПУТЬ ПАВШИХ ОТ МЕЧА В ВАЛХАЛ ЛЕЖИТ Через НИЖНИЙ МИР.

Современная концепция переноса павших от меча в Асгард заключается в том, что валькирии немедленно переносили их через голубое пространство в верхние залы. Язычники не понимали этот вопрос таким образом.

Это правда, что мифологические лошади могли переносить своих всадников по воздуху, не упираясь копытами в твердое основание. Но такой способ передвижения не был правилом даже среди богов, и, когда это все-таки случалось, это привлекало внимание даже у них. Сравните Gylfaginning, i. 118, в котором цитируются строфы из языческого источника. Мост Бифрост не был бы построен или установлен для ежедневной связи между Асгардом и подземным царством Урд, если бы в нем не было необходимости в мифологическом мире фантазии. Путь Гривы в космосе не рассматривался бы как дорога в конкретном смысле, которая трясется и гремит, когда по ней проезжает громовая колесница Тора (Хаустл., скальдск., гл. 16), если бы не считалось, что Гриве безопаснее на твердой дороге, чем без нее. Перед каждым ребенком, выросшим в домах наших отцов-язычников, должен был стоять вопрос, для чего нужны были такие дороги и мосты, если боги не имели от них никакой пользы. Мифология должна была быть подготовлена к таким вопросам, и в этом, как и в других случаях, у нее были ответы, удовлетворяющие тому требованию причинности и последовательности, которое предъявляет даже самый наивный взгляд на мир. Ответ был таков: если мост Бифрост сломается под его всадниками, как это должно произойти со временем, то их лошадям придется *плавать* в воздушном море (*Билпрауст бротнар, er their á bru fara, oc svima i modo marir*—Fafn., 15., сравните строфу из "Саги Кормака", стр. 259, где атмосфера называется фьордом богов, *Диа фьордр*). Лошадь плавает не так быстро и легко, как бежит. Разные возможности передвижения связаны с разными видами физической нагрузки и стремительностью. Один метод более соответствует цели, чем другой. Прочные связи, которыми пользовались боги и которые мифология выстраивала в пространстве, являются, соответственно, объектами преимущества и удобства. Валькирии, ехавшие во главе своих избранных героев, так же как и боги, сочли прочные дороги выгодными, и путь, который они избрали со своими любимцами, не был тем, который представлен в наших учебниках мифологии. Гримнерсмаль (стр. 21; см. № 93) сообщает нам, что ширина атмосферного моря слишком велика, а его течения слишком сильны, чтобы те, кто едет на своих лошадях с поля боя, могли перейти его вброд.

В 45-й главе "Саги об Эгиле Скаллаграмсоне" мы читаем, как Эгиль спасся от людей, которых король Эрик Кровавый топор послал в погоню за ним на остров Сауд. Пока они искали его там, он прокрался поблизости от того места, где стояла лодка, в которой те, кого преследовали, переплыли на другой берег. Лодку охраняли три воина. Эгилу удалось застать их врасплох и нанести одному из них смертельную рану, прежде чем последний смог защититься. Второй пал в поединке на берегу. Третий, который прыгнул в лодку, чтобы освободить ее, упал туда после обмена ударами. В саге сохранилась строфа, в которой Эгиль упоминает об этом подвиге

своему брату Торольфу и своему другу Аринбьерну, которых он встретил после своего бегства с острова Сауд. Там он говорит:

at thrymreynis thjónar
thrir nökkurrir Hlakkar,
til hásalar Heljar
helgengnir, för dvelja.

"Трое из тех, кто служит испытателю валькирий (воинственному Эрику Кровавому топору), вернутся поздно; они ушли в нижний мир, в высокий чертог Хель".

Павшие были людьми и воинами короля. Они были сражены оружием и пали при исполнении служебных обязанностей, один от внезапного ранения, другие в открытом конфликте. Согласно концепции мифологических учебников, валькирии должны были доставить этих убитых мечом людей по воздуху в Валхал. Но скальд Эгиль, который как язычник родился примерно в 904 году и который как современник сыновей Харальда Прекрасноволосого, должно быть, знал мифологические взгляды своих единоверцев-язычников лучше, чем люди нашего времени, положительно уверяет нас, что эти люди из личной охраны короля Эрика, вместо того чтобы немедленно отправиться в Валхал, отправились в нижний мир и там в высокий чертог Хель. Он, конечно, не сказал бы ничего подобного, если бы те, для кого он сочинил эту строфу, не сочли эту идею возможной и правильной.

Теперь возникает вопрос: стоит ли это утверждение Эгиля особняком и не противоречит ли оно другим утверждениям, затрагивающим тот же вопрос, который сохранили для нас древние языческие летописи? Ответ заключается в том, что в этих древних записях не найдено ни одного отрывка, противоречащего идее Эгиля, но что все они, напротив, полностью согласны с его словами, и что эта гармония сохраняется в сообщениях первых веков христианства по этому вопросу.

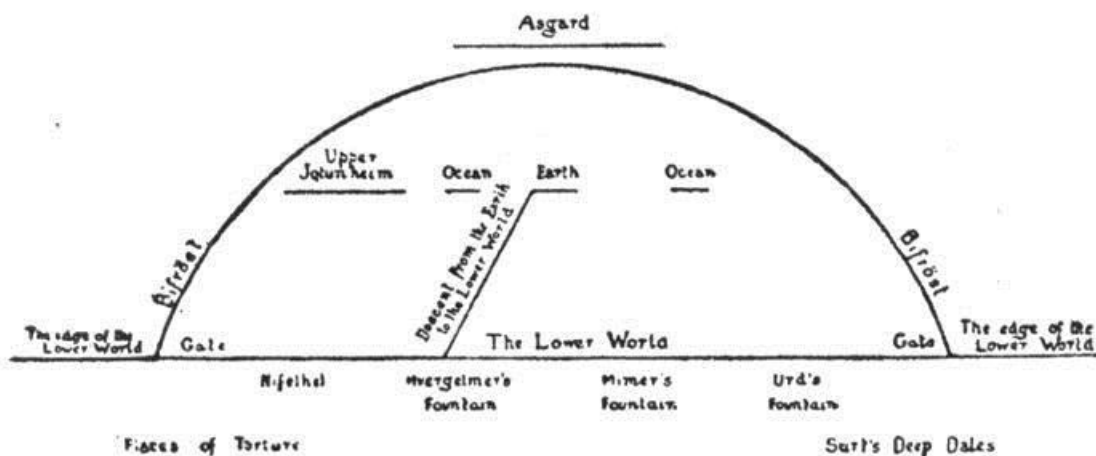
Все мертвые, а также те, кто пал от меча, сначала попадают в Хель. Оттуда сраженные мечом приходят в Асгард, если они заслужили такую судьбу.

В саге Жизель Сурсон (гл. 24) упоминается обычай надевать адские туфли на ноги умерших. Воины, в отношении которых не было сомнений в том, что Валхал был их конечной судьбой, получили Оружие, как и все остальные, *это эр тидска в бинда меннум хелско, сем менн, скуло а ганга до Валгаллара*. Было бы невозможно объяснить этот обычай, если бы не верили, что те, кто был избран для радостей Валхала, были обязаны, как и все остальные, путешествовать *по Гельвегуму*. Где бы ни преобладал этот обычай, мнение Эгиля относительно судьбы, которая немедленно ожидала павших от меча людей, было общим.

Когда Хермод отправился в нижний мир, чтобы найти Бальдра, он, как мы знаем, подошел к золотому мосту через реку *Гьель*. Служанка Урд, которая следит за мостом, упомянула ему, что за день до этого пять *филки* мертвецов проехали по тому же мосту. Следовательно, все эти мертвецы верхом на лошадях, и они прибывают не по отдельности или по нескольку за раз, а большими отрядами, называемыми *филки*, выражение, которое в исландской литературе обозначает большие или меньшие подразделения армии — легионы, когорты, манипулы или роты в боевом порядке; и с *филки* глагол *fylkja*, формировать армию или подразделение армии в боевом порядке, наиболее тесно связан. Это с достаточной ясностью указывает на то, что мертвые, о которых здесь идет речь, — это мужчины, которые пали на поле битвы и находятся на

пути в Хель, каждый верхом, в компании своих павших братьев по оружию, с теми, кто принадлежал к его собственной *филке*. Повествование предполагает, что люди, павшие от меча, конечным пунктом назначения которых является Асгард, сначала должны спуститься в нижний мир. Иначе мы бы не нашли этих *филков* на Вертолете, скачущих по подземному мосту в то же царство, которое после смерти приняло Бальдра и Нанну.

Уже указывалось, что Бифрост - единственное связующее звено между Асгардом и нижними областями вселенной. Воздух рассматривался как эфирное море, через которое перекинут мост, и хотя мифические лошади могли плавать в этом море, прочная связь имела величайшее значение. Боги пользовались мостом каждый день (Гримнисмаль, Гильфагининг). Ледяные великаны и горные великаны стремятся завладеть им, поскольку это ключ к Асгарду. Поэтому у него есть свой особый страж в зорком и бдительном Хеймдале. Когда в Рагнареке боги отправляются на последнюю битву, они проходят над Бифростом (Фафнерсмалем). Мост не ведет в Мидгард. Его нижние концы не были задуманы как расположенные среди смертных людей. Он находился за пределами и ниже края земной коры как на севере, так и на юге. На юге он спускался к фонтану Урд и жилищу богов в нижнем мире (смотрите прилагаемый рисунок, призванный сделать эти факты понятными). Из этой мифологической топографической схемы с необходимостью следует, что валькирии во главе избранных убитых должны пройти свой путь через нижний мир, через фонтан Урд и жилище богов, если они хотят проехать по мосту Бифрост в Асгард, а не быть вынужденными добираться туда на лошадях, плывущих по течению.

С языческих времен сохранились две поэмы, в которых описывается прием павших от меча королей в Валхале. В одном из них описывается прием, оказанный Эрику Кровавому топор, в другом - Хакону Доброму.

Когда король Эрик с пятью другими королями и сопровождающими их павшими воинами подъезжает туда верхом, боги слышат при их приближении могучий грохот, как будто содрогнулись основания Асгарда. Все скамьи Валхала трясутся. Какую единственную вероятность мы можем теперь представить относительно предположений скальда? Неужели он предполагал, что избранные герои прибыли на лошадях, которые плавают в воздухе, и что движения лошадей в этой стихии производили шум, заставлявший Валхал дрожать? Или что это Бифрост гремит под копытами сотен лошадей и сотрясается под их весом? Вряд ли есть необходимость в ответе на этот альтернативный вариант. Тем временем сам скальд дает ответ.

Ибо скальд заставляет Браге сказать, что по грохоту и содроганию можно предположить, что это Бальдр возвращался в чертоги богов. Бальдр обитает в нижнем мире; связующим звеном между Асгардом и нижним миром является Бифрост: эта связь имеет такую природу, что сотрясается под тяжестью лошадей и всадников, и в отношении Бифроста предсказано, что в Рагнареке она сломается под тяжестью сонма всадников. Таким образом, слова Браге показывают, что именно с Бифроста доносится шум, когда Эрик и его люди подъезжают к Валхалу. Но чтобы добраться до южной оконечности Бифроста, Эрику и его всадникам пришлось пройти через Хель, пересечь Гьолл и миновать жилище богов возле источника Урд. Таким образом, именно по этой дороге психопомпы героев ведут своих любимцев к конечному пункту назначения.

В своей великой поэме "Хаконармаль" Эйвинд Скальдаспиллер заставляет Одина послать валькирий Гандул и Скагул "выбрать среди королей расы Ингве тех, кто придет к Одину и поселится в Валхале". Не сказано, какой дорогой две валькирии направляются в Мидгард, но когда они прибыли туда, то обнаружили, что битва неизбежна между потомками Ингве, Хаконем Добрым и сыновьями Эрика. Хакон как раз надевает свою кольчугу, и сразу же после этого начинается блестяще описанная битва. Сыновья Эрика обращены в бегство, но победитель Хакон ранен стрелой, и после окончания битвы он сидит на поле боя, окруженный своими героями, "со щитами, разрубленными мечами, и с берниями, пронзенными стрелами". Гандул и Скагул, "девы верхом на лошадях, с мудростью на лицах, в шлемах на головах и со щитами перед собой", находятся рядом с королем. Последний слышит, что Гандул, "опираясь на свое копье", говорит Скагулу, что рана должна стать причиной смерти короля, и теперь между Хаконем и Скагулом начинается разговор, который подтверждает сказанное Гандулом, и делает это следующими словами:

Rida vit nú skulum,
kvad hin ríka Skagul,
græna heima goda
Odni at segja,
at un mun allvaldr koma
á hann sjálfan at sjá.

"Теперь мы двое (Гандул и Скагул), - сказал могучий Скагул, - *отправимся в зеленые царства* (или миры) *богов*, чтобы сказать Одину, что теперь к нему прибывает великий король".

Здесь мы получаем определенную информацию о том, каким путем путешествуют валькирии между Асгардом и Мидгардом. Поля, через которые проходит дорога и которые избиты копытами их лошадей, - это *зеленые царства богов* (миры, *хеймар*).

Говоря об этих зеленых сферах, Эйвинд не имел в виду голубой эфир. Он проводит различие между синим и зеленым. Море, которое он называет синим (*blámær*— см. Хеймскрингла). Что он прямо заявляет, и чем мы должны ограничиться, так это то, что, согласно его космологической концепции и концепции его языческих единоверцев, на пути, которым должны были следовать валькирии, когда они с поля битвы в Мидгарде возвращались в Валхал и Асгард, существовали царства, одетые в зеленое и населенные божествами. Но поскольку валькирии и избранные едут на Бифросте до Валхала, Бифрост, который спускается к колодцу Урд, должен быть связующим звеном между царствами, украшенными зеленым, и Асгардом. *Великий хеймар*, через который должны пройти валькирии, следовательно, является сферами нижнего мира.

Среди сфер или "миров", составлявших мифологическую вселенную, сферами блаженства в нижнем мире были те, которые можно было бы особенно охарактеризовать как зеленые. Их рощи, цветущие луга и колоссящиеся хлебные поля никогда не были тронуты гнилью или морозом, и как таковые они лелеялись народной фантазией на протяжении столетий после введения христианства. Нижненемецкий язык также сохранил память об этом в выражении *igróni godes wang* (Hel., 94, 24). То, что зеленые царства нижнего мира называются царствами богов, также справедливо, поскольку они содержали и содержат множество существ более высокого или более низкого божественного ранга. Там обитает божественная мать Нат, которой поклоняются германцы; там воспитываются мать Тора, ее брат и сестра Ньерд и Фулла; там Бальдру, Нанне и Хедру предстоит жить до Рагнарека; там Деллинг, Биллинг, Ринд, Даг, Мане и Сол, и весь клан художников, собравшихся вокруг Мимера, у них, которые "кузнецы" живых существ, растительности и украшений, есть свои чертоги; там родился сын Одина Вейл. Из мифологических божеств лишь небольшое число было воспитано в Асгарде. Когда Гандул и Скагул во главе павших от мечей людей скачут "по зеленым мирам богов", это согласуется с утверждением в мифе о путешествии Хермода в Хель, что "вереницы" мертвых всадников скачут галопом по подземному золотому мосту, по другую сторону которого расположены славные края, и с утверждением в Вегтамсквиде, что Один, когда он оставил Нифельхель позади, пришел к *фолдвегру*, дороге через зеленые равнины, по которой он достигает чертога. Это ждет Балдера.

В героических песнях Старшей Эдды и в других поэмах, относящихся к столетиям, непосредственно последовавшим за введением христианства, сохранилось воспоминание о путешествии героев в нижний мир. Сигурд Фафнерсбейн приходит в Хель. Об одном из братьев Атле, павшем от меча Гудрун, сказано: *я Хелджу хон тана хафди* (Атлам., 51). В том же стихотворении, строфа 54, один из нифлунгов говорит о поверженном мечом враге, что они держали его *ламданом до Хелджара*.

Мифическая традиция поддерживается языковым употреблением, которое в таких фразах, как *berja i Hel*, *drepa i Hel*, *drepa til Heljar*, *færa til Heljar*, указывает на то, что те, кто пал от меча, также должны были спуститься в царство смерти.

Память о валькириях, подчиненных богине судьбы и смерти и принадлежащих вместе с ней к классу норн, продолжала процветать во времена христианства как среди англосаксов, так и скандинавов. Среди первых *vālcyrge*, *vālcyrre* (валькирия) могло использоваться для выражения латинского *parca*, а в "Беовульфе" встречаются фразы, в которых *Хильд* и *Гуд* (валькирии *Хильдр* и *Гуннер*) выполняют задачи *Вурда*. В Атламале (28) валькирии превращаются в "мертвых женщин", обительниц нижнего мира, которые пришли, чтобы выбрать героя и пригласить его в свои чертоги. Основой трансформации является воспоминание о том, что валькирии были на службе не только у Одина, но и у богини нижнего мира Урд (сравните Атламал, 16, где их называют норнами), и что они в качестве психопомпов проводили избранных Героев в Хель по пути в Асгард.

66.

ВЫБОР. БАСНЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О "СРАЖЕНИИ С НАКОНЕЧНИКОМ КОПЬЯ".

Если бы смерть на поле битвы или в результате ран, полученных на поле битвы, рассматривалась как неизбежное условие для допуска мертвых в Асгард и для получения чести

сидеть за столом Одина, то выбор при любых обстоятельствах рассматривался бы как милость Одина. Но это ни в коем случае не было так, да и не могло быть так, если рассматривать это с психологической точки зрения (см. Выше, № 61). Упомянутые выше стихотворения "Эйриксмаль" и "Хаконармаль" дают нам примеры выбора с точки зрения, совершенно отличной от точки зрения благосклонности. Когда один из эйнхериев, Зигмунд, узнает от Одина, что Эрик Кровавый топор пал и его ожидают в Валхале, он спрашивает, почему Один лишил Эрика победы и жизни, *хотя* он, Эрик, пользовался дружбой Одина. Из ответа Одина на этот вопрос мы узнаем, что скальд не хотел, чтобы Зигмунд выражал какое-либо удивление по поводу того, что король, которого Один любит больше других королей и героев, погиб в проигранной, а не выигранной битве. Что подчеркивает Зигмунд, так это то, что Один предпочел не брать к себе менее любимого короля, чем столь высоко ценимого Эрика, и не позволять последнему побеждать и жить. Ответ Одина заключается в том, что он ежечасно ожидает Рагнарека и поэтому поспешил как можно скорее пополучить в число своих эйнхериев такого доблестного героя, как Эрик. Но Один не говорит, что он боялся, что ему, возможно, придется навсегда расстаться с героем, в случае, если последний, не будучи выбран на этом поле битвы, будет унесен какой-то другой смертью, а не от меча.

Хаконармал приводит нам пример короля, которого выбирают в битве, в которой он выходит победителем. Как победитель, раненый Хакон остался на поле боя; все еще он смотрит на выбор как на немилость. Когда он узнал из слов Гандула Скагулу, что число эйнхериев должно быть увеличено вместе с ним, он обвиняет валькирий в том, что они уготовили ему такую судьбу, и говорит, что он заслуживал лучшей участи от богов (*варун то вердир ганнс фра годум*). Когда он входит в Валхал, на устах у него более резкий упрек встречающему его Одину: *илрудигр мьок тиккир осс Один вера, шам вер ханс из хуги*.

Несомненно, для наших предков было славной перспективой получить разрешение прийти к Одину после смерти, и человек, который видел неизбежную смерть на своих глазах, мог утешать себя мыслью о том, что вскоре увидит "скамьи отца Бальдра, украшенные для пира" (предсмертная песнь Рагнара). Но все свидетельства языческих времен, которыми мы располагаем, свидетельствуют не менее определенно, что почетная жизнь была предпочтительнее почетной смерти, хотя в промежутках между войнами существовала вероятность смерти от болезни. При таких обстоятельствах мифическая эсхатология не могла бы сделать смерть от болезни непреодолимым препятствием для воинов и героев на их пути в Валхал. В древних записях нет ни малейшего намека на подобную идею. Это слишком абсурдно, чтобы существовать. Это лишило бы Валхал многих самых блестящих героев Мидгарда и потребовало бы от верующих, чтобы они предпочли смерть даже с поражением победе и жизни, поскольку последняя участь была сопряжена с возможностью смерти от болезни. С такой целью ни одна армия не идет в бой, и ни одна воинственная раса, наделенная нормальными инстинктами, никогда не придерживалась этой идеи и не выражала ее в своей доктрине относительно будущей жизни.

Абсурдность этой теории настолько очевидна, что мифологи, которые ее развивали, сочли необходимым найти какой-то способ сделать ее менее неприемлемой, чем она есть на самом деле. Они предположили, что Один не обязательно не смог пополучить тех героев, которым болезнь и старость угрожали соломенной смертью, и им не нужно было отказываться от

радостей Валхала, поскольку у них оставалось средство, к которому они прибегали при таких обстоятельствах: они царапали себя острием копья (*марка сик гейрс-одди*).

Если такой обычай существовал, мы можем рассматривать его как результат святости, сопровождающей добровольную смерть в качестве жертвоприношения, — святости, которая во все века была более или менее привлекательной для религиозных умов. Но все описания, которые мы имеем в латинских источниках относительно тевтонских обычаев, все наши собственные древние записи языческих времен, все северные и германские героические песни единодушно и упорно умалчивают о существовании предполагаемого обычая "вставить с наконечником копья", хотя, если бы он когда-либо существовал, это было бы именно то, что, с одной стороны, заметили бы незнакомцы, а с другой стороны, запомнили, по крайней мере на время, поколения, обращенные в христианство. Но хорошо информированные люди, с которыми беседовал Тацит, те, кто представил так много характерных черт германцев, ничего не знали о такой практике; в противном случае они, несомненно, упомянули бы о ней как о чем-то очень примечательном и свойственном германцам. Ни в одном из поздних классических латинских источников или записей на латыни средних веков, которые внесли вклад в наши знания о германцах, нет ни единого слова об этом, равно как и в героических поэмах. Скандинавские летописи и более или менее исторические саги повествуют о многих языческих королях, вождах и воинах, которые умерли на соломенной подстилке, но ни об одном, кто "вскинулся на острие копья". Басня об этом "сражении с наконечником копья" берет свое начало в Инглингасаге, гл. 10, где говорится, что Один, превратившийся в короля в Свитиоде, когда приближалась смерть, отпустил *марку сик гейрс-одди*. Из этого утверждения был построен обычай среди королей и героев предвосхищать соломенную смерть, "поднимаясь с наконечником копья", и это с целью получения допуска в Валхал. Вигфуссон (Словарь) уже указывал на тот факт, что автор "Инглингасаги" не имел никаких других оснований для своего утверждения, кроме отрывка из Хавамаля, где Один рассказывает, что он был ранен копьем, испытывал голод и жажду, добровольно причинил себе боль, что побудило брата Бестлы дать ему руны и напиться из источника мудрости. Таким образом, басня о растирании наконечника копья и ее цели совершенно не похожа на источник, из которого она возникла благодаря невежеству и случайному написанию.

67.

ПСИХО-ПОСЛАННИКИ ТЕХ, КТО НЕ ПАЛ ОТ МЕЧА. ДОЧЬ ЛОКА (ПСЕВДО-ХЕЛЬ В ГИЛЬФАГИНИНГЕ) ИДЕНТИЧНА ЛЕЙКИНУ.

Психопомпы тех, кто пал от меча, - это, как мы видели, величественные дисы, высоко сидящие в седле, в шлемах, со щитом и копьем. К тем, кому не суждено пасть от меча, Урд посылает других служанок, которые, как и первые, могут приезжать верхом и которые, как выясняется, имеют очень разную внешность, меняющуюся в зависимости от способа смерти тех людей, при отъезде которых они присутствуют. Та, кто приходит к тем, кто тонет под тяжестью лет, была задумана как очень доброжелательная дис, если судить по единственному отрывку, где она описана, то есть в Инглингатале и в Инглингасаге, гл. 49, где говорится о престарелом и справедливом короле Хальфдане Белой Ноге, что его забрала отсюда женщина, которая помогает склоненным и сутулым (*халварпс хлифинаума*). Бремя, которое Элли (эйдж), приемная мать Утгард-Лока (Гильфаг., 47 лет), возлагает на мужчин и которое постепенно становится для них непосильным, снимается этим добросердечным человеком.

Другие психопомпы ужасного вида. Большинство из них принадлежат духам болезни, обитающим в Нифельхеле (см. № 60). Король Ванланде замучен до смерти существом, эпитет которого, *витта веттр* и *троллкунд*, показывает, что она принадлежит к той же группе, что и *Хейдр*, прототип ведьм, и которая противопоставляется валькирии Хильд по имени *лиона лидс бага Гримхильд* (Ингл., гл. 16). Тот же *витта веттр* пришел к королю Адилсу, когда его лошадь упала, и он сам ударился головой о камень (Ингл., гл. 33). Два короля, которые умирают на соломенном ложе, упоминаются в "Строфах Тьодольфа" Инглингасаги (гл. 20 и 52), их посетило существо, называемое в одном случае родственницей Локе (*Лока мер*), а в другом - родственницей Хведрунга (*Хведрунгс мер*). То, что родственница этого Локе не имеет права определять жизнь и смерть, а лишь выполняет распоряжения норн, определенно указано в "Тьодольфстрофе" (гл. 52), а также то, что ее деятельность как того, кто приносит приглашение в царство смерти, не подразумевает, что приглашенный человек должен быть причислен к проклятым, хотя сама она, родственница Локе, дочь Локе, безусловно, не принадлежит к областям блаженства.

Ok til things
thridja jöfri
hvedrungs mæ
or heimi baud,
thá er Hálfðan,
sa er á Holti bjó
norna dóms
um notit hafði.

Поскольку все умершие, независимо от того, предназначены ли они для Валхала или для Хель (в смысле подземных царств блаженства), или для Нифельхеля, должны сначала сообщить о себе в Хель, их психопомпы, независимо от того, обитают ли они в Валхале, Хель или Нифельхеле, должны сделать то же самое. Это устройство необходимо также с той точки зрения, что несчастные, которые "умирают из Хель в Нифельхель" (*Grimnersmal*), должны иметь сопровождающих, которые проводят их из царств блаженства к вратам На, а оттуда в царства пыток. Те, кто умер от болезни, у кого подземная родственница Локе в качестве проводницы, могут быть предназначены для царств блаженства — тогда она доставляет их туда; или быть предназначены для Нифельхеля — тогда они умирают под ее опекой и переносятся ею через врата На в миры пыток в Нифельхеле.

Еще в далекие христианские времена причастие *leikinn* использовалось таким образом, что указывает на нечто мифическое в качестве первоначальной причины его применения. В "Бискупасе" (i. 464) говорится о человеке, что он был *лейкинном* от некоего волшебного существа (*флэгда*). О другом человеке, который искал уединения и разговаривал сам с собой, говорится в "Эйрбигге" (270), что его считали *лейкинном*. Инглингаталь дает нам мифическое объяснение этого слова.

В строфе о короле Дыггве, умершем от болезни, в этом стихотворении говорится (Инглинг., гл. 20), что, поскольку нижний мир избрал его, пришла родственница Локе и сделала его *лейкинном*

(*Алвальд Ингва тьодар Лока мер ум лейкинн хефир*). Человека, который стал *лейкином*, соответственно, посещает родственница Лока или, если у других была такая же задача, какое-то существо, похожее на нее и принесшее психическое или физическое заболевание.

В наших мифических записях упоминается великанша, само имя которой, *Лейкин*, *Лейкн*, непосредственно связано с той деятельностью, которой занимается родственница Локи — а она тоже великанша — когда создает человека *лейкинн*. Из наших старых записей об этом личном *Лейкине* мы получаем следующую информацию:

1. Она, как уже говорилось, принадлежит к расе великанов (Младшая Эдда, i. 552).
2. Однажды ей плохо пришлось от рук Тора. Он сломал ей ногу (*Leggi brauzt thu Leiknar*— Скальдск., гл. 4, по песне Ветрлиди).
3. Она - *квельдрида*. Первоначальное и мифологическое значение *квельдриды* - всадница пыток или смерти (от *kvelja*, мучить, убивать). Значение "всадница ночи" - это недоразумение. Сравните слова Вигфуссона, произнесенные вслух "Квельд".
4. Лошадь, на которой скачет эта женщина пыток и смерти, черная, необузданная, с трудом управляемая (*стиггр*) и уродливо выросшая (*леваксин*). Он пьет человеческую кровь, и его сопровождают другие лошади, принадлежащие Лейкину, такие же черные и кровожадные, как он. (Все это изложено Халльфредом Вандрадаскальдсом.)^[13] Возможно, эти свободные лошади предназначены для тех людей, которых женщины-всадницы из-за пыток умирают от болезней и которых она должна увести в нижний мир.

Народные предания сохранили до наших дней воспоминание о лошади "уродливо выросшей", то есть о трехногом коне, который при своем появлении приносит болезни, эпидемии и язвы. Датское народное поверье (Thiele i. 137, 138) знает об этом чудовище, и слово *Hel*-лошадь сохранилось в словаре датского языка. Болезни, переносимые Хелл-хорсом, чрезвычайно опасны, но не всегда смертельны. Когда они не смертельны, считается, что выздоравливающий искупил свою жизнь потерей сил и пытками, которые причинила ему болезнь, и в символическом смысле он тогда "дал смерти бушель овса" (то есть ее лошади). Согласно распространенному в Слесвике поверью (Arnkjell, i. 55; ср. J. Grimm, *Немецкий миф*, 804), Хель во время чумы ездит верхом на трехногой лошади и убивает людей. Таким образом, некрасиво выросшая лошадь не забыта в традициях языческих времен.

Вельуспа сообщает нам, что в первобытную эпоху человечества колдунья Хейд ходила из дома в дом и была желанной гостьей у злых женщин, поскольку она *сеид Лейкин* (*сида* означает заниматься колдовством). Теперь, поскольку Лейкин является "всадницей пыток и смерти" и ездит верхом на Адском коне, то выражение *сида Лейкин* может означать не что иное, как посредством колдовства посылать Лейкина, вестника болезней и смерти, тем людям, которые являются жертвами злых желаний "злых женщин"; или, более абстрактно, наносить с помощью колдовства опасные болезни мужчинам.^[14]

Из всего этого следует, что Лейкин либо является второстепенной фигурой по отношению к дочери Локе и похожа на нее во всех отношениях, либо она и дочь Локе - одно и то же лицо. Определить вопрос, являются ли они идентичными, мы должны соблюдать (1), безусловно, представитель, каким образом *Völuspa*, на использование названия Лейкин, делает обладательницу этого имени мифического человека, который посещает людей от болезней и

смерти; (2) способ, в котором Ynglingatal характеризует активность Лок дочери с человеком, суждено умереть от болезни, она заставляет его *leikinn*, выражение, которое, без сомнения, является по своему смыслу связано с женским именем Leikn, и который сохранился в народной далеко вниз, в христианские времена, и нет места сверхъестественным посещаемость результате симптомы психического или физического заболевания; (3) в христианской традиции, в которой деформируется и болезней-в результате лошадь, которая Лейкин едет в мифе, представлена как конь "смерть" или "Хель;" (4), которые изменяют смысл которой имя Хель, которых в мифические поэмы Старшей Эдды обозначает весь языческий мир смерти, и особенно ее регионов блаженства, или их королева, должно быть обителью пыток и страданий, и ее правитель—трансмутация с помощью которого зовут Хель, как и в Gylfaginning и в Slesvik традиции, был переведен из Урд, чтобы дочь Локо.

Наконец, следует отметить, что о Лейкин, как о дочери Локе, рассказывается, что однажды ей плохо пришлось от рук богов, которые, однако, не лишили ее жизни. Дочь Лока не убита, но брошена в Нифельхель (Гильфагининг, гл. 34). С этого времени она *бесплотна*, то есть у нее сутуловатая фигура, как будто ее кости были сломаны и не могли удерживать ее в вертикальном положении. Лейкин не убита, но ей переламывают ноги.

Таким образом, все, что мы узнаем о Лейкине, указывает на Локе-деву, Хель, но не из мифа, а из христианской традиции.

68.

ПУТЬ В АД, ОБЩИЙ ДЛЯ МЕРТВЫХ.

Уже было продемонстрировано, что все умершие должны отправиться в Хель — не только те, чьим местом назначения является царство блаженства, но и те, кому суждено обитать в Асгарде или в областях пыток в Нифельхейме. Таким образом, мертвые с самого начала идут одной и той же дорогой. Всем им предписан один и тот же маршрут, и одни и те же Врата Ада ежедневно открываются для сонмов душ, предназначенных для разных жребиев. Женщины и дети, мужчины и старики, те, кто практиковал искусство мира, и те, кто обаграл оружие кровью, те, кто жил в согласии со священными заповедями норн и богов, и те, кто их нарушал, — все должны пройти тот же путь, что прошел до них Бальдр, к полям источников мира. Они приходят пешком и верхом — нет, даже на колесницах, если мы можем верить *Хелрейд Брюнгильдар*, очень ненадежному источнику, — ведомые различными психопомпами: прекрасно экипированными валькириями, бело-голубой дочерью Лока, мрачными духами болезней и кроткими служанками старости. Возможно, души детей обладали своими особыми психопомпами. Традиции мифического происхождения, по-видимому, предполагают это; но фрагменты самих мифов, сохранившиеся до нашего времени, не дают нам никакой информации на этот счет.

Врата Ада, о которых здесь идет речь, располагались ниже восточного горизонта земли. Когда Тор угрожает убить Локе, он говорит (Лока., 59), что пошлет ему *аустрвегу*. Когда автор Солнечной песни в последний раз видит закат, он слышит, как в противоположном направлении, то есть на востоке, уныло скрипит на петлях решетка врат Ада (стр. 39). У ворот есть сторож и ключ. Ключ называется *гиллингр*, *гиллингр* (Младшая Эдда, ii. 494); и поэтому скальд, который прославляет своих предков в своих песнях и таким образом напоминает живущим о тенях тех, кто обитает в Аиде, может сказать, что он выносит на свет божий дань уважения Гиллингу (*yppa gillings gjöldum*. См. строфу Эйвинда, Младшая Эдда, i. 248. Этот

пересказ до сих пор понимался неправильно из-за псевдомифа о меде *Брагарадур*.) От ворот дорога мертвых уходила под землю в западном направлении через глубокие и темные долины (Гильфаг., гл. 52), и потребовалось несколько дней — для Хермода девять дней и ночей, — прежде чем они добрались до светлых областей и золотого моста через реку Гьолл, текущую с севера на юг (см. № 59). На другом берегу реки дороги разветвлялись. Одна дорога вела прямо на север. Это привело в обитель Бальдра (Гильфаг., гл. 52); другими словами, во владения Мимера, в рощу Мимера и в священную цитадель *асмегир*, куда смерть и разложение не могут проникнуть (см. № 53). Следовательно, эта северная дорога не была дорогой, общей для всех умерших. Другая дорога вела на юг. Поскольку царство Урд расположено к югу от царства Мимера (см. № 59, 63), эта вторая дорога, должно быть, вела к источнику Урд и тамошнему жилищу богов. Из песни Солнца мы узнаем, что ушедшие должны были продолжить свой путь по этой дороге. Умерший скальд Солнечной песни пришел к норнам, то есть к Урд и ее сестрам, после того, как оставил эту дорогу позади, и он просидел девять дней и ночей *на норной столи*, прежде чем ему разрешили продолжить свой путь (стр. 51). Итак, вот конец общего для всех пути, и прямо здесь, у источника Урд и в обители богов, что-то должно произойти, по этой причине мертвые делятся на разные группы, некоторым уготована участь Асгарда, другим - подземных областей блаженства, а третьим - участь Нифельхеля в областях пыток. Теперь мы посмотрим, содержат ли сохранившиеся до нашего времени фрагменты мифов какие-либо предположения относительно того, что происходит в этой связи. Следует признать, что это разделение должно было произойти где-то в нижнем мире, что оно было сделано на основе законов, которые в мифологической этике различают добро и зло, невинность и вину, то, что простительно, и то, что непростительно, и что счастье и несчастье умерших определяется этим разделением.

69.

ДВЕ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСА. СТЕПЕНЬ АВТОРИТЕТА АСА И ДИСБАЛАНС СУДЬБЫ. СУДЬБА МЕРТВЫХ.

У асов есть две обители: одна в Асгарде, другая в нижнем мире.

В первом проводится совет и принимаются решения по таким вопросам, которые в большей степени касаются клана Асов и их отношений с другими божественными кланами и другими силами. Когда Бальдра посещают уродливые сны, Вальфатер собирает богов на совет, и все асы собираются *á thingi, and all the asynjes á máli* в (Vegtamskv., 1; Balder's Dr., 4). На собрании здесь боги решили взять клятву со всего сущего ради безопасности Балдера и послать гонца в нижний мир, чтобы получить знания частично о Балдере, частично о будущих событиях. В связи с этим предпринимаются попытки примирения между асами и ванами после того, как Гульвейг была убита в чертоге Одина (Вельюспа, 23, 24). Сюда (*á thing goda*) приходит Тор с котлом, захваченным у Хаймера и предназначенным для пиршеств богов (Hymerskv., 39); и здесь асы проводят свои последние совещания, когда приближается Рагнарек (Волюспа, 49: *Асир ро а тинги*). В этом разделе не упоминаются вопросы, которые интересуют любого человека, не живущего в Асгарде, или которые не имеют такого характера, чтобы иметь отношение к тому, как сами боги должны действовать в конкретных обстоятельствах. То, что место, где обсуждаются подобные вопросы, должно находиться в самом Асгарде, является вопросом удобства и вытекает из самой природы дела.

Отсюда следует, что боги собираются в замке Асгард скорее для обсуждения своих собственных интересов, чем для того, чтобы судить о делах других. Они также собираются там, чтобы развлечься и поупражняться с оружием в руках (Гильфагининг, 50).

О другом пристанище асов, о едином в нижнем мире, с другой стороны, прямо сказано, что они отправляются туда, чтобы заседать в суде, действовать как судьи; и нет никаких оснований употреблять это слово *дейма*, когда, как здесь, оно означает деятельность в пристанище асов в каком-либо ином, кроме юридического и здравого смысла.

Какие вопросы там решаются? Мы могли бы счесть это подходящим местом для осуществления привилегии Одина выбирать героев, которые будут убиты мечом, поскольку это право совпадает с правом норн определять жизнь и вершить судьбы, откуда может показаться, что область власти богов и область норн здесь достаточно близки друг к другу, чтобы требовать совместных обсуждений и решений. И все же не на подставке у источника Урд Один выбирает людей для смерти от меча. Прямо указано, что именно в своем собственном доме в Валхале Один осуществляет свое право выбора (Grimnersmal, 8), и этим правом он обладает настолько независимо и настолько абсолютно, что ему не нужно спрашивать мнения норн. С другой стороны, боги не имеют права определять жизнь и смерть других смертных. Это принадлежит исключительно норнам. Норны выбирают любую другую смерть, кроме этой от оружия, и их решение в этой области никогда не называют решением богов, но *норна домр*, *норна квидр*, *фрейгдар орд*, *Дауда орд*.

Если бы у Асов и норн действительно был общий голос при решении определенных вопросов, которые *могли* быть решены в Асгарде, то было бы не в соответствии с высоким рангом, присвоенным Асам в мифологии, заставляя их обращаться к норнам за решением таких вопросов. Напротив, норны должны были бы прийти к ним. Урд и ее сестры - существа высокого ранга, но, тем не менее, они происходят от великанов, как и Мимер. Власть, которой они обладают, огромна; и при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что мифология более чем одним способом стремилась сохранить в воображении своих верующих независимость (по крайней мере, кажущуюся и четко определенную, в определенных пределах) богов — независимость, связанную с высоким положением, которое они занимают. Возможно, именно по этой причине младшая из баловней судьбы, Скульд, была выбрана в качестве валькирии и служанки как Одина, так и ее сестры Урд.

Вопросы, в которых Асы являются судьями у источника Урд, должны быть такими, которые *не* могут быть решены в Асгарде, поскольку нижний мир является их надлежащим форумом, где можно найти как заинтересованные стороны, так и свидетелей. Эти вопросы имеют огромное значение. Это очевидно уже из того факта, что путешествие к жилищу богов сопряжено с трудностями, по крайней мере, для Тора, который, чтобы добраться туда, должен перейти вброд четыре реки. Более того, вопросы носят такой характер, что возникают каждый день (Grimnersmal, 29, 31).

На данном этапе исследования результаты, полученные до сих пор на основе различных предпосылок, объединяются следующим образом:

Асы ежедневно ходят в хижину у фонтана Урд. В тингстед у фонтана Урд ежедневно прибывают полчища мертвых.

Задача асов у фонтана Урд - судить, в каких вопросах нижний мир является подходящим форумом. Когда мертвые прибывают к фонтану Урд, их окончательная участь еще не предрешена. Они еще не разделены на группы, которые должны быть разделены между Асгардом, Хель и Нифельхелем.

Теперь вопрос в том, можем ли мы представить себе, что ежедневное путешествие асов к источнику Урд и ежедневное прибытие туда мертвых никак не связаны друг с другом?—Что приговоры, ежедневно произносимые Асами в этом замке, и что ежедневные события, в соответствии с которыми умершие в этом замке разделяются между царствами блаженства и царствами пыток, не имеют ничего общего?

Тому, кто в сомнительных вопросах цепляется за вероятное, а не за противоположное, трудно представить, что эти мифологические факты не должны иметь никакой связи друг с другом. Вероятность становится определенностью при следующих обстоятельствах:

О королях Ванланде и Хальфдане Инглингаталь говорит, что после смерти они встретили Одина. Согласно общепринятому мнению, представленному в наших учебниках мифологии, этого не должно было случиться ни с одним из них, поскольку оба они умерли от болезни. Одного из них посетил и забрал тот удушающий дух болезни, которого звали *vitma vettr*, и таким образом ему было разрешено "встретиться с Одином" (*kom a vit Vilja brodur*). Другого посетила *Хведрунгс мер*, дочь Лока, которая "призвала его из этого мира к Вещам Одина".

Ладно, пока все не кончится
триджа джефри
Хведрунгс мер
или хейми бод.

Дело-bod означает законную повестку о явке на Дело, в место судебного разбирательства. *Биода тилли* должна выполнить этот законный вызов. Здесь родственница Хведрунга приходит с болезнью, смертью и *вещим телом* к королю Хафдану и призывает его предстать перед судилищем Одина. Поскольку, согласно мифологии, все мертвые, и поскольку, согласно мифологическим учебникам, по крайней мере все те, кто умер от болезней, должны отправиться в Хель, то, несомненно, король Хальфдан, который умер от болезни, должен спуститься в нижний мир; и поскольку есть Нечто, над чем Один и Асы ежедневно заседают в суде, должно быть, именно к этому был призван Хальфдан. В противном случае мы были бы вынуждены предположить, что родственница Хведрунга, дочь Лока, является посланницей не из нижнего мира и Урд, а из Асгарда, хотя в следующей строфе прямо говорится, что она приходит к Хальфдану из-за "рока норн"; и, более того, мы были бы вынуждены предположить, что король, умерший от болезни, после прибытия в нижний мир не явился ко двору Одина там, а продолжил свое путешествие в Асгард, чтобы присутствовать на некоторых случайных обсуждениях, которые проводятся в нижнем мире. там все по-прежнему. Этот отрывок доказывает, что, по крайней мере, те, кто умер от болезни, должны явиться ко двору, который проводит Один в нижнем мире.

70.

СУДЬБА МЕРТВЫХ (*продолжение*). РУНЫ РЕЧИ УПРАВЛЯЮТ ТИРРОМ НАМАЛИ.

В *Sigrdrifumal* (стр. 12) мы читаем:

Малрунар скалту кунна,
великий
наследник гьялди харма;
тер ум виндр,
тер ум вефр,
тер ум сетр аллар саман
а тви тинги,
эр тиотир сколо
и полный дом фара.

"Речевые руны, которые ты должен знать, если не хочешь, чтобы сильный с всепоглощающим горем воздал тебе за причиненный тобой вред. Все эти руны ты должен намотать, сплести и поместить вместе в ту Штуку, где множество людей предстанет перед полным судом".

Чтобы прояснить значение этого отрывка, необходимо объяснить значение речевых рун или малрун.

В Сигрдрифумале упоминается несколько видов рун, все магические и чудесные. Среди них малруны (руны речи). Они получили свое название из-за того факта, что способны возвращать языку, немому или лишенному слуха после смерти, способность *mæla* (говорить). Один использует малруны, когда он поднимает *руном*, так что с виселицы спускается труп и *мелир* вместе с ним (Нават., 157). Согласно Саксону (i. 38), Хаддинг кладет кусок дерева, покрытый рунами, под язык мертвеца. Затем последний приходит в сознание и обретает дар речи и поет ужасную песню. Это отсылка к мальрунам. В "Гудрунарквиде" (i в.) упоминается, как Гудрун, немая и почти безжизненная (*достопочтенный гордиз в дейе*), сидела рядом с мертвым телом Сигурда. Одна из присутствующих родственниц снимает салфетку с головы Сигурда. При виде черт любимого человека Гудрун снова пробуждается к жизни, разражается слезами и обретает способность говорить. Затем злая Брюнхильд проклинает существо (*веттр*), которое "дало малруны Гудрун", то есть развязало ей язык, а затем запечатало, как при смерти.

Тех, кто способен применять эти могущественные руны, очень мало. Один хвастается, что знает их. Сигрдрифва, которая также искусна в них, является дис, а не дочерью человека. Руны, которые применил Хаддинг, были начертаны Хардгреп, великаншей, которая защищала его. Но при дворе, о котором здесь идет речь, людей бывает великое множество (*тьодир*), и среди них должно быть лишь небольшое число тех, кто так глубоко проник в тайное знание рун. Для тех, кто так поступил, это важно и полезно. Ибо с их помощью они могут защитить себя от жалоб, цель которых - "всепоглощающим горем возместить причиненный ими вред". В суде они могут *говорить* в свою защиту.

Таким образом, из этого следует, что те сонмы людей, которые входят в это заведение, стоят там с безмолвными языками. Они были немые и остаются немymi перед своими судьями, если только не знают правил, которые способны ослабить оковы их языков. О языке мертвеца сказано в "Соларлджоде" (44), что это "*пока не вступишь ок кольнат альт фир утан*".

Причиненное кем-либо горе или вред возмещаются в этом Случае *хейптиром*, если только обвиняемый не способен — благодаря малинам — говорить и приводить доводы в свою защиту. В Хавамале (151) слово *heiptir* имеет значение чего-то сверхъестественного и волшебного. Здесь

оно имеет аналогичное значение, как уже указывал Вигфуссон. Магические малруны, намотанные, сплетенные и сложенные вместе, образуют как бы защитное облачение вокруг подсудимого от магического *нападения*. В упомянутой строфе Хавамаля скальд заставляет Одина перефразировать или, по крайней мере, частично объяснить слово *heiptir* с помощью *tein*, которые "поедают" своих жертв. В природе мифа рассматривать такие силы как личностные существа. Мы уже видели, как духи болезни проявляются подобным образом (см. № 60). *Хейптиры* также были персонифицированы. Это были Эриннии из тевтонской мифологии, вооруженные шипастыми бичами (см. Ниже).

Тот, кто при Этом особенно применяет закон воздаяния, называется *магни*. Это слово имеет двойное значение, которое появляется в глаголе *magna*, что означает как делать сильным, так и действовать сверхъестественными средствами.

Из всего этого должно быть достаточно ясно, что упомянутая здесь Вещь не является ни Альтингом в Исландии, ни Гулатингом в Норвегии, ни какой-либо другой Вещью, находящейся на поверхности земли. Предмет, о котором здесь идет речь, должно быть, расположен в одном из мифических царств, между которыми была создана земля. И это должны быть сверхчеловеческие существа более высокого или более низкого ранга, которые занимают там судейские места и воздают за грехи людей с помощью *heiptir*. Но в Асгард люди не входят с запечатанными смертью языками. Для эйнхериев, приглашенных на радости Валхала, *неприготовлен хейптир*. Поскольку мифология дает нам информацию только о двух местах, где сверхчеловеческие существа обдумывают и судят, а именно о Существе в Асгарде и Существе у источника Урд, и поскольку фактически только в последнем боги выступают в роли судей, все свидетельства приводят нас к выводу, что Сигрдрифумал описала нам то самое место, на котором родственница Хведрунга призвала короля Хафдана явиться после смерти.

Сигрдрифумал, используя выражение *á thvi*, резко отличал это поместье или двор от всех других. В стихотворении говорится, что это означает *ту* Вещь, когда множество людей выносят *полные* суждения. "Полные" — это те судебные решения, против которых не может быть вынесено никаких официальных или реальных протестов, - решения, которые являются безоговорочно действительными. Единственный вид суждений, о которых мифология говорит подобным образом, то есть характеризует как суждения, которые "никогда не умирают", - это суждения "над каждым мертвым".

Это подводит нас к хорошо известным и часто цитируемым строфам из "Хавамаля":

Ул. 76.

Deyr fæ,
deyja frændr,
deyr sialfr it sama;
enn orztirr
deyr aldregi
hveim er ser godan getr.

Ул. 77.

Deyr fæ,
deyja frændr,

deyr sialfr it sama;
ec veit einn
at aldri deyr:
domr um daudan hvern.

(76) "Ваш скот умрет; ваши родственники умрут; вы сами умрете; но светлая слава того, кто заслужил это, никогда не умрет".

(77) "Ваш скот умрет; ваши родственники умрут; вы сами умрете; я знаю одно, что никогда не умирает: суд над каждым умершим".

До сих пор эти отрывки интерпретировались так, как будто Один или скальд Хавамалы хотели сказать: "Все, что у вас есть из земного имущества, тленно; ваши родичи и вы сами умрете". Но я знаю одну вещь, которая никогда не умирает: репутация, которую вы приобрели среди людей, посмертная слава, сказавшаяся на вашем характере и ваших поступках: эта репутация бессмертна, эта слава нетленна.

Но могло ли это быть значением, которое намеревался передать скальд? И могли ли эти строфы, которые, по-видимому, были широко известны в языческом мире Севера, быть так поняты их слушателями и читателями? Разве автор Хавамалы и многие, кто слушал и бережно хранил в своей памяти эти его слова, не знали так же хорошо, как и все другие люди определенного возраста и опыта, что в подавляющем большинстве случаев слава, приобретенная человеком, едва ли переживает поколение и уходит вместе с самой памятью об умершем?

Могло ли это ускользнуть от внимания скальда Хавамалы и его слушателей, что число смертных так велико и так безмерно увеличивается с течением веков, что способность выживших помнить их совершенно недостаточна?

Разве не было хорошо установленным фактом, особенно среди германцев, еще до того, как у них появилась письменная литература, что скальдическое искусство вело, так сказать, отчаянную борьбу с силой забвения, чтобы спасти хотя бы имена самых выдающихся героев и королей, но, тем не менее, тысячи вождей и воинов по прошествии нескольких поколений были полностью забыты?

Разве автор Хавамалы не знал, что миллионы людей за тысячи лет покинули этот мир, не оставив настолько глубоких следов в песках времени, чтобы они могли сохраниться даже через одно поколение?

Каждый человек определенного возраста и с определенным опытом знал это, и автор Хавамалы тоже. Процитированные выше возвышенные строки, по-видимому, не написаны человеком, полностью лишенным житейского опыта.

Предположение о том, что Хавамалы с этим суждением о каждом умершем, которое, как говорят, является нетленным, ссылаясь на мнение выживших относительно умершего, достигает апогея абсурдности, если учесть, что в стихотворении прямо говорится, что оно означает суждение *окаждом* умершем человеке — "*домр ум даудан хверн*". В хижине, расположенной далеко-далеко в глухом лесу, умирает ребенок, которого едва ли знают другие, кроме его родителей, которых тоже вскоре заберет смерть. Но суждение оставшихся в живых о характере и поступках этого ребенка должно быть нетленным, а добрая слава, которую он

приобрел за свою короткую жизнь, должна вечно жить на устах потомков! Возможно, именно осознание абсурдности, к которой приводит нынешнее предположение по этому вопросу, побудило некоторых переводчиков скрыть слово *hvern* (каждый) и побудило их перевести слова *домр ум даудан хверн* произвольным образом как "суд над мертвецом".

Если мы теперь добавим, что суждение потомков об одном умершем, особенно если он был человеком большого влияния, очень редко бывает настолько единодушным, надежным, хорошо обдуманым и свободным от предрассудков, что в этих отношениях оно должно иметь право на постоянную силу, то мы обнаружим, что слова строф Хавамала, приписываемые устам Одина, при интерпретации как до сих пор, являются не мудрыми словами, а самой глупой болтовней, которую когда-либо слышали в торжественной манере.

Есть две причины для недопонимания — первая является формальной и содержится в слове *ords-tirr* (стр. 76); другая причина заключается в том, что Гильфагининг, который слишком долго имел репутацию надежной и исчерпывающей кодификации разрозненных утверждений мифических источников, ничего не говорит о суде мертвых. Оно знает, что, согласно доктрине отцов-язычников, добрые люди попадают в области блаженства, злые - в Нифельхель; но кто он или они были теми, кто определял, насколько умерший человек достоин той или иной участи, по этому поводу Гильфагининг не может сказать ни слова. Из молчания этого авторитета был сделан вывод, что суд, вызывающий мертвых на свое место, не был найден в тевтонской мифологии, хотя другие арийские и неарийские мифологии представляли такое судилище, и что тевтонское воображение, хотя всегда было сильно занято делами нижнего мира и условиями жизни мертвых в различных царствах смерти, никогда не ощущало необходимости создавать для себя четкие и конкретные идеи о том, как и через кого умершие были определены к блаженству или страданию. Церковная концепция, которая откладывает суд на последний день времен и позволяет душам умерших переноситься без какого-либо специального судебного акта на небеса, в чистилище или в ад, в некоторой степени способствовала ознакомлению нас с этой идеей, которая была чужда язычникам. Из этого следовало, что ученые были слепы к отрывкам в наших мифических записях, в которых говорится о суде в нижнем мире, и они либо прочитали их без достаточного внимания (как, например, процитированные выше утверждения Инглингаталя, которые невозможно согласовать с текущей концепцией), либо интерпретировали их совершенно абсурдным образом (как в случае с Сигрдрифумалом, стр. 12), либо они вставили предположения, которые при ближайшем рассмотрении оказываются бессмыслицей (как в случае с Хавамалем строфы), или давал им возможную, но маловероятную интерпретацию (так, Sonatorrek, 19). Составное *ordstirr* состоит из *ord*, *gen*, *ords* и *tirr*. Композиция носит настолько свободный характер, что две части не сливаются в новое слово. Знак бытия. -s сохраняется и показывает, что *ordstirr*, как и *lofstirr*, по своему смыслу и происхождению не является составным, а пишется как одно слово, вероятно, из-за законов ударения. Следовательно, более оригинальное значение *ordstirr* следует искать в значении *ords tirr*.

Tirr означает репутацию в хорошем смысле, но все же не в таком однозначно хорошем смысле, что иногда добавляется уточняющее слово, которое делает значение "хорошо" абсолютным. Таким образом, в *lofs-tirr*, хвалебная репутация; *gódr tirr*, хорошая репутация. В цитированной выше строфе 76 Хавамала предполагается возможность *ords tirr*, который не является хорошим. Посмотрите на последнюю строку строфы.

Что касается значения *ord*, мы должны полностью исключить его относительно более современный и грамматический смысл (слово). Его более старое значение - это высказывание (которое может состоять из множества "слов" в грамматическом смысле), команда, результат, суждение; и эти более старые значения уже давно осознанно существуют в языке. Сравните Форнманна, ii. 237: "Первое слово: все будут христианами; второе слово: все языческие храмы и идолы будут нечестивы" и т.д.

В "Велуспе" (стр. 27) *ord* используется в смысле установленного закона или решения божественных сил, *эйдара генгоза*, *ord oc særi*, когда были нарушены договоры между асами и богами, скрепленные клятвами.

Когда *ord* встречается в чисто мифических источниках, чаще всего это связано с приговорами, произносимыми в нижнем мире и отправляемыми из источника Урд по назначению. *Урдар орд* - это решение Урд, которое должно исполниться (Fjölsvinnsm., стр. 48), независимо от того, касается ли оно жизни или смерти. *Фейгдар орд*, суд, определяющий смерть, приходит во Фьолнер и исполняется "там, где жил Фроде" (Ингл.-тал, Хеймскр., 14). *Дауда орд*, смертный приговор, ожидал Дага Мудрого, когда он пришел в Ворву (Инг.-тал, Хеймскр., 21). К подземному суждению относится также выражение *бана-орд*, которое часто встречается.

Вигфуссон (Диктант, 466) указывает на возможность этимологической связи между *ord* и *Urdr*. Он сравнивает *word* (*ord*) и *wurdr* (*urdr*), *word* и *weird* (судьба, богиня судьбы). Несомненно, в древнейшие времена между ними существовала мифическая идея-ассоциация.

Эти обстоятельства следует помнить в связи с толкованием *ордстурпа*, *ords-tirr* в Havamál, 76. Истинное значение фразы быть; репутация, основанная на решении, на авторитетном высказывании.

Когда *ордстурр* сливался в составное слово, рядом с его буквальным значением возникало другое, в котором ударение настолько сильно падало на *турр* что *орд* является излишним и не придает дополнительного значения суждению, на котором основано это *турр*. Уже в Хофудлаусне (ул. 26) *ордстурр* используется как составное слово, означающее просто почетную репутацию, почести. Есть упоминание о победе, которую одержал Эрик Кровавый топор, и говорят, что тем самым он приобрел *ordstirr* (известность).

Таким образом, при интерпретации Хавамала (76), по-видимому, мы должны выбирать между собственным и переносным значением слова *ordstirr*. Возраст строфы Хавамала неизвестен. Если именно с нее Эйвинд Скальдаспиллер почерпнул свою "*дейр фе, дейя френдр*", которую он включил в свою драпу о Хаконе Добром, умершем в 960 году, то строфа Хавамала могла быть написана не позднее середины десятого века. Хофудлаусн был сочинен Эгилем Скаллаграмсоном в 936 году или около того. Таким образом, с хронологической точки зрения ничто не мешает нам применить к рассматриваемому отрывку менее строгий смысл - "достойная репутация, почести".

Но есть и другие препятствия. Если бы скальд Хавамаль с *ords-tirr* означал "почтенная репутация, почести", он не мог бы, как он это сделал, добавить условие, которое он выдвигает в последней строке строфы: *хвейм эр сер годан гетр*, поскольку идея "хороший" тогда уже содержалась бы в *ordstirr*. Если, несмотря на это, мы хотели бы использовать менее строгий

смысл, мы должны вычестить из *ordstirr* значение *почетной* репутации, *чести* и считать, что это выражение означает просто репутацию в целом, значение, которого у этого слова никогда не было.

Поэтому мы вынуждены сделать вывод, что значение судебного решения, *judgment*, которое *ord* имеет не только в инглингтале и Фьельсвиннсмале, но и в лингвистическом употреблении, было ясно автору строфы Хавамаля, и что он применил *ords tirr* в его первоначальном смысле и говорил о непреходящих приговорах.

Также следовало бы считать само собой разумеющимся, что решение, которое, согласно строфе Хавамаля (77), выносится в отношении всех умерших и которое само по себе никогда не умирает, должно было быть подготовлено судом, решение которого не могло быть подвергнуто сомнению или отменено, и что решение должно было быть таким, влияние которого вечно, поскольку бесконечность самого решения может зависеть только от бесконечности его действия. То, что более или менее расплывчатые мнения, рано или поздно преданные забвению в отношении умершего человека, должны предполагаться содержащими такое суждение и подразумеваться под бессмертным приговором над умершим, я осмеливаюсь отнести к числу самых необычных интерпретаций, когда-либо созданных.

Обе строфы, как видно с первого взгляда, самым тесным образом связаны друг с другом. Both begin: *deyr fæ, deuja frændr*. *Ord* в одной строфе соответствует *domr* в другой. Последняя строфа провозглашает, что суд над *каждым* умершим человеком непреходящ, и таким образом завершает более ограниченное утверждение предыдущей строфы о том, что суд, дающий хорошую славу, вечен. Первая строфа говорит только об *одной* категории людей, которые были подвергнуты вечно действующему суду, а именно о той категории, в честь которой произносится вечный суд. Вторая строфа говорит об обеих категориях и убеждает нас, что суждение как об одной, так и о другой категории вечно.

Эти строфы написаны скальдом, приписываемым устам Одина. Один каждый день вершит суд возле фонтана Урд при дворе, куда был вызван король Хальфдан и где толпы людей со скованными языками ожидают своей окончательной участи (см. Выше). Таким образом, гарантии в отношении действительности приговора в отношении каждого умершего даются существом, о котором действительно можно сказать, что оно знает, о чем говорит (*ec veiti* т. Д.), А именно самим судьей.

В поэме "Сонаторрек" старый Эгиль Скаллаграмсон оплакивает потерю сыновей и родных, и его мысли заняты судьбой его детей после смерти. Когда он говорит о своем сыне Гуннаре, которого в нежные годы унесла болезнь, он говорит (стр. 19):

Son minn
sóttar brimi
heiptuligr
ór heimi nam,
thann ec veit
at varnadi
vamma varr
vid námæli.

"Смертельный пожар болезни (лихорадки?) унес из этого мира моего сына, о котором я знаю, что он, как ни был осторожен в отношении греховных поступков, позаботился о себе *для насели*".

Чтобы правильно понять эту строфу, мы должны знать, что скальд в предыдущей 17-й, как и в последующей 20-й, строфе говорит о судьбе Гуннара в нижнем мире.

Слово *намали* больше нигде не встречается, и его значение неизвестно. Для нашей темы важно выяснить это.

В тех составных частях, первая часть которых *ná-*, *ná* может быть деепричастной приставкой, что означает *рядом, рядом с*, или это может быть субстантив *nár*, что означает труп, мертвое тело, а в мифическом смысле - проклятый, тот, кто умирает во второй раз и приходит в Нифельхель (см. № 60). Вопрос теперь, для начала, в том, является ли это деепричастной приставкой или субстантивом *ná-*, которые мы имеем в *намали*.

Соединения, в первой части слова которых есть наречие *ná*, очень распространены. Во всех них приставка *ná-* подразумевает близость в пространстве или в родстве, или она имеет значение чего-то правильного или точной.

(1) In regard to space: *nábúð, nábúi, nábýli, nágranna, nágranni, nágrennd, nágrenni, nákommin, nákvæma, nákvæmd, nákvæmr, náleid, nálægd, nálægjast, nálægr, námunda, násessi, náseta, nássettr, násæti, návera, náverukona, náverandi, návist, návistarkona, návistarmadr, návistarvitni*.

(2) In regard to friendship: *náborinn, náfrændi, náfrændkona, námagr, náskyldr, nástædr, náongr*.

(3) В отношении правильности, точности: *nákvæmi, nákvæmliga, nákvæmr*.

Идея правильности исходит из сочетания *ná-* и *kvæmi, kvæmliga, kvæmr*. Точное значение — *это то, что приближается к*, и которое в этом смысле является точным, выверенным по существу.

Этими тремя падежами исчерпываются значения адвербиальной приставки *ná-*. Я бы считал это опасным и как отказ от твердой почвы под ногами, если бы мы, не опираясь на данные языка, попытались, как это было сделано, придать этому слову другое, доселе неизвестное значение.

Но ни одно из этих значений не может быть применено к *намали*. По аналогии со словами под (1) это действительно может означать "речь, произносимая поблизости"; но это значение не имеет смысла в приведенном выше отрывке, единственном месте, где оно встречается.

В другой группе слов приставка *ná-* это существительное *nár*. Сюда относятся *nábjargir, nábleikr, nágrindr, nágöll, náleid, nástrandir* другие слова.

Мэли означает декламацию, красноречие, высказывание, чтение или провозглашение закона. *Mæla, mælandi, formælandi, formæli, nymæli* используются в юридическом языке. *Формаланди* является ответчиком в суде. *Формальность* - это его речь или просьба. *Нумæли* - закон, прочитанный или опубликованный впервые.

Mæli может использовать в качестве префикса либо существительное, либо прилагательное. Примеры: *Гудмали*, *фулмали*. *Ná* от *nág* может использоваться как приставка как к существительному, так и к прилагательному. Примеры: *нагриндр*, *наблейкр*.

Намали, соответственно, должна быть речью, декларацией, провозглашением в отношении *нара*. Из контекста мы видим, что *намали* - это нечто опасное, на что следует обратить внимание. Гуннар мертв и отправился в нижний мир, который таит в себе не только счастье, но и ужасы; но его престарелый отец, который в другой строфе стихотворения дает понять, что он верно придерживался религиозных доктрин своих отцов, убежден, что его сын избежал опасностей, подразумеваемых в *намали*, поскольку у него не было греховного поступка, в котором он мог бы обвинить себя. В следующей строфе (20) он выразил свою уверенность в том, что покойный был усыновлен *Гаутой спьялли*, другом Одина в нижнем мире, и попал в царство счастья. (Что касается *Гауты спьялли*, смотрите далее. Это выражение применимо как к Мимеру, так и к Хонеру).

Намали, следовательно, должно означать заявление, (1) опасное; (2) не затрагивающее человека, который прожил безупречную жизнь; (3) относящееся к умершим и затрагивающее тех, кто не был *вамма варир*, остерегаясь достойных порицания и преступных деяний.

Этот отрывок предоставляет дополнительные доказательства того, что мертвые в нижнем мире появляются, чтобы предстать перед судом, и он обогащает наши знания мифологической эсхатологии специальным термином (*намали*) для обозначения того суда, который отправляет грешников путешествовать через врата На- в Нифельхель. Противоположностью *намали* является *ords tirr*, то суждение, которое дает умершему справедливую славу, и оба вида суждений объединены во фразе *domr um daudan*. *Намали* - это провозглашение *наура*, точно так же, как *нагриндры* - это ворота, а *натрандиры* - нити для *наура*.

71.

ГИБЕЛЬ МЕРТВЫХ (продолжение). ВНЕШНИЙ ВИД ЭТОЙ ШТУКОВИНЫ. ОБЯЗАННОСТЬ ЗАБОТИТЬСЯ О ПРАХЕ УМЕРШИХ. ХАМИНДЖИ НА СУДЕ. ГРЕХИ СЛАБОСТИ. ГРЕХИ, ВЕДУЩИЕ К СМЕРТИ.

Те хозяева, которых их психопомпы ведут к Существову возле фонтана Урд, движутся бесшумно. Это безмолвное путешествие. Мост через *Гьель* едва слышен под копытами коней смерти и мертвых (Гильфагининг). Язычки плафонов запечатаны (см. № 70).

У этой штуковины, как и у всех других, были свои судилища. Здесь находятся места (в Вельуспе они называются *рекстолар*) для святых сил, действующих как судьи. Есть также трибуна (*á thularstóli* в *Урдар брунни*—Havam., 111) и скамьи или стулья для мертвых (сравните фразу, *falla á Helpalla*—Fornald., i. 397, и сидение мертвого, *á nornastóli*—Solarlj., 51). Они должны молча принять свою участь, если только у них нет злых рун (см. № 70).

Мертвые должны приходить хорошо одетыми и украшенными. Воины приносят свое оружие для нападения и защиты. Женщины и дети приносят украшения, которые им нравились при жизни. Гадес - изображения тех вещей, которые родственники и друзья клали в могильные холмы, сопровождают мертвых (Хаконарм., 17; Гильфагининг, 52) в качестве доказательства судье, что они пользовались преданностью и уважением оставшихся в живых. Внешний вид теней,

собранных в Этой Вещи, указывает на то, в какой степени оставшиеся в живых соблюдают закон, предписывающий уважать мертвых и заботиться о прахе усопших.

Многие умирают при обстоятельствах, которые не позволяют их родственникам выполнять эти обязанности. Тогда чужаки должны занять место сородичей. Состояние, в котором эти оттенки проявляются к Предмету, лучше всего показывает, преобладает ли благочестие в Мидгарде; ибо благородные умы принимают близко к сердцу следующие советы, приведенные в *Sigrdrifumal*, 33, 34: "Окажите последнюю услугу трупам, которые вы найдете на земле, независимо от того, умерли ли они от болезни, или утонули, или погибли от оружия. Приготовьте ванну для тех, кто умер, вымойте им руки и голову, расчешите их и насухо вытрите, прежде чем положить в гроб, и молитесь за их счастливый сон".

Однако не было необходимости вытирать кровь с плеча того, кто пал от меча. Для избранных не было ничего неприличного появляться в Валхале в окровавленной кольчуге. Эйвинд Скальдаспиллер заставляет короля Хакона явиться, всего перепачканного кровью (*allr i dreyra drifinn*), к Одину.

Когда боги прибывают из Асгарда, слезают со своих коней (Гильфаг.) и занимают свои судейские места, начинается разбирательство, ибо тогда мертвые оказываются на своих местах, и мы можем быть уверены, что их психопомпы не замедлили совершить свое путешествие. Где-то по пути, должно быть, были опробованы подковы; те, кто ехал в Валхал, должно быть, были вынуждены спешиться. Популярная традиция, впервые отмеченная Вальтером Скоттом и Дж. Гриммом о необходимости такой обуви для умерших и о заросшей терновником пустоши, которую им приходится пересекать, имеет не христианское, а языческое происхождение. Тем, кто проявил милосердие к ближним, которым в этой жизни, в переносном смысле, пришлось пройти тернистый путь, не нужно бояться рваной обуви и окровавленных ног (У. Скотт, *Менестрели*, ii.); и когда они сидят на скамьях Урд, сама их обувь по своему состоянию является в глазах суда наглядным доказательством того, что проявившие милосердие достойны милосердия.

Норвежская традиция, сохранившаяся в "Саге Гизель Сурсон" в отношении важности обеспечения умерших обувью, вновь появляется как популярная традиция, сначала в Англии, а затем в нескольких местах (Мюлленхофф, *Немецкий альт.*, v. 1, 114; Дж. Гримм., *Миф.*, iii. 697; *nachtr.*, 349; Вайнхольд, *Altn. Leb.*, 494; Маннхардт в *zeitschr. f. deutsch. Mif.*, iv. 420; Симрок, *Миф.*, v. 127). Визио Годешальчи описывает путешествие, которое, как верил благочестивый голштинский крестьянин Годескальк, принадлежащий к поколению, непосредственно предшествовавшему тому, которое Вицелин обратил в христианство, совершил в нижнем мире. Там упоминается необычайно большая и красивая липа, на которой висело множество башмаков, которые передавались по наследству тем умершим путешественникам, которые при жизни проявляли милосердие. Когда мертвые миновали это дерево, им пришлось пересечь вересковую пустошь шириной в две мили, густо поросшую колючками, а затем они вышли к реке, полной железа с острыми краями. Неправедные должны были переходить вброд эту реку и безмерно страдали. У них были порезаны и искалечены все конечности; но когда они добрались до другого берега, их тела были такими же, какими они были, когда начали переправляться через реку. Сравните с этим утверждением Соларлджода, 42, где умирающий скальд слышит рев подземных потоков, смешанных с большим количеством крови — *Гильфар страумар*

грэнджуду, бланднир мьек вед блод. Праведники могут перейти реку, поставив ноги на доски шириной в фут и длиной в четырнадцать футов, которые плавают по воде. Это путешествие первого дня. На второй день они приходят к точке, где дорога разветвляется на три пути — один ведет на небеса, другой в ад и один между этими мирами (сравните Мюлленхофф, *Д. Альт.*, ст. 113, 114). Все это мифические традиции, но немного искаженные временем и сменой религии. То, что в самом нижнем мире обувь предназначалась для тех, кто ее не получал, но все же заслуживал, вероятно, является подлинной мифологической идеей.

Доказательства и свидетели необходимы перед вышеназванным трибуналом, ибо Один далеко не всеведущ. Он даже не тот, кто знает больше всех среди существ мифологии. Урд и Мимер знают больше, чем он. С судьями, с одной стороны, которые, несмотря на всю их возвышенность и сверхчеловеческую проницательность, тем не менее, не являются непогрешимыми, и с подсудимыми, с другой стороны, чьи языки отказываются им служить, могло бы случиться, если бы не было доказательств и свидетелей, что могло бы быть провозглашено решение, вечное в своем действии, не основанное на исчерпывающих знаниях и хорошо продуманных послылках. Но суд над человеческими душами, провозглашенный их окончательной и безвозвратной судьбой, не мог в глазах благочестивых и верующих носить печать ненадежной справедливости. Не должно быть никаких сомнений в том, что судебное разбирательство в суде смерти было организовано таким образом, что мудрость и справедливость *dicta* превзошли все подозрения в ошибочности.

Языческая фантазия уклонялась от идеи знания, способного само по себе охватить все, величайшее и наименьшее, что было, есть и будет в мире мыслей, целей и поступков. Во всяком случае, она не решалась наделить своих богов, созданных по образу и подобию человека, всеведением. Было легче постичь божественное прозрение, которое было обеспечено сетью посланников и шпионов, раскинутой по всему миру. Такая сеть была заброшена Урд на человеческую расу, и, несомненно, по этой причине подземное Сооружение богов находилось рядом с ее источником, а не с источником Мимер. Урд дала каждой человеческой душе, еще до часа рождения, служанку, хамингже, норну низшего ранга, чтобы присматривать и защищать ее земную жизнь. Так возникла широко распространенная организация наблюдающих и защищающих духов, каждый из которых знал мотивы и поступки особого человека. Поскольку такая организация находилась на службе суда, не было никакой опасности, что суд над каждым умершим не будет столь же справедливым, сколь и непреложным и вечным.

Хамингже узнает об этом раньше всех, когда ее госпожа объявила *dauda ord*— смертный приговор своему любимцу. Тогда она (*игипте, хайле*, см. № 64) покидает его. Она - *хорфин*, ушедшая, что может быть воспринято во снах (Сон Болдера, 4) или в виде откровений другими способами, и это безошибочный признак смерти. Но если обреченный на смерть человек не ничтожество, которого она в горе и гневе покинула, то она ни в коем случае не бросает его. Они подобны членам одного тела, которые могут быть разделены только смертными грехами (см. Ниже). Хаминдже отправляется в нижний мир, в дом своего рождения (см. № 64), чтобы приготовить там жилище для своей любимцы, которое также должно принадлежать ей (сага Жизель Сурсон). Это как если бы между ней и человеческой душой был заключен духовный брак.

Но по постановлению суда смерти, это зависит от того, где покойник должен найти свое пристанище. Приговор, хотя и не вынесен в отношении хаминджи, касается ее самой близко.

Когда решается самый важный из всех вопросов, касающийся вечного счастья или несчастья, в отношении ее любимого, она должна быть там, где велят ей быть ее долг и склонность — с тем, чьим духом-хранителем она является. Главный вопрос для нее заключается в том, должна ли она продолжать разделять его судьбу или нет. Во время его земной жизни она всегда защищала его. Чрезвычайно важно, чтобы она сделала это сейчас. Его губы запечатаны, но она может говорить и является его вторым "я". И она не только дружелюбный по отношению к нему свидетель, но, с точки зрения суда, более надежный, чем был бы он сам.

В "Атламале" (стр. 28) встречается фраза, берущая свое начало в язычестве, где она использовалась в более ясном и ограниченном смысле, чем в христианской поэме. Эта фраза - *es qued aflima ordnar ther disir*, и она означает, как использует ее Атламал, что тому, для кого дисы (хаминджи и гипте) стали *афлимой*, суждено, несмотря на все предупреждения, погибнуть. По самой своей природе эта фраза предполагает, что между хаминджи и человеческой душой может произойти иное разделение, чем случайное и преходящее, которое выражается в том, что хаминджи *хорфин*. *Афлима* означает "ампутированный", отделенный острым инструментом от тела, членом которого он был. Человек, от которого были отрезаны его чувства, больше не имеет с ними никаких близких отношений. Он навсегда отделен от них, и его судьба больше не принадлежит им. Следовательно, есть люди, обреченные на смерть, и умершие люди, у которых нет при себе хаминджеса. Это те, кого хаминджи в печали и гнев покинули, и с кем они не могут жить в нижнем мире, поскольку они ничтожества и их ждут в Нифельхеле.

Тот факт, что мертвец сидел в *норнастоли* или в *Хелпалли*, не имея хамингже, который мог бы его защитить, несомненно, рассматривался богами как убедительное доказательство того, что он был преступником.

Если мы можем судить по языческому выражению, сохранившемуся в строфе 16 "Атлаквиды" и использованному там произвольно, то хаминджи, которые были "отрезаны" от своего недостойного фаворита, продолжают испытывать к ним печаль и сочувствие до последнего. Это выражение - *nornir gráta nái*, "норны (хамингьи) оплакивают *наура*". Если *намали*, на-изречение, приговор Нифельхелю, который превращает мертвых преступников в *наурв* эсхатологическом смысле этого слова, был объявлен, на суде присутствуют слезы бывших духов-хранителей осужденных. Во всяком случае, это соответствует характеру семьи хаминджес.

Тех, кто пал на поле боя, не приносят к источнику Урд, пока идет заседание. Это следует из того факта, что Один находится в Валхале, когда они проезжают через Бифрост, и посылает асов или эйнхериев встретить их с кубком медовухи у ворот Асгарда (Эйриксм., Хаконармал). Но по пути между ними произошло разделение на хорошие и плохие элементы. Те, у кого нет хаминджеса, должны, а *норнастоли*, ждать следующего дня и их решения. Христианский век хорошо помнил, что храбрые воины, совершавшие ничтожные поступки, не приходили в Валхал (см. Слова Хакона ярла в "Ньяле"). Языческие летописи подтверждают, что люди, убитые мечом и жившие порочной жизнью, были отправлены в мир пыток (см. "Сагу Харальда Харфагера", гл. 27 — стихи о викинге-торере Лесной бороде, который пал в морском сражении с Эйнарм Рагнвальдсоном и был бичом оркнейцев).

Высокий суд, должно быть, очень снисходительно отнесся к некоторым человеческим недостаткам. Долгое сидение рядом и старательное заглядывание в рог для питья, конечно, не

привело к какому-либо наказанию, достойному упоминания. То же самое происходило и с пристрастием к женской красоте, если не вмешиваться в священные узы брака. С приятной откровенностью и с большим юмором Аза-отец рассказал детям человеческим о приключениях, которые он сам пережил в этой области. Он предостерегает от чрезмерного употребления алкоголя, но без оговорок и лицемерия признает, что сам однажды был пьян, нет, очень пьян, у Фьялара, и то, что ему пришлось вытерпеть из-за своей неконтролируемой тоски по горничной Биллинга, должно быть для мужчин намеком не судить друг друга слишком строго в таких вопросах (см. *Navamál.*) Тем менее он будет делать это как судья. Те, кого вызывают на Это Дело и против кого нет других обвинений, несомненно, могут рассчитывать на хорошие *порядки*, если они в других отношениях вели себя в соответствии с пожеланиями Одина и его помощников-судей: если они прожили жизнь, свободную от обмана, честную, полезную и без страха смерти. Это, в связи с уважением к богам, к храмам, к их обязанностям по отношению к родственникам и умершим, является альфой и омегой языческого тевтонского морального кодекса и верным путем в области блаженства Хель и в Валхал. Тот, кто соблюдает эти добродетели, может, как поет о себе старый скальд, "с радостью, безмятежно и без уныния ждать Хель".

Скал эк то гладр
мед годан вилья
ок ухриггр
Хельяр бида (Сонаторрек, 24).

Если суд над умершими мягок в этих отношениях, то в других вопросах он неумолимо суров. Ложь, произносимая с целью причинить вред другим, лжесвидетельство, убийство (тайное убийство, покушение, не оправдываемое кровной мезтью), прелюбодеяние, осквернение храмов, вскрытие могильных холмов, государственная измена - все это не может избежать ужасного наказания. Невыразимые ужасы ожидают тех, кто виновен в этих грехах. Те психопомпы, которые принадлежат Нифельхелю, ждут окончания Дела, чтобы перенести их в мир пыток, а у Урд есть цепи (*Хельяр рейп—Соларлджод, 27; Тодес Сейл—Дж. Гримм, Д. Миф., 805*), которые делают невозможным любой побег.

72.

НАПИТОК ИЗ АИДА.

Прежде чем мертвые покидают жилище у источника Урд, с теми, кого считают счастливыми, происходит нечто, стирающее следы земной смерти. Бледные, холодные, безмолвные, со знаками духов болезни, они покинули Мидгард и отправились в путь Преисподней. Они покидают Существо-смерть, наполненное теплом жизни, здоровьем, речью, и более крепкие, чем были на земле. Тени стали телесными. Когда те, кто сражен мечом, скачут через Гьолл к источнику Урд, под копытами их лошадей почти не слышно звуков; когда они удаляются от источника через Бифрост, мост звенит под топотом лошадей. Средневековые саги сохранили, но в то же время демонизировали память о том, что жители Хель были наделены сверхчеловеческой силой (Гретла, 134 и несколько других отрывков).

Блаженная жизнь предполагает здоровье, но также и забвение земных печалей и забот. Героические поэмы и саги средневековья рассказывали о существовании зелья Аида, которое приносит свободу от печали и забот, не стирая дорогих воспоминаний и не заставляя человека

забыть то, о чем можно вспоминать без тоски или беспокойства. В мифологии этот напиток, как будет показано ниже, одновременно придавал жизненную силу и забывал печали.

У Саксона и в героических поэмах "Старшей Эдды", которые принадлежат к группе песен "Гьёкунг", вновь появляется множество мифических деталей, хотя иногда они вырываются из их истинной связи и представляются в свете, который им изначально не принадлежал. Среди мифических реминисценций - зелье Аида.

В своем рассказе о путешествии короля Горма и Торкила в нижний мир Саксон (см. № 46) заставляет Торкила предостеречь своих спутников от дегустации напитков, предлагаемых им принцем нижнего мира, по той причине, что они вызывают забывчивость и вызывают желание остаться во владениях Гудмунда (*История, Дан.*, i. 424—*amissa memoria ... pocalis abstinendum edocuit*).

В "Песне Гудрун" (ii. 21) рог нижнего мира вручается в руки Гримхильд. В связи с более поздними дополнениями, описание этого рога и его содержимого содержит чисто мифические и очень поучительные подробности, касающиеся *фармакона непентеса* из тевтонского нижнего мира.

Ул. 21.

Ферди мер Гримилд
полон в дреке,
свалът ок сарликт,
не в сакар мундаке;
тар вар ум аукит
урдар магни,
свалькаулдом
ок Сонар дрейра.

Ул. 22.

Вороты и горы
хверских, стафир
ристнир из роднира,
ратха и не маттач,
лингфискр, лангр,
земли Хаддинджа,
акс оскорит,
внутренняя дыра.

- Гримхильд протянула мне полный рог, чтобы я выпил прохладный горький напиток, чтобы я мог забыть свои прошлые невзгоды. Этот напиток был приготовлен из *крепости Урд, прохладного моря и ликера Сон*.

На роге были выгравированы и раскрашены всевозможные символы, которые я не смог истолковать: *длинная вересковая пустошь, неубранные колосья и входы животных*.

Земля Хаддинга - это, как уже указывал Св. Эгильссон, парафраз нижнего мира. Пересказ основан на мифическом рассказе, известном и упомянутом Саксоном в связи с путешествием Хаддинга в царство Хель (см. № 47).

Вересковая рыба - это обычный парафраз для обозначения змеи, дракона. Следовательно, на роге был выгравирован дракон нижнего мира. Уже упоминалось несколько подобных существ: Нидхог, обитающий в Нифельхеле, и дракон, который, согласно саге Эрика Видфорле, преграждает путь в Одайнс-акко. Дракон, выгравированный на роге, является драконом страны Хаддинг. Страна Хаддинг, с другой стороны, означает не весь нижний мир, а области блаженства, которые посетил Хаддинг. Таким образом, дракон именно такой, какого имел в виду Эрик Видфорле в своей саге. То, что автор не сам изобрел своего дракона, а нашел его в мифических записях, дошедших до нас в то время, демонстрирует Соларлджод (54), где говорится, что огромные подземные драконы прилетают с запада — направления, противоположного тому, которое должны избирать тени, когда они спускаются в нижний мир, — и загораживают "улицу принца великолепия" (*glævalds götu*). Повелитель великолепия - Мимер, принц Сверкающих Полей (см. № 45-51).

"Неубранные колосья" Хэддинг-лэнда принадлежат к флоре, недоступной разрушительному воздействию морозов, - цветы, которые Хэддинг видел на цветущих лугах нижнего мира (см. № 47). Это выражение относится к тому факту, что на земле Хаддинга есть не только нетленные цветы и фрукты, но и хлебные поля, которые не требуют уборки. Сравните с этим, что говорит Вельуспа о площади Одайны, которая при возрождении земли поднимается с поверхности моря: "незасеянные поля дают урожай".

Помимо вересковой рыбы и неубранных колосьев зерна, на Хаддинг-лэнд были замечены также рога *дайриннлейда*. Некоторые переводчики предполагают, что под этим выражением подразумеваются "внутренности животных"; другие перевели его как "промежутки животных". Нет никаких свидетельств того, что *иннлейд* когда-либо имел в виду внутренности, и это слово могло быть использовано в риторико-поэтическом смысле только очень плохим поэтом. Там, где мы встречаемся со словом, оно означает путь, заход, в отличие от *utleid*, выхода. Поскольку и в "Саге о Гормсе", и в книге Эрика Видфорле оно используется в отношении животных, наблюдающих за входами в нижний мир, это придает выражению естественную интерпретацию.

Вот и все о посохах, насаженных на рог. Все они относятся к нижнему миру. Теперь что касается напитка, который намешан в этом роге Аида. Он состоит из трех жидкостей:

Urdar Magn,
svalkaldr sær,
Sonar dreyri.

Сила Урд,
прохладное-прехолодное море,
жидкость Сына.

Сон уже упоминался выше (№ 21) как одно из названий источника Мимера, источника творческой силы и поэзии. О сыне Эйлиф Гудрунсон поет, что он окружен камышом и окаймлен лугом, на котором растет семя поэзии.

Поскольку сила Урд - это жидкость, замешанная в роге, под этим не может подразумеваться ничего другого, кроме жидкости в фонтане Урд, которая дарит мировому дереву тепло жизни и дает ему силу противостоять холоду (см. № 63).

Из этого следует, что по крайней мере два из трех подземных фонтанов внесли свой вклад в приготовление напитка. Остается скважина Хвергельмер, и теперь вопрос в том, можно ли

распознать ее и жидкость, которую она содержит, как *холодное-прехолодное море*.

Хвергельмер, как мы знаем, является матерью-источником всех вод, даже океана (см. № 59). В том, что эта огромная цистерна называется морем, нет ничего странного, поскольку так стилизован и фонтан Урд (в Вельуспе, Cod. Reg., 19.) Хвергельмер расположен под северным корнем мирового дерева, недалеко от границ подземного царства иней—турсов, то есть сил мороза; и реки Эливагар, текущие оттуда, образовали лед в Нифельхейме. Кул (Svöl) - название одной из рек, берущих начало в Хвергельмере (Гримнерсмаль). Cool-таким образом, холодное море является наиболее подходящим словом для обозначения Хвергельмера, когда его собственное название не должно использоваться.

Все те источники, жидкости которых всасываются корнями мирового дерева и в его стволе смешиваются с соком, который придает дереву нетленную силу жизни, соответственно смешиваются в роге нижнего мира (ср. № 21).

То, что Гримхильд, человеческое существо, живущее на земле, должно иметь доступ к этим фонтанам и свободно управлять ими, конечно, с мифологической точки зрения абсурдно. С точки зрения христианского времени абсурдность становится вероятной. Священные вещи и силы нижнего мира затем превращаются в дьявольщину и магические искусства, которые находятся на службе у ведьм. Так рассматривал этот вопрос автор "Гудрунарквиды" (ii.). Но в его время все еще существовала традиция, или языческая песня, в которой говорилось об элементах напитка, который давал умершим, спустившимся в Хель и предназначенным для счастья, более высокую и долговечную силу жизни, а также успокаивал тоску и печаль, сопровождавшие воспоминания о жизни на земле, и эта традиция была использована при описании напитка забвения Гримхильд.

Магн - это название жидкости из фонтана Урд, поскольку она *магнит*, придает силу. Слово *magna* сохранило со времен язычества значение усиления сверхъестественным образом с помощью магических или сверхчеловеческих средств. Вигфуссон (Dict., 408) приводит ряд примеров этого значения. В "Хеймскрингле" (гл. 8) Один "манит" отрубленную голову Мимера таким образом, что к нему возвращается дар речи. В "Сигдрифумале" (стр. 12) сам Один, как мы видели, называется *магни*, "единый магнинг", как высший судья нижнего мира, который дает *магну* умершим из рога Аида.

Автор второй песни о Хельге Хундингсбейне знал о *дираре вейлгаре*, драгоценных жидкостях, которыми питаются те, кто отправился в Хель. Мертвый Хельге говорит, что когда его возлюбленная Сигрун разделит их с ним, то не имеет значения, что они потеряли земные радости и королевства, и что никто не должен сокрушаться о том, что его грудь была изранена ранами (Helge Hund., ii. 46). Трогательный финал этой песни, хотя и сохранившийся лишь во фрагментах и, без сомнения, заимствованный из языческого источника, показывает, что способность подземного зелья утешать тоску и печаль имела свои пределы. Оставшиеся в живых должны сдержанно скорбеть об ушедших близких и не забывать, что им предстоит встретиться снова, ибо слишком горькие слезы скорби падают холодной росой на грудь умершего и пронизывают ее болью (стр. 45).

73.

НАПИТОК ГАДЕСА (*продолжение*), РОГ ГАДЕСА, УКРАШЕННЫЙ ЗМЕЯМИ.

В Сонаторреке (стр. 18) скальд (Эгиль Скаллаgrimсон) считает себя отцом, стремящимся противопоставить своих детей более сильной силе, которая также предъявила на них права. Эта власть тверда в своих решениях против Эгиля (*стендр а фестум токк а хенди мер*); но в то же время она снисходительна к его детям и дарует им много счастья. Мифическую личность, обладающую этой силой, скальд называет *Фанс хроста хильмир*, "повелитель пивоварения Фанна".

Фанн - мифическое имя змеи и дракона (Младшая Эдда, ii. 487, 570). Змей или дракон, носивший это имя в мифах или сагах, должно быть, был где-то выгравирован или нарисован. Это очевидно из самого слова, которое является сокращением от *fáinn* "выгравированный", "раскрашенный" (ср. лексику Эгилссона). Поэт., и под диктовку Вигфуссона, *sub voce*). Его характер как таковой не мешает ему быть наделенным магической жизнью (см. Ниже). Предмет, на котором это было выгравировано или нарисовано, должно быть, был рогом для питья, содержимое которого (заваривание) названо Эгилем *Fán's*, либо потому, что змея обвивала рог, в котором находился напиток, либо потому, что рог, на котором это было выгравировано, был назван в его честь. Никаким другим образом нельзя объяснить выражение "*пивоварение Фанна*", поскольку искусственная змея или дракон - это не тот, кто варит напиток, и не солод, из которого он варится....."

Обладатель рога, украшенного изображением Фанна, - мифическая личность, которая, к досаде Эгиля, настояла на том, чтобы нижний мир принадлежал его сыновьям. Если скальд перефразировал правильно, то есть, если он произвел пересказ, который относится к характеру рассматриваемого здесь человека, указанного в пересказе, то из этого следует, что "*Варка Фанна*" и сам *Фанн*, как и их обладатель, должны были быть каким-то образом связаны с нижним миром.

Из мифической традиции Гудрунарквиды (ii в.) мы уже знаем, что на подземном роге выгравирован змей, "длинная вересковая рыба", чей мед, утоляющий печаль, состоит из жидкости трех источников Гадеса.

Когда король Горм (*История, Дан.*, 427; ср. № 46) совершил свое путешествие открытий в нижний мир, он увидел там огромный бычий рог (*ingens bubali cornu*). Он находился рядом с покрытыми золотом резервуарами с медом, фонтанами нижнего мира. Назначение его наполнения их жидкостями достаточно ясно из его расположения. Нам также говорят, что на нем были вырезаны фигуры (*некий искусственный вакуум*), как на подземном роге в Гудрунарквиде. Один из людей Горма очень хочет заполучить сокровище. Затем рог удлиняется и превращается в дракона, который убивает потенциального грабителя (*cornu in draconem extractum sui spiritum latoris eripuit.*) Подобно Слидругтанне и другим подземным сокровищам, змея или дракон на роге для питья нижнего мира при необходимости наделяется жизнью, или сам рог обретает жизнь в виде дракона и карает смертью того, кто не имеет права к нему прикасаться. Соответственно, сам рог является *Фанном*, искусственной змеей или драконом, а его содержимое - *хрости* Фанна (*Fáinn's* Фанна).,.

Исландские средневековые саги передали память о роге зубра (*урархорн*), который был найден в нижнем мире и из которого там пили (Fornald., iii. 616).

Отсюда следует, что *хроста хильмира Фана*, "повелитель пивоварения Фана", упомянутый Эгилем, является хозяином рога Гадеса, тем, кто определяет, кому его вручить, чтобы они могли

впитать энергию и забыть печаль из "силы Урд, прохладного моря и жидкости Сына". И, таким образом, значение обсуждаемой здесь строфы (Sonatorrek, 18) становится совершенно ясным. Умершие сыновья Эгиля пили из этого рога, и таким образом они были посвящены в качестве вечных обитателей нижнего мира. Следовательно, скальд может сказать, что *хроста Хильмира Фана* был непреклонно тверд против него, их отца, который хотел оставить своих сыновей при себе.[15]

Из Вельуспы (стр. 28, 29) и Гильфагининга (гл. 15) выясняется, что мифология знала о роге для питья, который принадлежал одновременно, так сказать, и Асгарду, и нижнему миру. Один - его обладатель, Мимер - его хранитель. Между Асами, обитающими на небесах, и силами, обитающими в нижнем мире, заключается соглашение, и дается гарантия (*вед*) соблюдения соглашения. Со стороны асов и патриарха их клана Одина в качестве обеспечения предоставляется рог для питья. Из этого "обета Вальфатера" Мимер каждое утро пьет мед из своего источника мудрости (Волюспа, 29), и из того же рога он поит корень мирового дерева (Волюспа, 28). Как уже указывал Мюлленхофф (*D. Alterth.*, v. 100 и далее), этот рог для питья не следует путать с боевой трубой Хеймдаля, Гьяллархорном, хотя Гильфагининг также повинен в этой ошибке.

Таким образом, рог для питья, подаренный Мимеру Вальфатером, представляет собой договор между силами небес и нижнего мира. Может ли это быть что-либо иное, кроме рога Гадеса, который находится на стоянке у источника Урд и используется на службе как богам Аса, так и нижнему миру? Асы определяют счастье или несчастье умершего и, следовательно, решают, какие люди должны отвесть укрепляющий напиток из рога. Но рог имеет свое место в нижнем мире, хранится там — там выполняет задачу величайшей важности и получает свою жидкость из фонтанов нижнего мира.

То, что Мимер дал Одину взамен, - это напиток мудрости, без которого он не смог бы выступать в качестве судьи в вопросах, касающихся вечности, но после получения которого он смог находить и провозглашать правильные решения (*ord*) (*ord mér af ordi ordz leitadi*—Hav., 141). Следовательно, обе обмененные вещи используются в Магазине у фонтана Урд. Договор касался нижнего мира и обеспечивал Асам власть, необходимую в связи с их контролем над человечеством и их притязаниями на поклонение, чтобы распределять счастье и несчастье в соответствии с законами религии и морали. Без этой силы асы не имели бы большого значения. Урд и Мимер были бы верховными.

С *дирар вейгар* (драгоценными жидкостями), о которых говорит мертвая Хельге, мы должны сравнить *скирар вейгар* (прозрачными жидкостями), которые, согласно Вегтамсквиде, ожидали мертвого Бальдра в нижнем мире. Отведав его, бог, спустившийся в Ад, восстановил свою сломленную силу, и земля снова зазеленела (см. № 53).

В *дирар вейгар*, *скирар вейгар* форма множественного числа не должна использоваться без предварительного уведомления. Содержимое одного и того же напитка обозначается множественным числом *вейгар*—

Ее стендр Балдри
из бруггинна мидр

Здесь расшифровывается как Бальдер,
медовуха, сваренная

что можно объяснить только как относящееся к напитку, приготовленному путем смешивания нескольких жидкостей, каждая из которых представляет собой *вейг*. Первоначально *вейгар*, по-видимому, всегда обозначал напиток мертвых, утоляющий их печали и дающий им новую жизнь. В Хиндлулджоде (50) *дирар вейгар* имеет значение зелья блаженства, которое должен выпить Оттар, возлюбленный Фрейи. В строфе 48 Фрейя угрожает колдунье Хиндле огнем, который должен навсегда забрать ее отсюда. В строфе 49 Хиндла отвечает на угрозу аналогичной и худшей. Она говорит, что уже видит пожар мира; почти все существа "погибнут" (*верда флестир фьерлаусн тола*), в том числе, конечно, Фрейя и ее Оттар, и их окончательная судьба, согласно желанию Хиндлы, обозначена тем, что Фрейя вручает Оттару вызывающий предчувствие боли ядовитый напиток. Хиндла призывает на Фрейю и Оттара пламя Рагнарека и проклятия. Фрейя отвечает, призывая Оттара под защиту богов и предсказывая, что он должен выпить *дирар вейгар*.

Кроме того, в этих отрывках *вейгар* встречается в строфе, сочиненной Рефом Гестсоном, цитируемой в "Скальдскапармале", гл. 2. Цитируется только половина строфы, так что невозможно определенно определить значение *вейгара*, на который ссылается скальд. Мы только видим, что они даны Одним, и что "мы" должны быть благодарны ему за них. Полустрофа, возможно, является частью песни смерти, которую, как известно, Реф Гестсон сочинил о своем приемном отце Гиссуре.

Вайг в единственном числе означает не только напиток, но и власть, крепость. Возможно, Бугге прав, утверждая, что это было первоначальное значение слова. Множественное число *veigar* соответственно означает сильные стороны. То, что это выражение "сильные стороны" стало рационально обозначать особый напиток, должно быть объяснено тем фактом, что "сильные стороны" были общепринятым обозначением жидкостей, из которых состоял бодрящий мифический напиток. Три источника нижнего мира являются источниками силы вселенной, и, как мы уже видели, именно жидкости из этих источников смешиваются с чудесным напитком в подземном роге.

Когда Эйлиф Гудрунсон, скальд, обращенный в христианство, сажает Христа, дарующего воду вечной жизни, возле источника Урд, то это христианизированная языческая идея, и она ссылается на силу воды этого источника давать, через судью мира, благочестивым менее беспокойную жизнь, чем земная. Воду, которая согревает мировое древо и залечивает его раны, можно найти в непосредственной близости от жилища вещей, а также она служила для укрепления и исцеления душ умерших.

Судя по Хиндлулиоду (49), те, кто обречен на несчастье, также должны употреблять какой-нибудь напиток. Оно "сильно замешано на яде" (*эйтри бландинн миок*) и *предвещает* им зло (*иллу хейлли*). Следовательно, они должны быть вынуждены выпить его *перед* тем, как они войдут в мир страданий, и соответственно, без сомнения, пока они сидят *в норнастоли* на том самом подставном месте. В средневековых исландских сагах ядовитый напиток известен как зелье страдания.

Похоже, что это зелье несчастья не развязало немых языков проклятых. *Эйтр* означает низшую степень простуды и яда одновременно и, следовательно, не годился для этой цели, поскольку языки немели от холода. В описаниях Саксоном областей страданий в нижнем мире говорят

только мучающие демоны. Мертвые лишены дара речи и переносят свои мучения, не издавая ни звука; но когда духи пыток того желают, принуждают и подстрекают их, они могут издавать вой (*мугитус*.) На переднем дворе области пыток, Нифельхейма, населенного ледяными великанами, согласно описанию Скирнерсмаля, царит своего рода безмолвие (см. № 60). Скирнер угрожает Герд, что ее среди тамошних сородичей будут ненавидеть больше, чем самого Хеймдаля; но они выражают эту ненависть вытаращенными глазами, а не словами (*тик Хримнир хари, тик хответна стари*— стр. 28).

74.

ПОСЛЕ СТРАШНОГО СУДА. УДЕЛ БЛАЖЕННЫХ.

Когда умерший, получивший хороший *орден тирр*, покидает Тело, его ждут в доме, который его хаминджэ обустроила для своей любимицы где-то в "зеленых мирах богов". Но сначала он должен встретиться с *лейтой Киннис*, то есть навестить родственников и друзей, которые отправились до него в свой конечный пункт назначения (Sonatorr., 17). Здесь он находит не только тех, с кем он был лично знаком на земле, но он также может посетить предков с начала времен и побеседовать с ними, и он может услышать историю своей расы, более того, историю всех прошлых поколений, рассказанную людьми, которые были очевидцами. Пути, по которым он путешествует, - это *мунвегар* (Сонаторр., 10), пути удовольствий, где перед его глазами открываются чудесные области царств Урд и Мимер.

Тех, кто умер в нежном возрасте, принимает существо, дружелюбно относящееся к детям, которого Эгиль Скаллаgrimсон (Сонаторрек, 20 лет) называет *Гаута спьялли*. Это выражение означает "тот, с кем Один советуется", "друг Одина". Поскольку в том же стихотворении (стр. 22) Одина называют другом Мимера, и поскольку в следующем месте *Гаута спьялли* описывается как правитель *Годхейма* (сравните *гренар хеймар года*—Хаконармал, 12), он должен быть либо Мимером, который является другом и советчиком Одина с юности до самой смерти, либо он должен быть Хонером, которого также называют другом Одина, его *сесси* и *мали*. То, что Мимер считался другом мертвых детей, соответствует его призванию хранителя в своей роще бессмертия *Мимишолт*, детей Аса, *асмегир*, которые должны стать человечеством возрожденного мира. Но у Хонер тоже есть важное призвание в отношении детей (см. № 95), и поэтому следует оставить нерешенным, какое из двух здесь имеется в виду.

Эгиль убежден, что его утонувший сын Бодвар нашел пристанище в подземных областях блаженства.^[16] Земля, в которую приходит Бодвар, называется Эгилем "домом пчелиного корабля" (*býskips bæ*.) Поэтическая фигура взята из опыта моряков, которые рассказывают, что птицы, уставшие на пути через море, садятся на корабли, чтобы восстановить свои силы. В пересказе Эгиля пчела соответствует птице, а медоносный цветок, на который садится пчела, соответствует кораблю. Поля блаженства - это гавань корабля, нагруженного медом. Фигура может быть подвергнута критике с точки зрения поэтической логики, но в устах отважного старого викинга она очаровательна и в то же время очень уместна в отношении характерного качества, приписываемого полям блаженства. Ибо они являются настоящим домом для медвяной росы, которая ранним утром падает с мирового дерева в долины возле источника Урд (Волюспа). Лиф и Лейфтрейсер веками питаются этой росой (см. № № 52, 53), и, несомненно, та же самая тевтонская амброзия является пищей счастливых мертвецов. Долины земли также,

несомненно, получают свою долю медвяной росы, которая считалась удобряющим и питательным элементом почвы. Но земля получает свою долю непосредственно от Римфакса, коня богини Аида Нат. Этот конь, насытившийся травой подземных лугов, пускает изо рта пену, которая является медвяной росой, а с его уздечки по утрам "в долинах" капает роса (Vafthr., 14). То же самое верно и в отношении лошадей валькирий, приходящих из нижнего мира. С их грив, когда они встряхивают ими, падает роса "в глубоких долинах", и оттуда у народов появляются урожаи (Хельге Хьерв., 28.)

75.

ПОСЛЕ СТРАШНОГО СУДА (продолжение). СУДЬБА ПРОКЛЯТЫХ. ИХ ПУТЬ. ПРИБЫТИЕ К ВОРОТАМ АН.

Когда будет провозглашено изречение на (суд над теми, кто совершил грехи, ведущие к смерти), они должны отправиться в свое ужасное место назначения. Они не могут убежать. Замки и оковы норн (*Урдар локур*, *Хельяр рейп*) держат их в плену, и среди слез их бывших хаминджес (*норнир грата най*) их гонят по их пути *хейптир*, вооруженные шипастыми прутьями, которые безжалостно бьют их по ленивым пяткам. Техническим термином для обозначения этих орудий пыток является *limar*, который, по-видимому, стал словом, обозначающим эсхатологическое наказание в целом. В Сигрдрифумале (23) сказано, что ужасный *лимар* тяжелым бременем ляжет на тех, кто нарушил клятвы и обещания или предал доверие. У Сигурда Фафнесба (ii. 3) утверждается, что каждый, кто солгал о другом, будет долго подвергаться пыткам *лимаром*. Оба выражения "*тролль бруту хрис и хела тейм*" и "*тролль визи идр тиль бур*" уходят своими корнями в воспоминание о мифе о походе проклятых под жезлом Эвменид на Нифельхель (см. Далее по этому пункту № 91 и 123).

Их путь от колодца Урд ведет на север (см. № 63) через владения Мимера. Предопределено, что перед своим прибытием в дом пыток они должны увидеть области блаженства. Таким образом, они знают, чего лишились. Затем их путь лежит мимо фонтана Мимера, великолепных жилищ Бальдра и *асмегира*, золотого зала расы Синдре (см. № № 93, 94) и в те регионы, где мать Нат покоится в зале, построенном на южном отроге гор Нида (Форспьяллслёйд). Процессия поднимается по этому горному региону через долины и ущелья, в которых реки, текущие из Хвергельмера, находят свой путь на юг. Проклятые оставляют Хвергельмер у себя в тылу и пересекают пограничные реки *Храунн* (подземные реки Эливагар, см. № 59), на другой стороне которых возвышаются черные отвесные горные стены Нифельхеля (Саксон, *История, Дан.*; см. № 46). Лестницы ведут через головокружительные пропасти к воротам Ан. Вой и лай чудовищных псов Нифельхейма, наблюдающих за воротами (см. № 46, 58), возвещают о прибытии проклятых. Затем плотными крылатыми стаями устремляются чудовища, хищные птицы Нифельхейма Нидхог, *Аре*, *Хресвельгери* им подобные на юг и садятся на скалы вокруг врат На (см. Ниже). Когда последние открываются на скрипучих петлях, проклятые умирают своей второй смертью. К этому событию, которое называется "вторая смерть", и к тому, в чем оно состоит, я вернусь ниже (см. № 95).

Те, кого таким образом постигла ужасная участь, являются грешниками различных классов. Под Нифельхеймом есть девять областей наказания. То, что они соответствуют девяти видам непростительных грехов, само по себе вероятно и в некоторой степени подтверждается Соларлджодом, если это стихотворение, стоящее почти на границе язычества и христианства, может быть принято за свидетельство. Соларлджод перечисляет девять или десять видов

наказаний за такое же количество различных видов грехов. Из чисто языческих записей мы знаем, что враги богов (Локе), клятвопреступники, убийцы, прелюбодеи (см. Волюспа), те, кто нарушил веру и законы, и те, кто лгал о других, обречены на Нифельхель навсегда или, по крайней мере, на очень долгое время (*офленгу*—Sig. Фафн., ii. 3). О безжалостных мы знаем, что они уже претерпели великие мучения на пути к источнику Урд. Как в отношении них, так и в отношении других, несомненно, от расследования на Месте Происшествия зависело, смогут ли они получить выкуп или нет.

Святость уз родства сильно подчеркивалась в эсхатологических концепциях. *Нифльгодр*, "благо для царства проклятия", - это тот, кто убивает родственников и продает мертвое тело своего брата за кольца (Сонаторрек, 15); но тот, кто во всех отношениях вел себя безупречно по отношению к своим родственникам и не спешит мстить, если они причинили ему зло, пожнет плоды этого после смерти (Сигрдр., 22).

Когда проклятые входят во врата На, крылатые демоны бросаются на предназначенные для них жертвы, зажимают их своими крыльями и летят с ними через туманное пространство Нифельхейма к предназначенным для них отделениям пыток. Провидица в Велуспе (ул. 62) видит, как Нидхог, нагруженный *наиром* под крыльями, уносится прочь от гор Ниды. То, куда он привык летать с ними, видно из строфы 38, где он в Настромах сосет свою добычу. Когда король Горм, за вышеупомянутой пограничной рекой и по лестницам гор Ниды, достиг открытых для него врат На, он видит мрачных монстров (*larvæ atræ*; ср. у Вельуспы в *dimmi dreki*) в плотных толпах и слышит воздух, наполненный их ужасными визгами (ср. у Вельуспы *Ари хлаккар, слитр най неффаулр*, 47). Когда скальд Соларлджода попадает в царство пыток, он видит "опаленных" птиц, которые на самом деле не птицы, а души (*салир*), летающих "многочисленными, как мошки".

76.

МЕСТА НАКАЗАНИЯ.

Регионы, над которыми летают стаи демонов, совпадают с теми, которые имеет в виду автор "Скирнерсмаля", когда Скирнер угрожает Герд отправить ее в царство смерти. Это дом ледяных великанов, подземных великанов и духов болезней. Здесь живут отпрыски ног Имера, первобытные гиганты, странно рожденные и странно держащиеся, которые ждут, когда содрогнется Иггдрасиль и освободится их закованный в цепи вождь, чтобы они могли отомстить богам в Рагнареке, и которые тем временем разрабатывают тщетные планы нападения на фонтан Хвергельмера или на северный конец моста Бифрост. Здесь обитают демоны беспокойства, душевной агонии, судорожного плача и безумия (Отале, Морн, Опе и Топе); и здесь обитает также их королева, дочь Лока, Лейкин, чей порог - пропасть, а ложе - болезнь. Согласно авторитетным источникам, использованным Саксоном в описании путешествия Горма, страна густо населена. Саксон называет это *городами, оппидум* (ср. слова Скирнисмаля о домах-гигантах, среди которых Герд приходится безнадежно тащиться от дома к дому). Земля представляет собой болото с гнилой водой (*putidum sænum*), которая распространяет ужасное зловоние. Река Слип, вытекающая на север из Хвергельмера, там ищет свой путь в мутном потоке к пропасти, которая ведет вниз, к девяти местам наказания. Над всем этим нависает мрачное небо Нифельхейма.

Смертные, которым, подобно Горму и его людям, было позволено увидеть эти регионы, и которые задумали спуститься в те миры, которые лежат ниже Нифельхейма, или в большинство из них, которые представляют собой огромные горные пещеры, о которых идет речь, бездну, и которые бросили взгляд вниз, в нее. Место узкое, но дневного света достаточно, чтобы можно было разглядеть его дно, и зрелище это ужасное. И все же, должно быть, к нему был какой-то путь, потому что, когда Горм и его люди оправились от первого впечатления, они продолжили свой путь к месту назначения (месту наказания Гейрреда), хотя в лицо им ударил самый ужасный пар (*пары тетерримуса*). Остальному, о чем рассказывает Саксо, к сожалению, не хватает как достаточной ясности, так и полноты. Не рискуя совершить ошибку, мы можем, однако, считать мифически верным тот факт, что некоторые из девяти миров наказания под Нифельхеймом, или большинство из них, представляют собой обширные горные пещеры, соединенные между собой отверстиями, пробитыми в горных стенах и закрытыми воротами, которые, однако, не препятствуют движению Слида к Настрандам и морю снаружи. Саксон говорит *operfractam scopuli partem*, "прорезанной части горы", через которую путешественники переходят из одной подземной пещеры в другую, а между пещерами стоят привратники (*janitores*). Следовательно, здесь должны быть врата. По крайней мере, два из этих "домов" были названы в честь самого известного грешника, найденного в них. Саксон говорит о человеке по имени великан Гейррод, а исландский документ о человеке по имени великан *Гейтур*. Техническим термином для обозначения такой пещеры пыток был *гайскути* (грот криков). Саксо переводит *skúti* с *конклава саксеум*. "Толкать кого-либо перед гротом Гейтира" — *река эйнн фиррпир Гейтис гайскута* — фраза, синонимичная осуждению человека на смерть и ад.

За воротами между гротами шума наблюдают различные виды демонов. Перед каждым воротами стоят несколько человек, которые своим видом и поведением, кажется, символизируют грехи, над виновниками которых они стоят на страже. Возле одной из пещер пыток люди Горма увидели людей с дубинками, которые испытывали свое оружие друг на друге. За пределами других ворот вратари развлекались "чудовищной игрой", в которой они "взаимно совершали изогнутые движения своими таранными спинами". Следует предположить, что какие-то насильники подвергались пыткам у порога, который охраняли люди с дубинками, и что демоны в форме баранов развлекались за пределами пыточной пещеры развратников. Также вероятно, что последний идентичен тому, который называется Гейтиром. Название *Гейтур* происходит от *гейт*, козел. Саксон, который латинизировал *Гейтира* в Гетаруса, рассказывает о своих приключениях, которые показывают, что этот гигант пытался завладеть Фрейей и что он идентичен Гимеру, отцу Герда. Согласно Скирнерсмалю (35), в Нифельхеле водятся козы, то есть тролли в козлином обличье, вероятно, того же вида, что и вышеупомянутые, и, возможно, с намеком на судьбу, которая ожидает Гимера в нижнем мире, или со ссылкой на его эпитет *Гейтур*, Скирнер угрожает Герду отвратительным напитком (*гейта хланд*), которым ее там угостят "сыны страдания" (*велмегур*). Один из демонов нижнего мира, который, как указывает его имя, был тесно связан с Гейтиром, называется "Воющая нога Гейтира" (*Geitis Guýfeti*); и выражение "толкнуть кого-либо перед Воющей ногой Гейтира", таким образом, имеет то же значение, что и отправить его на вечные муки.

Продолжая свой путь, Горм и его люди пришли в *скути* Гейррода (см. № 46).

Из описания Саксона мы узнаем, что в мирах пыток можно увидеть не только ужасы, но и заблуждения, которые соблазняют взоры алчных. Предусмотрительный капитан Горма Торкил (см. № 46) убедительно предупреждает своих товарищей не прикасаться к этим предметам, ибо

руки, соприкасающиеся с ними, связаны как невидимыми узами. Иллюзии характеризуются Саксоном как *édís supellectilis*, выражение двусмысленное, но может быть намеком на то, что они представляли вещи, относящиеся к храмам. Это утверждение заслуживает сравнения со строфой 65 Соларлджода, где скальд видит в нижнем мире проклятых людей, чьи руки скованы горящими камнями. Это насмешники над религиозными обрядами (те, кто *священнослужитель вильду халда хельга дага*), которые подвергаются такому наказанию. В мифологии, вероятно, именно осквернители храмов понесли это наказание.

Тамошние настраны и зал описаны в "Велуспе" следующим образом:

Sal sá hon standa
sólu fjarri
Náströndu á
nordr horfa dyrr;
fellu eitrdropar
inn um ljora,
Sá er undinn salr
orma hryggjum.

С уважением, тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордварга
ок таннс аннарс глепр
эйраруна;
тар сауг Нидхеггр
най фрамгенгна,
слейт варгр вера.

Зал, который она видела, располагался вдали от солнца на Настрандах; двери открывались на север. Капли яда падали через отверстия в крыше. Заплетен этот зал змеиных спин".

"Там она увидела клятвopепреступников, убийц и тех, кто предал жену другого (пpелюбодеев), переходящих вброд бурные потоки. Там Нидхог высасывал *наур* из мертвых. И волк разрывал людей на куски.

Гильфагининг (гл. 52) предполагает, что змеи, чьи сплетенные вместе спины образуют зал, поворачивают головы внутрь зала и что они, особенно через отверстия в крыше (согласно Codex Ups. и Codex Huginones.), извергают потоки своего яда. Последнее предположение вполне обосновано. С другой стороны, сомнительным кажется предположение Гильфагининга о том, что "тяжелые потоки", через которые проклятым в Настрандсе приходится переходить вброд, текут по полу зала. Поскольку само название Настрандс указывает на то, что зал расположен рядом с водой, то эта вода, будь то река *Слидр* с ее водоворотами, наполненными оружием, или какая-либо другая река, может выбрасывать на берег буруны и, таким образом, создавать мощные потоки, о которых упоминает Вельуспа. Тем не менее, точка зрения Гильфагининга может быть правильной. Зал Настрандов, как и его аналог Валхал, безусловно,

считался невероятно большим. Льющийся змеиный яд, должно быть, пролился на пол зала, и ничто не мешает считать, что ядовитый дождь был достаточно обильным, чтобы образовать на нем "тяжелые потоки" (см. Ниже).

Описание Саксоном зала в Настранде— адаптированное им к сфере пыток в целом, выглядит следующим образом: "Двери покрыты копотью веков; стены забрызганы грязью; крыша сплошь покрыта зазубринами; пол усеян змеями и испачкан всевозможными нечистотами". Последнее утверждение подтверждает точку зрения Гильфагининга. Поскольку это непрерывное производство продолжается на протяжении веков, произведенная таким образом материя должна разрастись в изобилии и найти выход. Примечательно также заявление Саксона о том, что двери покрыты копотью веков. Следовательно, возле этих дверей необходимо разжечь костры. Об этом позже.

77.

МЕСТА НАКАЗАНИЯ (продолжение). ЗАЛ В НАСТРАНДСЕ.

Не позволяя себе предлагать какие-либо изменения текста в процитированных выше строфах Велуспы и следуя принципу, которого я придерживаюсь в этой работе, не основывать никаких выводов на так называемых текстовых исправлениях, которые неизменно являются ухудшением текста, я применил эти строфы в том виде, в каком они встречаются в имеющихся у нас текстах. Like Müllenhoff (*D. Alterth.*, v. 121) и других ученых, я, однако, убежден, что строфа, которая начинается с *sa хон тар вадаи* т.д., была искажена. Несколько причин, которые я представлю в другом месте, в специальном трактате о Волюспе, делают это вероятным; но просто того обстоятельства, что строфа состоит из десяти строк, достаточно, чтобы пробудить подозрения в уме любого, кто придерживается мнения, что изначально Волюспа состояла исключительно из восьмистрочных строф — точка зрения, в которой нельзя серьезно сомневаться. В том виде, в каком мы сейчас имеем стихотворение, оно состоит из сорока семи строф по восемь строк в каждой, одной из четырех строк, двух по шесть строк в каждой, пяти по десять строк в каждой, четырех по двенадцать строк в каждой и двух по четырнадцать строк в каждой - всего четырнадцать строф, не состоящих из восьми строк, против сорока семи восьмистрочных; и, хотя все восьмистрочные по сути своей и логически хорошо построены, о других, в которых более восьми строк в каждой, можно сказать, что частично мы можем убрать лишние строки без ущерба для смысла, а частично они выглядят как слабо структурированные. соединенные конгломераты разрозненных фрагментов строф и интерполяций. Самая последняя попытка идеально восстановить восьмистрочные строфы стихотворения была предпринята Мюлленхоффом (*D. Alterth.*, v.); и хотя это усилие, возможно, нуждается в доработке в некоторых особых моментах, в целом оно придало стихотворению ясность, логическую последовательность и симметрию, которые сами по себе делают очевидным правильность посылок Мюлленхоффа.

В трактате о Волюспе, который я опубликую позже, этот вопрос будет подробно обсужден. Здесь мне будет позволено сказать, что в моих собственных попытках восстановить "Волюспу" до восьмистрочных строф я пришел к тому, что большая часть материалов была скомпонована по этому принципу, но остался следующий фрагмент:

(1) Падший остан
ум эйтрдала
сексум ок свердум,
Слидр хейтир су.

(1) Впадает река с востока,
огибающая веномские долины
с кинжалами и копьями,
называется Слип.

(2) Са хон тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордварга
ок таннс аннарс
глепр эйраруну.

(2) Там увидела она, как она переходила
вброд через бурные потоки
лжесвидетелей,
убийц
и того, кто соблазняет
чужую жену.

Эти фрагменты составляют объединенные десять строк. Четвертая строка фрагмента (1) *Slidr heitir sú* выглядит как мифографическое дополнение автора стихотворения. Несколько подобных вставок, которые содержат информацию, представляющую мифологический интерес, но которые не имеют ни малейшей связи с контекстом и не имеют наименьшего значения применительно к теме, рассматриваемой в "Велуспе", встречаются в наших нынешних текстовых редакциях этого стихотворения. Список карликов - это колоссальная интерполяция такого рода. Если мы гипотетически опустим эту строку в настоящем, а также непосредственно предшествующую (*söxum ok sverdum*), то останется столько строк, сколько требуется для обычной восьмистроочной строфы.

Далее следует отметить, что среди всех восьмистроочных строф Вельуспы нет ни одной, построенной настолько плохо, чтобы глагол в первой полустрофе имел прямое значение объекта в первой строке второй полустрофы, как в случае с настоящим текстом:

Са хон тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордварга
аннарс ок танн глепр
эйраруну;

и, в целом, такая конструкция вряд ли когда-либо могла возникнуть в сносном стихотворении. Если бы эти восемь строк действительно принадлежали к одной и той же строфе, то последняя должна была бы быть восстановлена по следующей схеме:

(1) Са хон тар вада
(2) тунга страума
(3) менн мейнсвара
(4) ок мордварга;
(5)
(6)
(7) аннарс глепр танна
(8) эйраруну.

и в одной из пунктирных линий , должно быть, был найден глагол, который определял винительный падеж, *чем*.

Линии, которые должны занимать место точек, в их нынешнем виде имеют следующий вид:

á fellr austan
um eitrdala.

Глагол, который управлял *танном*, должен тогда быть *áfellr*, то есть глагол *fellr* соединен с предлогом *á*. Но в таком случае *а* не является сущностным *á*, рекой, проточной водой, и, таким образом, река, которая течет с востока вокруг венном-дейлс, берет свое начало по ошибке.

Таким образом, мы, исходя из этого предположения, обнаружили, что есть нечто, что *падает* на того, кто соблазняет жену другого. Это нечто должно быть выражено субстантивом, которое сейчас скрыто за наречием *austan*, и должно быть достаточно похоже на него по звучанию, чтобы трансформироваться в него.

Таким существенным и единственным в своем роде является *austr*. Это означает что-то, на что может *падать*, стекать; ибо *austr* - это *черновая вода* (от *ausa*- вычерпывать), сточные воды, вода, текущая из желоба.

Проверку того, существовал ли первоначально *austr* или нет, можно найти в следующем содержательном документе, который теперь имеет вид *eitrdala*. Ибо, если там было написано *austr*, то в первоначальном тексте должно было следовать основное содержание (1), объясняющее, что имеется в виду под видом сточных вод, (2) которое имело достаточное сходство с *эйтрдалой*, чтобы превратиться в нее.

Моряки-норвежцы различали два вида *austr*: *byttu-austr* и *dælu-austr*. Воду с судна можно было удалить, вычерпывая ее черпаками прямо через перила, или ее можно было зачерпнуть в *дейлу*, прут или корыто, перекинутое через перила. Последний метод был более удобным. Разница между этими двумя видами *austr* стала популярной фразой; сравните выражение *thá var byttu-austr, eigi dælu-austr*. Слово *dæla* также использовалось в переносном смысле; сравните *láta dæluna ganga*, чтобы пустить побеги (впадины) (Gretla, 98), пословицу, в которой мужчины в оживленной беседе сравниваются с *dælur*, впадинами, которые открыты для плавной беседы.

При таких обстоятельствах мы могли бы ожидать здесь после слова *austr* слово *dæla*, и, поскольку здесь речь идет о яде, *eitr-dæla*.

Eitr-dæla удовлетворяет обоим вышеуказанным требованиям. Это объясняет, какой тип сточных вод имеется в виду, и оно напоминает *эйтрадалу* в достаточной степени, чтобы в него можно было попасть.

Таким образом, мы получаем *á fellr austr eitrdæla*: "На (того, кто соблазняет чужую жену) падают сточные воды из ядовитых корыт". Что это за ядовитые впадины, должна определить строфа в целом. Это составляет вторую проверку правильности прочтения.

Надо признать, что если *á fellr* *интерне eitrdæla* первоначально книги, затем коррупции в *fellr остан eitrdala* было почти необходимости следить, поскольку предлог *á* считается основной *á*,

реки, ручья. Насколько близко такое смешение этих слов, демонстрирует другая строфа Вельуспы, где предлог *á* в "*сэр хон аусаз аургом форси*" долгое время интерпретировался как субстантив *á*.

Теперь мы увидим, имеет ли смысл выражение *á fellr austr eitrdæla*, когда оно введено вместо пунктирных линий выше:

С уважением, тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордварга;
(ru) аннарс глепер
эйраруна из *fellr austr*
эйтрдала
танна.

"Там она увидела, как тяжелые потоки (яда) потекли на (или через) клятвопреступников и убийц. Сточные воды из ядовитых желобов (то есть сточные воды клятвопреступников и убийц после того, как на них обрушились потоки яда) падают на того, кто соблазняет жену другого мужчины".

Таким образом, мы получаем не только связную идею, но и очень замечательный и поучительный отрывок.

Глагол *вада* используется не только в отношении людей, которые переходят вброд воду. Сама вода также способна к *ваде* (ср. *эйсанди удр ведр ундан*—Рафнс С. Свейнб.), не говоря уже о стрелах, которые переходят вброд *и фолк* (Навам., 150), и знаменах, которые развеваются в толпе воинов. Здесь яд проникает сквозь толпы лжесвидетелей и убийц. Глагол *вада* так часто использовался в этом смысле, что он также приобрел значение *мчаться, бежать, проноситься*. Тяжелые потоки яда проходят через клятвопреступников и убийц, прежде чем обрушиться на прелюбодеев. Первые являются ядовитыми желобами, которые выливают свои сточные воды на вторые.

Теперь мы возвращаемся к описанию Саксоном зала Настрандов, чтобы посмотреть, соответствует ли гипотетически восстановленная таким образом строфа Вельуспы ему или противоречит. Какими бы неприятными ни были картины, с которыми мы встречаемся при этом сравнении, мы, тем не менее, вынуждены принять их во внимание.

Саксон говорит, что стена зала забрызгана жидкой грязью (*paries obductus illuvie*). Латинское слово, которое Саксон использовал для обозначения яда, - *venenum*, а не *illuvies*, что означает грязь, которую вылили или забрызгали чем-либо. Следовательно, Саксон не имеет в виду потоки яда, подобные тем, которые, согласно Вельуспе, извергаются змеями вниз через отверстия в крыше, но имеется в виду что-то другое, что все же должно иметь верхний источник, поскольку оно размазано по стене зала.

Саксон далее говорит, что пол покрыт всевозможными примесями: *pavimentum omni sordium genere respersum*. Выражение подтверждает мысль о том, что здесь имеется в виду не несмешанный яд, а все остальное самого отвратительного вида.

Кроме того, Саксон рассказывает, что там внутри находятся группы проклятых, которые он называет *consessus*. *Consessus* означает "совместное сидение" и, во вторичном смысле, людей, сидящих вместе. Слово "сидеть" здесь может быть понято в более или менее буквальном смысле. *Consessor*, "тот, кто сидит вместе", можно было бы применить к каждому участнику римского ужина, хотя на самом деле римляне не сидели, а полулежали за столом.

Как уже говорилось, в зале обнаружено несколько таких *consessus*, людей, сидящих или лежащих вместе. Скамейки, на которых они сидят или лежат, сделаны из железа. У каждого *consessus* есть *locus* в зале; и поскольку оба этих термина, *consessus* и *locus*, на саксонском языке объединены в выражении *consessuum loca*, вместе означают ряды скамеек в театре или в общественном месте, где сиденья возвышаются рядами одно над другим, мы должны предположить, что эти ряды проклятых, сидящих или лежащих вместе, находятся на разных высотах между полом и потолком. Это предположение подтверждается тем, что рассказывает Саксон, а именно, что их места нахождения разделены свинцовыми барьерами (*свинцовыми ящиками*). То, что они разделены препятствиями, должно иметь какую-то практическую причину, и это не может быть ничем иным, как тем, что нечто, стекающее вниз, может беспрепятственно проходить от одного *концессии* к другому. То, что стекает вниз, в конце концов достигает дна, и тогда это *omne sordium genus*, все виды нечистот. Наконец, следует добавить, что, по словам Саксона, вонь в этой комнате пыток почти невыносима (*super omnia perpetui fætoris asperitas tristes lacessebat olfactus*).

Кто не в состоянии увидеть, что описания зала в Наstrandсе Вельуспой и Саксо подтверждают, объясняют и дополняют друг друга? Из слов Велуспы мы заключаем, что потоки яда исходят из отверстий в крыше, а не из стен. Стена целиком состоит из *спин* сплетенных вместе змей (*sá er undinn salr orma hryggjom*). Головы, принадлежащие этим змеям, находятся над крышей и извергают свой яд вниз через отверстия в крыше - "льоры" (*fellu eitrdropar inn um ljóra*). Под ними и между ними и полом есть, как мы видели у Саксона, ряды железных сидений, один ряд ниже другого, все они снабжены свинцовыми ограждениями, и на железных сиденьях сидят или лежат клятвопреступники и убийцы, вынужденные пить яд, льющийся "обильными потоками". Каждый такой ряд грешников становится "корытом с ядом" для ряда непосредственно под ним, пока произведенная таким образом отвратительная жидкость не попадет на тех, кто соблазнил самых дорогих и доверенных друзей других людей. Эти соблазнители либо занимают самый нижний ряд сидящих преступников, либо они ползают по полу в той грязи и яде, которые там текут. Над залом нависает вечная ночь (это *солу фьярри*). То, что есть света, освещающего ужасы, исходит от костров (см. Ниже), разжигаемых у дверей, которые открываются на север (*nordr horfa dyrr*). Дым от каминов проникает в зал и покрывает дверные косяки "копотью веков" (*postes longæva fuligine illitæ*).

С этим следует сравнить то, что сообщает Тацит о взглядах и обычаях германцев в отношении преступления и наказания. Он говорит:

"Характер преступления определяет наказание. Предателей и дезертиров вешают на деревьях. Трусов и тех, кто предается позорному разврату, они душат в грязных лужах и болотах, воздвигая над ними *заграждение* (ящики). Различие в этих наказаниях указывает на веру в то, что преступление должно наказываться таким образом, чтобы наказание было видимым, в то время как скандальное поведение должно наказываться таким образом, чтобы развратник был удален от дневного света" (*Германия*, xii.).

Этот отрывок в "Германии" является комментарием к описаниям Саксона и к строфе Вельуспы в форме, полученной в результате моего исследования. То, что, естественно, может показаться вероятным, подтверждается *словами* Germania: тот же взгляд на справедливость и нравственность, который сложился в лагере немцев, нашел свое выражение, но в гигантском преувеличении, в их доктринах об эсхатологических наградах и наказаниях. Возможно, следует также отметить, что подобный партикуляризм господствовал на протяжении веков. Барьер (*ящики*), который Саксон упоминает как установленный над преступниками, пьющими яд и нечистоты, в зале Настрандов, имеет своего земного аналога в барьере (также называемом *ящиками*), который, согласно обычаю эпохи Тацита, набрасывали на жертв, задушенных в выгребных ямах и болотах (*ignavos et imbelles et corpore infames, не допускающих инъекций в верхний ящик*). Те, кто был приговорен к этой смерти, были, согласно Тациту, трусами и развратниками. Среди тех, кто получил подобное наказание в Тевтонской Геенне, были частично те, кто тайно совершил убийство и пытался скрыть свое преступление (таких называли *мордворгр*), частично развратники, нарушившие святость супружества. Описания в строфе Вельуспы и у Саксона показывают, что и в зале Настрандов наказание соответствует характеру преступления. Все подвергаются ужасному наказанию; но есть различие между теми, кому пришлось выпить змеиный яд без примеси, и теми, кто получает смешанное зелье, и, наконец, теми, кто выплескивает ужасную жидкость на себя и, несомненно, внутрь себя.

В заключение этой главы я процитирую ряд строф Вельуспы, которые относятся к тевтонской эсхатологии. Параллельными столбцами я печатаю строфы в том виде, в каком они представлены в Региональном кодексе, и в том виде, который они приняли в результате исследования, полный отчет о котором я представлю в будущем. Я надеюсь, что будет обнаружено, что восстановление "*падший остан ум эйтрдала*" в "*падший остан ум эйтрдала*" и введение этих слов перед "*таннсом аннарсом глепром эйраруной*" не только возвращает строфе, в которой встречаются эти слова, правильную структуру и смысл, которые подтверждаются эсхатологическими источниками Саксона и "*Германией*" Тацита, но также обеспечивает основу и условия, на которых другие строфы могут приобрести правильную структуру и смысл. понятное содержание.

Региональный кодекс.

Влюбленный остан
ум эйтрдала
сошел со сцены со свертом
слизеринец хейтир су.

Стод фюр нордан
нитха воллом
салр или гулли
синдра эттар.
энн аннар стод
в околни
биор салр йотунс
ан са бримир хайтир.

С уважением,
соло фиарри

Пересмотренный текст.

Стод фюр нордан
в Нице веллум
салр или гулли
Синдра эттар;
энн аннар стод
в Окольні,
бьорсалс етунс,
в сам Бримир хейтир.

Sal sá hon standa
sólu fjarri

на стронду в
северной части хорфы, в дирре
, в
гостинице ум лиора
са эр ундин салр
орма хриггиом.

(38) Са хон тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордваргар.
ок танн аннарс глепр
эйра руно
тар суг нитхауггр
най фрам генья
слейт варгр вера
витот эр эн эта хват.

(35) Убил достопочтенного лиггию
ундира хвера ланди,
легиарна лики,
лока атекяна.
тар ситр Сигюн
они ум грехом
верят в великий год
победы над эн эта хватом.

Náströndu á,
nordr horfa dyrr;
fellu eitrdropar
inn um ljóra,
sa er undinn salr
orma hryggjum.

Са достопочтенный тар вада
тунга страума
менн мейнсвара
ок мордварга;
в Австрии
эйтрдала
таннсаннарс глепр
эйраруну

Hapt sá hon liggja
undir hveralundi
lægjarnlíki
Loka áthekkján;
thar saug Nidhögggr
nái framgengna,
sleit vargr vera.
Vitud ér enn eda hvat?

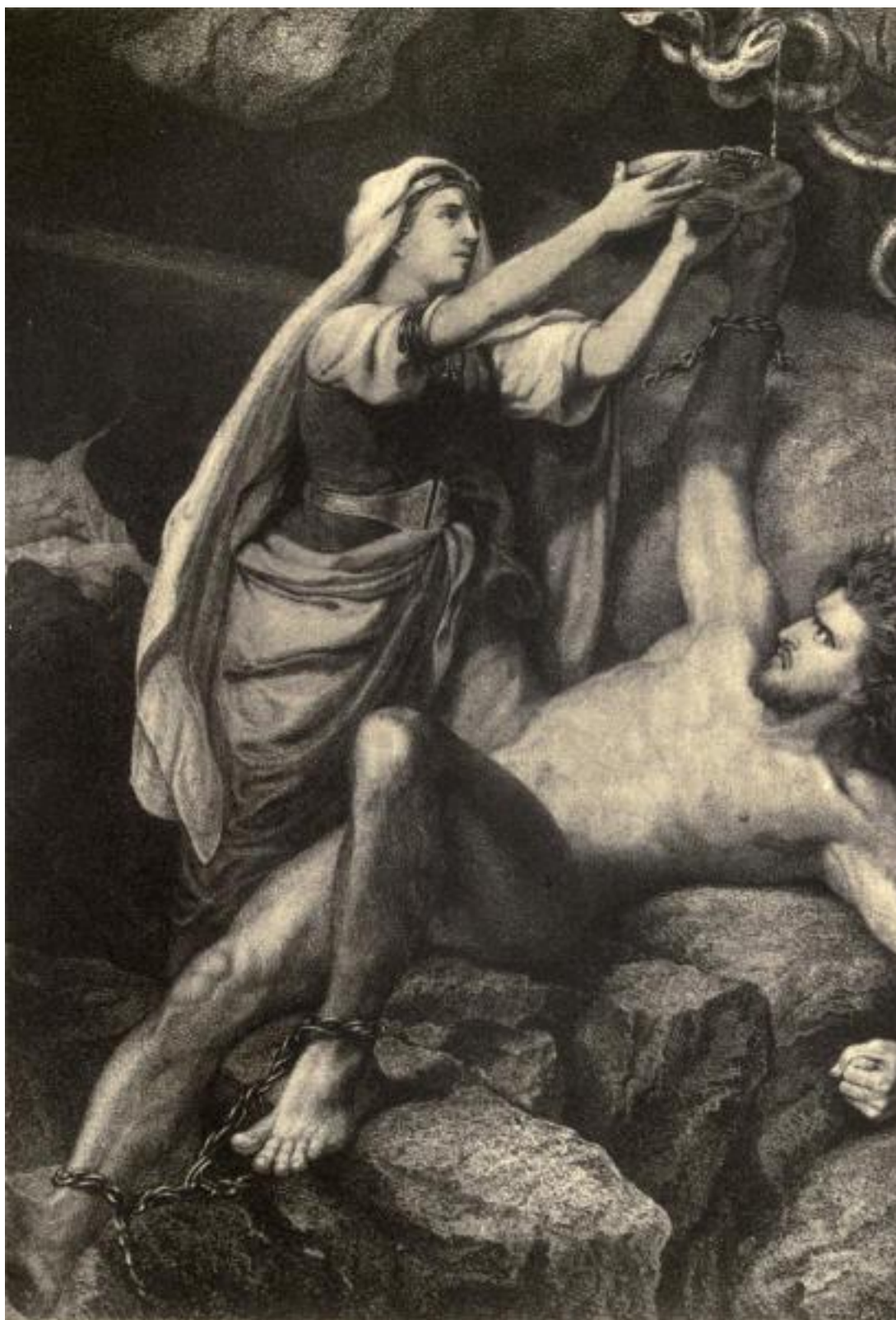
Тар кна Вала
вигбон снуа,
хельдр варн хардгор
хепт или
тормум;
тар ситр Сигин
они умирают
вер вел глигуд.
Vitud ér enn eda hvat?

78.

МЕСТА НАКАЗАНИЯ. (продолжение). ПЕЩЕРА НАКАЗАНИЯ ЛОКА. ГИЛЬФАГИНИНГ ПУТАЕТ
СЫНОВЕЙ МУСПЕЛЯ С СЫНОВЬЯМИ СУТТУНГА.

Саксон (*История. Дан.*, 429 и далее) рассказывает, что опытный капитан Торкил совершил по приказу короля Горма второе путешествие на крайний Север, чтобы дополнить знания, полученные в первом путешествии. Ту часть нижнего мира, где обитает Локе (Саксон называет его Угartilок), тогда никто не видел. Теперь оставалось сделать это. Как и в первый раз, Торкил

вошел в то море, над которым никогда не светят солнце и звезды, и он так долго плыл в темноте, что его запас топлива иссяк. В результате экспедиция была на грани провала, когда вдалеке внезапно заметили огонь. Затем Торкил с несколькими своими людьми сел в лодку и поплыл туда. Чтобы найти дорогу обратно на свой корабль в темноте, он поместил на верхушку мачты самосветящийся драгоценный камень, который взял с собой в путешествие. Руководствуясь светом, Торкил подошел к выступающей скале, в которой были узкие "щели" (зевы), из которых исходил свет. Там тоже была дверь, и Торкил вошел, предварительно попросив своих людей оставаться снаружи.

НАКАЗАНИЕ ЛОКИ.

(С картины М. Э. Винге.)

Локе в скандинавской мифологии был богом разрушения и зла. Его отцом был великан Фарбаути, а матерью - Лафей (Покрытый Листвой Остров), так что у него было две природы, и

поэтому он был одновременно другом и врагом богов. За свои многочисленные злодеяния боги в конце концов схватили его и заковали цепями в отвратительной пещере. В качестве дальнейшего наказания над ним была посажена ядовитая змея, которая пускала слюни на его лицо, которое горело как огонь. Чтобы спасти его от этой пытки, его верная жена Сигн разделила с ним плен и держала чашу для сбора капающего яда, пока Локи не был освобожден во время Рагнарека, когда они с Хеймдалем сражались и убили друг друга. Еще одним отличием его было то, что он был самым красивым из мужских божеств.

Торкил нашел пещеру. У разожженного костра стояли двое необычайно высоких мужчин, которые продолжали чинить огонь. В гроте была внутренняя дверь или ворота, и то, что было видно за этими воротами, описано Саксоном почти теми же словами, что и в его предыдущем описании зала в Настрандах (*устаревшие позиции, на месте париес, грязный тектум, частый ангибус павиментум*). Торкил на самом деле снова видит тот же зал; он просто зашел в него с другой стороны, с севера, где дверь зала выходит на берег (*nordr horfa dyrr—Völuspá*), колонны которого, согласно предыдущему описанию Саксона, покрыты копотью веков. Сажа теперь объясняется огнем, который разводят в гроте за пределами зала, образуя как бы вестибюль. Саксон вызывает двух гигантов, которые тушат пожар, *аквили*.

У Марциана Капеллы, который является образцом Саксона в отношении стиля и лексики, упоминаются личности полубожественного ранга (*гемитеи*), которых называют *аквили* и которые населяют те же регионы, что и души умерших (*ларес* и *ларве* — Марк. глава, i, ii. Сравните P. E. Müller, not., *Hist. Dan.*, стр. 68, 69). Aquilus также имеет значение *темный, смуглый, ледяной. деккр*.

В северной мифологии упоминается особый вид эльфов — черные или смуглые эльфы, *деккальфары*. Они обитают под самым дальним корнем мирового дерева, недалеко от северных врат нижнего мира (*иормунгрудар* и *йодир нирдра*), и их соседями являются турсы и несчастные мертвецы (*наир*—Форспьялльсльд, 25). Гильфагининг также (гл. 17) знает о смуглых эльфах, по крайней мере, то, что они "обитают внизу, на земле" (*буа нидри* и *джорду*). Что касается мифического ранга, цвета кожи и места жительства, то они, следовательно, соответствуют римским *aquili*, и Саксон убедительно и очень правильно использовал это латинское слово, чтобы охарактеризовать их понятным образом.

Два смуглых эльфа, стоявшие на страже у зала Настрандов, естественно, должны были быть удивлены, увидев живого человека, входящего в их грот. Саксо заставляет их принять неожиданного гостя по-дружески. Они приветствуют его, и, когда они узнают цель его визита, один из них упрекает его за опрометчивую смелость его предприятия, но дает ему информацию о пути в Локе и дает ему огонь и топливо после того, как он проверил понимание Торкила и нашел его мудрым человеком. Путешествие, говорит смуглый эльф, может быть совершено за четыре дня быстрого плавания. Как следует из контекста, путешествие на восток. Затем путешественник приходит в место, где не растет ни травинки и над которым нависает еще более густая тьма. Это место включает в себя несколько ужасных скалистых залов, и в одном из них обитает Локе.

На четвертый день Торкил, подгоняемый попутным ветром, добирается до цели своего путешествия. В темноте с трудом различима скальная масса, поднимающаяся из моря

(скопление воды в море), и Торкил останавливается на этом скалистом острове. Он и его люди надевают одежду из кожи такого вида, которая защищает от яда, а затем идут по пляжу у подножия скалы, пока не найдут вход. Затем они разжигают огонь из кремневых камней, что является отличной защитой от демонов; они зажигают факелы и заползают внутрь через узкое отверстие. К сожалению, Саксо дает лишь скудный отчет о том, что они там увидели. Сначала они пришли в пещеру пыток, которая напоминала зал на Настрандах, по крайней мере, в том смысле, что там было много змей и много железных сидений или скамеек, подобных описанным выше. Ручей с медленной водой пересекает вброд. Они прошли через другой грот, который не описан, после чего попали в ужасную тюрьму Лока. Он лежал, связанный по рукам и ногам огромными цепями. Его волосы и борода напоминали роговые наконечники и имели ужасный запах. Торкил вырвал волосок из своей бороды, чтобы забрать с собой в качестве доказательства того, что он видел. Когда он это сделал, по пещере распространилось отвратительное зловоние; и после прибытия Торкила домой оказалось, что волосы из бороды, которые он забрал домой, были опасны для жизни из-за своего запаха (*История. Дан.*, 433). Когда Торкил и его люди вышли за пределы внутренней юрисдикции скалы, они были обнаружены летающими змеями, которые жили на острове (см. Völuspa—*thar saug Nidhögg*, & c., № 77). Одежда из кожи защищала их от яда, который извергался наружу. Но один из мужчин, обнаживших глаза, ослеп. Другому, чья рука высунулась из-под защитной одежды, отрубили ее; а третьему, осмелившемуся обнажить голову, яд отделил ее от шеи, как острым стальным инструментом.

Поэма или сага, которая была авторитетом Саксона для этой истории, должно быть, описывала скалистый остров, на который был закован в цепи Локе, как населенный множеством осужденных существ. Есть по крайней мере три пещеры пыток, и в одной из них много железных скамеек. Это подтверждает, как мы увидим, Вельуспа.

Саксон также говорит, что там была гавань. От Велуспы мы узнаем, что, когда Игдрасиль содрогается при приближении Рагнарека, корабль мертвых, Нагельфар, ложится так, чтобы освобожденный Локе мог подняться на борт. То, что он долгое время стоял пришвартованным в своей гавани, очевидно из того факта, что, по словам Велуспы, затем он "освобождается". Известные руки являются его строителями. Материал, из которого он сделан, - обрезки ногтей мертвецов (Гильфаг., 51 — вероятно, согласно какой-то популярной традиции). Чем меньше уважения к религии, тем меньше уважения к мертвым. Но от каждого человека, которого оставляют непогребенным или кладут в могилу без того, чтобы его, по возможности, помыли, причесали, почистили руки и ноги и позаботились о нем так, чтобы его внешний вид мог послужить благоприятным свидетельством для судей "Дела мертвых" в отношении оставшихся в живых, — от каждого такого человека исходит строительный материал для корабля смерти, который должен доставить войнство разрушителей миров к великому конфликту. Много строительного материала накоплено в последние дни — в "эпоху кинжалов и топоров", когда "мужчины больше не уважают друг друга" (Völuspa).

"Нагельфар" - самый большой из всех кораблей, крупнее Скидбладнера (*Скидбладнир без скипанны ... в Нагельфари эр место пропуска*—Гильфаг., 43). Сам этот факт показывает, что на борту судна будет большое количество людей, когда оно отправится со скалистого острова Локе. Вельуспа говорит:

Ул. 47, 8. Нагельфар лоснар,
ул. 48. Киол ферр остан,
кома муно Муспелльз,
ум лауг лидир,
эн Локи стирир;
фара Фифлс мегир,
мед Фрека аллир,
тейм эр бродир,
Билайпс и фор.

Нагельфар освобождается,
с востока приходит корабль,
войска Муспела
выходят из главного города,
Локи - лоцман;
все потомки Файфела
отправляются с Фрике,
брат Билейпта
с ними в путешествии.

Здесь прямо указано, что "воинство Муспела" находится на борту корабля "Нагельфар", направляемого Локе, после того, как он был "освобожден от швартовов" и отплыл с острова, где были заключены Локе и другие проклятые.

Как это может быть согласовано с доктриной, основанной на авторитете Гильфагининга, о том, что сыны Муспеля являются жителями самой южной области света и тепла, так называемого Муспельхейма Гильфагининга? или с доктриной о том, что Сурт является защитником границ этого царства? или что сыновья Муспеля отправятся под его командованием в конфликт Рагнарек, и что, следовательно, они должны прийти с Юга, что Вельуспа, похоже, также подтверждает словами *Суртр ферр суннан мед свиг лейфи*?

Ответ заключается в том, что одно утверждение не может быть согласовано с другим, и тогда возникает вопрос о том, какой из двух авторитетных источников является подлинным, языческая поэма "Волюспа" или "Гильфагининг", созданная в тринадцатом веке человеком, имевшим смутное представление о мифологии наших предков. Даже самый некритичный приверженец Гильфагинизма, несомненно, без колебаний принял бы решение в пользу "Велуспы", при условии, что эта поэма дошла до нас в чистом виде с языческих времен. Но это явно не тот случай. Поэтому нам нужен третий свидетель, чтобы сделать выбор между этими двумя. Такой свидетель тоже действительно должен быть найден.

В норвежских языческих записях слово *муспелл* встречается только дважды, а именно, в вышеупомянутой строфе "Велуспа" и в Локасенне, 42, где Фрею, отдавшему свой победный меч, Локе угрожает перспективой поражения и смерти *-er Muspellz synir rida Myrcvith yfir*, "когда сыновья Муспелла скачут по Лесу Мрака". Мирквуд упоминается в "Волундарквиде" (1) как лес, через который прилетевшие с Юга девы-лебеди залетали в зимние Ульфдейлы, где за едой гоняются за медведями на лыжах (снегоступах). Очевидно, что это не лес, расположенный рядом с первобытными источниками тепла и огня. Весьма произвольный способ, которым названия мифической географии используются в героических поэмах, где на поверхность выходит Мирквуд, не указывая на то, что этот лес задумывался как расположенный к югу от Мидгарда, и есть, как будет показано ниже, основания предполагать, что Темный Лес - это другое название Железного Леса, известного в мифологии; леса, который, согласно Велуспе, расположен на Востоке, и в котором Ангербода воспитывает детей Лока и Фенрера.

Одним из таких и одним из худших является монстр Ненависти, враг луны, упомянутый в "Велуспе" как *тунглс тиугари*, который совершает вылазки из Железного Леса и "пятнает цитадели правителей кровью". В конфликте Рагнарек Хейт принимает участие и сражается с Тиром (Гильфаг.), и, несомненно, не только он, но и все потомство волка Фенрира, возвращенное в Железном Лесу, находится на поле боя в том подразделении, которым командует Локе, глава их клана. Это также, несомненно, значение следующих слов в приведенной выше строфе из Вельуспы: "Все потомки Файфеля пришли с Фрике (волком), и в компании с ними брат Байлипта (или Байлиста)". Поскольку Локе, Билейпт и Хелблинд упоминаются как братья (Гильфаг., 33), под "братом Билейпта" не может подразумеваться никто другой, кроме самого Локе или Хелейплинда, и, более вероятно, последнее, поскольку уже было указано, что Локе присутствует там в качестве командующего войсками. Таким образом, именно сыновья Маспела и родственники Лока в Железном Лесу собираются вокруг него, когда приближается великий конфликт. Сыновья Муспеля сопровождают освобожденного Локе с его скалистого острова и находятся вместе с ним на борту Нагельфара. Первый пункт назначения Лока - Железный Лес, куда он отправляется за детьми Ангербоды, а оттуда путешествие продолжается "через Мирквуд" к равнине Вигрид. Заявления Вельуспы и Локасенны иллюстрируют и подтверждают друг друга, и из этого следует, что заявление Вельуспы, утверждающее, что сыновья Муспеля происходят с Востока, оригинально и верно.

Гильфагининг рассматривает Муспель как место, царство, изначальный дом огня и тепла (Гильфаг., 5). Тем не менее, здесь не хватает позитива, поскольку земля, о которой идет речь, находится в том же труде под названием *Múspellsheimr* (гл. 5) и *Múspells heimr* (гл. 8), откуда мы можем предположить, что автор рассматривал *Múspell* как означающий одновременно страну огня и сам огонь. Истинная этимология *Заклинания*, вероятно, была так же мало известна в тринадцатом веке, когда был написан "Гильфагининг", как и сейчас. Я не буду говорить о нескольких попытках найти определение этого слова. Все они могут рассматриваться как безуспешные, главным образом, несомненно, по той причине, что заявления Гильфагининга были легли в основу расследования. Как слово, унаследованное от языческих времен, оно встречается в формах *муспелли* и *муспилли* в древнесаксонской поэме "Гелианд" и в древненемецкой поэме о страшном суде, и там оно имеет значение дня Господня, срока осуждения или осуждения. Что касается значения, которое это слово имело у язычников Севера до времен авторов "Велуспы" и "Локасенны", все, что можно сказать с уверенностью, это то, что слово в выражении "Сыновья Муспела" имело особое отношение к мифическим существам, которые должны появиться в Рагнареке, сражаясь там как союзники Локи, то есть на стороне зла против добра; что эти существа были товарищами Локи по заключению на скалистом острове, где он был прикован; и что они сопровождали его оттуда на борту Нагельфара в Египет. война против богов. Поскольку Гильфагининг заставляет их сопровождать Сурта, идущего с Юга, это, должно быть, результат смешения "сыновей Муспеля" с "сыновьями Сурта (Суттунга)".

Более пристальное изучение должно было бы показать, что концепция Гильфагининга о "сыновьях Маспела" сильно расходится с мифической. Под влиянием христианских идей они превращаются в своего рода ангелов света, которые появляются в Рагнареке, чтобы сразиться под командованием Сурта "за победу над всеми идолами" (*сигра олл годин*—Гильфаг. 4) и осуществить наказание всего мира. В то время как Велуспа заставляет их плыть с Локе на корабле Нагельфар, то есть с ужасного скалистого острова в море, над которым нависла вечная тьма, и в то время как Локасенна заставляет их пересечь Лес Мрака, название которого не указывает ни на какую область в царстве света, Гильфагининг говорит нам, что они небесные

существа. Идолы и великаны сражаются друг с другом на равнинах Вигрид; затем небеса внезапно раскалываются надвое, и оттуда выезжают сверкающие отряды "сынов Маспела", и Сурт со своим пылающим мечом во главе филкинггов. Гильфагининг заботится о том, чтобы держать этих благородных всадников подальше от любого контакта с той толпой, которую Локе ведет на поле битвы. Поэтому в нем прямо говорится, что они образуют филкинг сами по себе (*Я думаю, что гни Клофнар химининн, ок риду тадан Муспеллс синир; Суртр ридр фирстр и т.д. ... энн Муспеллс синир хафа эйнир сер филкинг, эр са бьорт мек*—гл. 56). Таким образом, они приходят не для того, чтобы помочь Локе, а для того, чтобы покончить как с идолами, так и с толпой великанов. Старый великан Сурт, который, согласно языческому скальду Эйвинду Скальдаспиллеру, обитает *всекдалире*, в горных гротах глубоко под землей (см. О нем, № 89), в Гильфагининге сначала стал хранителем границ "Муспельхейма", а затем главой небесного воинства. Но на этом его продвижение по службе не заканчивается. В тексте, найденном в Упсальском кодексе, Гильфагининг делает его господином в Гимле, а также королем вечного блаженства. После Рагнарека сказано: "есть много хороших обитателей и много плохих"; *лучше всего быть в Гимле с Суртом (маргар эро вистар готар ог маргар иллар, без эр в вера а Гимле медр сурт)*. Имя Сурт означает "черный". Мы обнаруживаем, что его мрачная внешность не помешала его продвижению по службе, и это было доведено до такой степени, что мифолог, искренне веривший в Гильфагинизм, увидел в нем Всемоущего, который должен прийти после возрождения, чтобы уравнивать и гармонизировать все разногласия и установить священные законы, которые будут господствовать вечно.

При таких обстоятельствах можно предложить в качестве правила критической осторожности не принимать безоговорочно утверждение Гильфагининга о том, что мир света и тепла, существовавший до сотворения мира, назывался Муспель или Муспельхейм. По всей вероятности, это результат собственных размышлений автора. В любом случае, несомненно, что ни в одной другой записи это имя не упоминается. Но то, что мифология предполагала существование такого мира, следует уже из того факта, что источник Урд, дающий мировому древу тепло жизни, должен был иметь там свой самый глубокий источник, точно так же, как Хвергельмер имеет свой источник в мире первобытного холода, а Мимер имеет свой источник в той мудрости, которая объединяет противоположности и заставляет их работать вместе в космическом мире.

Соответственно, мы должны отличать *Заклинателей мегира, Заклинателей синира* от людей из клана Сурта, которых называют *Суртов этт, синиров Суттунга, Суттунгов синир* (Скирнисмаль, 34; Альвиссм., 35). Мы также должны помнить, что *Заклиание* в сочетании со словами *синир* и *мегир* вряд ли может означать землю, царство, регион. Фигура, с помощью которой жители страны называются ее сыновьями или потомками, никогда не встречается, насколько я знаю, в древнейшей скандинавской литературе.

Что касается названий сторон света в поэтической Эдде, *нордан* и *остан*, не следует забывать, что те же самые северные регионы мифической географии, к которым относятся различные события, должно быть, рассматривались исландцами как лежащие к востоку от их собственного северного острова. *Бьярмия потаенная*, в окутанных ночью водах которой мифические искатели приключений искали врата в нижний мир, лежала на крайнем Севере и все еще могла, с исландской, а также с норвежской точки зрения, быть обозначена как земля на Востоке. Согласно сагам, сохранившимся Саксоном, эти искатели приключений плыли в Северный Ледовитый океан, мимо норвежского побережья, на восток, в мифическую Бьярмию, более

отдаленную, чем реальный Бьярмаланд. Таким образом, они могли бы добраться до побережья, где находились врата в нижний мир, и до Настрандов, и если бы они продолжили тот же курс на восток, то смогли бы, наконец, добраться до скалистого острова, где лежал прикованный Локе.

Мы видели, что Локи не один с Сигюн на том острове, где в цепях он пребывает в Рагнарек. С ним было много несчастных существ. Как уже говорилось, Саксон говорит о трех соединенных между собой пещерах пыток, и самая внутренняя из них - Лока. О том, что находится ближе всего к нему, Саксон не говорит ничего, кроме того, что для того, чтобы добраться туда, нужно перейти вброд ручей или реку. О связанном Фенрере, сыне Лока, говорят, что изо рта у него течет пена, образующая реку Фон (Гильфаг., 34). В Локасенне (34) Фрей говорит оскорбительному Локе: "Волк (то есть Фенрер) Я вижу лежащим в устье реки, пока силы мира не вступят в конфликт; если ты не придержишь свой язык, ты, злодей, будешь прикован *рядом с ним*" (*thvi næst*— выражение, которое здесь следует понимать в местном смысле, поскольку определенное место упоминается в предыдущем предложении). И поскольку мы узнаем от Велуспы, что Фрике (волк) находится с Локе на борту Нагельфара, то эти свидетельства показывают, что Локе и его сын прикованы в одном и том же месте. Остров, где был прикован Фенрер, называется в Гильфагининге *Люнгни*, а водоем, в котором расположен остров, называется *Амсвартнир*, подходящее название моря, над которым нависает вечная тьма. На острове, вероятно, исландский автор книги "Волюспа" (или ее переводчик или составитель) представил себе "рощу", деревья которой состоят из струй воды, бьющих из горячих фонтанов (*хвера лундр*). Остров охраняет *Гармр*, гигантский пес, который должен лаять изо всех сил, когда цепи Лока и Фенрера угрожают разорваться:

Гейр Гарм мьек
фюр Гнипахелли
Праздник ман слитна,
эн Фреки ренна.

По словам Гримнерсмаля, Гарм - самая выдающаяся из всех собак. Собак, охраняющих прекрасную цитадель Менглада, также называют Гармами (*Fjölsvinnsmal*). В Гильфагининге это слово также используется по отношению к волку, Ненавидящему Манегарма. *Гнипахеллир* означает пещеру в отвесной скале. Искатели приключений, с которыми Торкил и его люди столкнулись вместе с летающими змеями в связи с наблюдением за Хель-догом, показывают, что Лингве - это место обитания демонов того же вида, что и те, что водятся вокруг врат Нифельхейма.

Связанный по рукам и ногам внутренностями "сына мороза" (Локасенна, 49), которые после надевания на его конечности превращаются в железные цепи (Гильфаг., 54), Локе лежит на оружии (*хиорви*—Локасенна, 49), а под ним лежат три плоских камня, расположенных ребром: один под плечами, один под поясницей и один под окороками (Гильфаг., 54). Над ним Скади, которая должна отомстить за убийство своего отца, подвешивает змею таким образом, что яд падает ничтожеству на лицо. Сигюн, верная своему злому мужу, скорбит рядом с ним (Велуспой) и защищает его, насколько это в ее силах, от яда змеи (Постскриптум к Локасенне, Гильфаг., 54). Фенрер скован мягкой, похожей на шелк цепью Глейпнер, изготовленной подземным художником и принесенной из нижнего мира Хермодом. Это единственная цепь, которая может удержать его, и которая не может быть разорвана до Рагнарека. Его челюсти широко открыты с помощью меча (Гильфаг., 35).

ВЕЛИКАЯ МИРОВАЯ МЕЛЬНИЦА. ЕЕ ОШИБОЧНО ОТОЖДЕСТВЛЯЮТ С МЕЛЬНИЦЕЙ ФРОДЕ.

Нам еще предстоит упомянуть о месте в нижнем мире, которое имеет важное значение для наивной, но, в то же время, проницательной и образной космологии тевтонского язычества. Миф об этом месте, о котором идет речь, утрачен, но он оставил разрозненные следы, с помощью которых можно восстановить его основные очертания.

В поэмах языческих времен говорится о двух чудесных мельницах, большей и меньшей "Гротте"-мельнице.

Тот, что побольше, просто огромен. Штормы и ливни, которые обрушиваются на склоны гор и вызывают их разрушение; морские волны, которые обрушиваются на скалы на берегах, делают их полыми и выбрасывают вещество, таким образом зачерпнутое вдоль побережья, в виде песчаных отмелей; водовороты и течения океана и еще более могущественные силы, которые представлялись древности и которые тлели в более хрупких слоях твердой земной коры и разбрасывали их в виде песка и плесени по "камням зала", чтобы земля могла "зарастить" с зелеными травами" - все это символизировала большая Грот—мельница. И поскольку все символы, подобно молнии, которая становится молотом Тора, в мифологии становятся эпически-прагматическими реалиями, так и этот символ становится для воображения реальной мельницей, которая работает глубоко в море и вызывает явления, которые она символизирует.

Эта большая мельница также называлась *Grædir*, поскольку ее зерном является форма, в которой растет растительность. Поэты христианской эпохи постепенно перенесли это название с мельницы, которая перемалывала на дне моря, на само море.

Малая мельница, как и большая, языческого происхождения — о ней упоминает Эгиль Скаллагримсон, - но она играет более случайную роль и действительно принадлежит к героическим поэмам, связанным с мифологией. Между тем, он сродни великому. Его камни происходят из нижнего мира и были выброшены оттуда для развлечения юными девами-великаншами на поверхность земли. Существо по имени *Хенгикьептр* (женское имя *Хенгикепта* - это великанша — Сн. Эдда, i. 551; ii. 471) делает жернова из этих подземных скал и дарит мельницу королю Фроде Фридлейфсону. Судьба приводит к тому, что те же самые юные великанши, отправившись в Свитиод, чтобы помочь воюющему там королю Гуторму (см. № 38, 39), попадают в плен и продаются в рабство королю Фроде, который заставляет их вращать свою Грот-мельницу, камни которой они узнают с детства. Великанши, которых зовут Феня и Менья, перемалывают на мельнице золото и безопасность для короля Фроде, а также доброжелательность среди мужчин для его королевства. Но когда Фроде, ожесточенный жадностью золота, отказывает им в необходимом отдыхе от их тяжелых трудов, они обрушивают на него огонь и смерть и придают мельнице такую большую скорость, что жернов разлетается на куски, а фундамент разрушается под его тяжестью.

После введения христианства детали мифа о большем, о космологической мельнице, были забыты, и осталось только воспоминание о существовании такой мельницы на дне моря. Воспоминание о малой Гротте-мельнице, с другой стороны, по крайней мере частично

сохранилось в деталях в песне, которая продолжала процветать и которая была записана в Скальдскапармале.

Теперь обе фабрики считались идентичными, и возникла традиция, объясняющая, как они могли быть такими.

Вопреки утверждениям песни, традиция повествует, что мельница не развалилась на куски, а стояла целой и невредимой, когда исполнилось проклятие служанок-великанов, наложенное на Фроде. В ночь, следующую за днем, когда они начали молоть несчастье на Фроде, пришел морской король Мизинг и убил Фроде, и забрал, среди прочей добычи, также Гротте-мельницу и обеих рабынь, и перенес их на борт своего корабля. Майсинг приказал им молоть соль, и они продолжали это делать до следующей полуночи. Затем они спросили, не насытился ли он, но он приказал им продолжать измельчать, и так они делали до тех пор, пока корабль вскоре после этого не затонул. Таким образом, традиция объясняла, как мельница оказалась на дне моря, и там мельница, принадлежавшая Фроде, приобрела качества, которые изначально принадлежали огромной Грот-мельнице из мифологии. Скальдскапармаль, который рассказывает об этой традиции, а также о песне, не обращая внимания на расхождения между ними, добавляет, что после того, как мельница Фроде затонула, "в море образовался водоворот, вызванный тем, что вода вытекла через отверстие в жернове, и с тех пор море стало соленым".

80.

МИРОВАЯ МЕЛЬНИЦА (продолжение).

С отчетливым осознанием своего символического значения большая мельница упоминается в строфе скальда Снебьерна (Скальдскап., гл. 25). Эта строфа, по-видимому, принадлежала к стихотворению, описывающему путешествие. "Говорят, - читаем мы в этой строфе, - что *девять женщин* Эйлюдра яростно вырыли опасный для человека грот в шхерах у края земли и что эти женщины долго перемалывали *крышку* Амлоде".

Hvat kveda hræra Grotta
hergrimmastan skerja
ut fyrir jardar skauti
Eyludrs níu brúdir:
thær er .. fyrir laungu
lid-meld

.....

... Амлода молу.

К эпитету *Эйлюдр* и к значению *крышки*- в *крышке*-гриста я вернусь ниже. В строфе говорится, что мельница находится в движении на краю земли, что ее вращают девять служанок-великанов (для мельницы меньшего размера двух было более чем достаточно), что они долго мололи на ней, что она находится *в шхерах*, очень опасных для мореплавателей, и что из нее получается своеобразный хрящ.

На то же самое указывает эпизод из "Саксона", где он рассказывает сагу о датском принце Амлетусе, который из-за обстоятельств в своем доме был вынужден притвориться

сумасшедшим. Молодые придворные, сопровождавшие его на прогулке по берегу моря, показали ему песчаную отмель и сказали, что это еда. Принц сказал, что он знал, что это так: он сказал, что это "мука с мельницы бурь" (*Hist. Dan.*, 141).

Миф о космической Грот-мельнице был тесно связан частично с мифом о судьбе Имера и других первобытных гигантов, а частично с мифом о фонтане Хвергельмера. Вафтруднерсмаль (21) и Гримнерсмаль (40) говорят нам, что земля была сотворена из плоти Имера, камни - из его костей, а море - из его крови. Под землей здесь подразумевается, в отличие от горных пород, плесень, песок, которые покрывают твердую почву. Вафтруднерсмаль называет Имера *Аургельмиром*, Клейгельмером или Молдгельмером; а Фьельсвиннсмаль дает ему эпитет *Лейрбримир*, Клейбример, что предполагает, что его "плоть" превратилась в рыхлую землю, в то время как кости превратились в камни. Потомки Имера, первобытные гиганты, Труджельмер и Бергельмер погибли вместе с ним, и "плоть" их тел, выброшенная в первобытное море, тоже превратилась в плесень. Что касается Бергельмера, то в этом нас убеждает 35-я строфа из "Вафтруднерсмаля", которая также сообщает нам, что Бергельмер был *брошен под жернов*. Мельница, перемалывающая его "плоть" в форму, не может быть никем иным, как той, что перемалывается под водой, то есть космической Грот-мельницей.

Когда Один спрашивает мудрого великана Вафтруднера, как давно он это помнит и какое самое древнее событие, о котором он знает из личного опыта, великан отвечает: "За бесчисленные века до того, как сформировалась земля, родился Бергельмер. Первое, что я помню, - это когда онвар людр ум лагидр."

Это выражение было неправильно понято самим автором "Воображения Гильфагена", и это непонимание продолжало перерастать в теорию о том, что Бергельмер превратился в своего рода Ноя, который вместе со своей семьей спасся в ковчеге, когда сыновья Бура утопили первобытных гигантов в крови их прародителя. О подобном аналоге библейского повествования о Ное и его ковчеге наши фрагменты тевтонских мифов вообще ничего не знают.

Слово *lúdr* (с радикалом *r*) имеет два значения: (1) духовой инструмент, настил, боевая труба; (2) ряд балок, лежащих в основе бревен мельницы, и, в более широком смысле, сама мельница.

Первое значение, означающее военную трубу, не встречается в песнях Старшей Эдды и в целом не встречается в древнескандинавской поэзии. Боевая труба Хеймдала называется *nelúdr*, а *рожок* или *хлод*. *Lúdr* в этом смысле впервые появляется в сагах христианских времен, но никогда не используется скальдами. Несмотря на этот факт, значение может восходить к языческим временам. Но как бы то ни было, *lúdr* на языке Вафтруднерсмаля не означает боевую трубу. Это стихотворение никогда не могло означать, что Бергельмер был положен на музыкальный инструмент.

Другое значение еще предстоит обсудить. *Lúdr*, частично в более ограниченном значении бревен или балок под мельницей, частично в смысле подземной мельницы в целом и места, где она находится, встречается в стихотворениях несколько раз: в "Песне о гроте", в "Хельге Хунде" (ii. 2) и в процитированной выше строфе Снебьерна, а также в "Грогалдере" и "Фьельсвиннсмале". Если это значение применить к отрывку из *Vafthrudnersmal*: *á var lúdr um lagidr*, мы получим значение, что Бергельмера "положили на мельницу", и фактически никакое другое значение отрывка невозможно, если только не будет произвольно изобретено совершенно новое значение.

Но каким бы очевидным ни было это значение и как бы ясно ни было, что оно единственное, применимое в этой поэме, мифологи все же упустили его из виду или отбросили в сторону, и в этом виновато Гильфагинирование. Насколько я знаю, Вигфуссон - единственный, кто (в своем Словаре, стр. 399) переводит отрывок "*людр лагидр*" значении того, что он на самом деле означает, и он отмечает, что эти слова, должно быть, "относятся к какому-то древнему утраченному мифу".

Путаница начинается, как уже говорилось, с Гильфагининга. У его автора не было другого источника для своего утверждения, кроме рассматриваемой строфы Вафтруднерсмаля, которую он также цитирует в подтверждение своих собственных слов; и здесь мы имеем один из многих примеров, найденных в "Гильфагининге", показывающий, что его автор пренебрег вниманием к тому, что содержат цитируемые отрывки. Когда Гильфагининг утверждает, что ледяные великаны были утоплены в крови Имера, далее следует его интерпретация строфы Вафтруднерсмаля, которая звучит следующим образом: "Один спасся со своими домочадцами: его великаны называют Бергельмер. Он со своей женой отправился на свой *людр* и остался там, и от них произошли расы гигантов" (*нема эйнн комст ундан мед сину хыски: танн калла етнар Бергельми; ханн фор упп а лудр синн ок кона ханс, ок хельзт тар, ок эру аф тейм комнар*) и др.

Что автор Gylfaginning имел в виду под *лудром*, о котором он упоминает, трудно сказать. То, что он не имел в виду лодку, между тем очевидно из выражения: *hann fór upp á lúdr sinn*. Разумнее предположить, что его идея заключалась в том, что сам Бергельмер владел огромной мельницей, на высокие бревна которой он и его домочадцы забрались, чтобы спастись от наводнения. Гильфагининг не обращает внимания на то, что в оригинальном тексте говорится, что Бергельмер был *уложен* на бревна мельницы. Идти на что-то и быть положенным на что-то - это, однако, очень разные понятия.

Аргумент в пользу неправильной интерпретации был представлен ресенианским изданием Младшей Эдды (Копенгаген, 1665). Там мы находим выражение *fór upp á lúdr sinn* "измененное" на *fór á bát sinn*. Таким образом, Бергельмер раздобыл лодку для плавания; и хотя с тех пор, как исчезла лодка, были опубликованы более достоверные издания Младшей Эдды, у мифологов все еще не хватило духу отобрать лодку у Бергельмера. Напротив, они позволили лодке вырасти в корабль, в ковчег.

Как уже указывалось, Вафтруднерсмаль прямо сообщает нам, что Бергельмера, внука Аургельмера, "положили на мельницу" или "на поддерживающие бревна мельницы". Мы можем быть уверены, что миф не отправил бы Бергельмера на "мельницу", если бы его не собирались перемалывать. Вид муки, получаемой таким образом, уже объяснялся. Это плесень и песок, которые море с самого раннего рассвета бросало на берега Мидгарда и которыми были заполнены бухты и мели, чтобы рано или поздно превратиться в зеленые поля. Из плоти Имера боги создали самый древний слой почвы, тот, который покрывал землю в первый раз, когда на нее засияло солнце, и на котором выросли первые травы. С тех пор та же самая деятельность, которая имела место тогда, продолжается до сих пор. После того, как великая мельница богов превратила старейшего ледяного великана в земную пыль, она продолжала перемалывать тела его потомков между теми же камнями в ту же форму. В этом смысл слов Вафтруднера, когда он говорит, что его память восходит к тому времени, когда Бергельмера положили на мельницу для помола. Он не помнит ни Имера, ни Труджелмера, ни тех дней, когда они были заменены на

землю. О них он знает только понаслышке. Но он помнит, когда пришла очередь конечностей Бергельмера постигнуть та же участь.

"Славный Мидгард" не мог быть создан до тех пор, пока его фундамент, поднятый богами из моря, не был изменен на *бьод* (Волюспа). Это слово (первоначально *bjódr*), с помощью которого автор "Велуспы" выбрал для обозначения качества полей и самих полей, которые были подняты из моря сыновьями Бора, когда огромная мельница превратила "плоть" Имера в плесень. Бьод означает не голое поле или землю, а ту, которая может обеспечить нас пищей. Таким образом, оно используется в Хаустлаунге (*af breidu bjódi*, место для широкого пиршества — Скальдскапармал, гл. 22), а его другие значения (возможно, более оригинальные) - это доска и стол, на котором лежит еда. Когда поля были выращены из крови Имера, они покрылись плесенью, так что, когда они получили свет и тепло от солнца, *grund* стал *gróin grænum lauki*. Само слово *плесень* происходит от тевтонского слова *mala*, перемалывать (ср. англ. *мука*, лат. *molere*). Развитие языка и мифологии здесь, как и во многих других случаях, шли рука об руку.

То, что "плоть" первобытных гигантов могла быть измельчена в плодородную форму, отсылает нас к первобытной корове Аудумбла, чьим молоком питался Имер и формировалась его плоть (Гильфагининг). Таким образом, корова в тевтонской мифологии - это то же самое, что и в иранской, первобытный источник плодородия. Плесень, из которой вырастает урожай, путем трансформаций развилась из ее питательных жидкостей.

Таким образом, здесь мы имеем объяснение *лидмельдра*, который, согласно Снебьорну, перемалывает большая мельница. *Lidmeldr* означает "хрящ для конечностей". Это конечности и суставы первобытных гигантов, которые на мельнице Амлоуда превращаются в муку.

По своему характеру как учреждения, способствующего повышению плодородия и делающему поля пригодными для проживания, мельница находится под опекой и защитой Фургонов. После того, как сын Ньерда, Фрей, получил воспитание в Асгарде и приобрел достоинство повелителя урожаев, именно он стал хозяином великого Грота. На нем от его имени присутствует один из его слуг, которого в мифологии зовут *Биггвир*, имя, связанное как с *byggja*, поселяться, возделывать, так и с *bygg*, ячменем, разновидностью зерна, а также с его родственницей и помощницей Бейлой. Призвание Бигвера и Бейлы настолько важно, что им разрешается присутствовать на праздниках богов вместе со своим хозяином (Фреем). Следовательно, они присутствуют на пиру, на который Эгир, согласно Локасенне, пригласил богов. Когда Локи без приглашения явился туда, чтобы подмешать вред в мед богов и омрачить их удовольствие, и когда он там насмехается над Фреем, Бигвер разгневался за своего господина и сказал:

Ул. 43.

Вейзту, ef es эт эттак
сем Ингунар-Фрейр
от сва селикт сетр,
мерги смерал та эк
майнкрако
от лемта алла и лито.

Будь я предком
Ингунара Фрея
и занимай я столь почетное
место,
знай, я размолот бы тебя
лучше, чем костный мозг,
злая ворона,
и раздавливал бы тебя на

части.

Вот ответы:

стр. 44.	Хвать за это литлу , за то, что лауггра сек от снапвиста снапира; от Фрейса мунду, за веру от и до кверном клака.	Что это за маленький мальчик, которого я вижу, виляющим хвостом и поедающим, как паразита? Рядом с ушами Фрея всегда ты и стучишь под жерновом.
----------	--	---

Бигвер.

ул. 45.	Бейгвир эк хейти, энн мик братан кведа, божий аул ок гумар: спасибо им за ее гродугр, в дрекке Хропц мегир, аллир аул саман.	Мое имя Бигвер, Все боги и люди называют меня проворным, и вот моя гордость, что каждый из сыновей Одина и все они пьют эль.
---------	---	---

Локе.

стр. 46.	тьеги ту, Бейгвир! ту куннир алдреги дейла мет менном мат.	Молчи, Бигвер! Никогда ты не мог разделить пищу между мужчинами.
----------	--	---

Бейла тоже получает свою долю оскорблений Лока. Наименее позорная вещь, которую он говорит о ней, - это то, что она *дейгия* (рабыня, которая должна работать на мельнице и на кухне), и что она покрыта следами своего занятия в виде пыли и грязи.

Как мы видим, Локи характеризует Бигвера как слугу, управляющего мельницей Фрея, а Бигвер характеризует себя как того, кто перемалывает и способен раздавить "злую ворону" конечность за конечностью своими жерновами. Поскольку тот, кто с помощью своей мельницы делает возможной зелень, а значит, хлеб и солод, он хвастается тем, что боги могут пить эль на пиру, как свою честь. Локе обвиняет его в том, что он не в состоянии разделить пищу между людьми. Упрек подразумевает, что распределение пищи находится в его руках. Плесень, поступающая с большой мельницы, придает разную степень плодородия разным полям и щедро или скупко вознаграждает труд земледельца. Локе, несомненно, намекает на это неравное распределение, иначе было бы невозможно найти какой-либо смысл в его словах.

В поэтической Эдде у нас все еще есть другое упоминание о большой мельнице, которая находится под морем и в то же время в нижнем мире (см. Ниже) и которая "перемалывает плесень в пищу". Это есть в поэме, скальд которой говорит, что видел это во время своего путешествия в нижний мир. В своем описании "дома пыток" в Аиде христианский автор Соларлджода взял все свои материалы из языческих мифологических представлений о мирах наказания, хотя автор обращается с этими материалами в соответствии с христианской целью

своей песни. Когда скальд умирает, он входит во врата Ада, пересекает кровавые ручьи, сидит девять дней в *норна-столи*, после чего садится на коня и ему разрешается совершить путешествие по владениям Мимера, сначала в страны счастливых, а затем в страны проклятых. Во владениях Мимера он видит "солнечного оленя" и сыновей Нида (Мимера), которые "пьют чистый мед из колодца Баугрегина". Когда он приблизился к границам мира проклятых, он услышал ужасный грохот, который заставил замолчать ветры и остановил течение вод. Могучий грохот исходил от мельницы. Ее камни были мокрыми от крови, но полученная крупа была плесенью, которая должна была стать пищей. Непостоянные (*свипвизарские*, языческие) женщины со смуглой кожей крутили мельницу. Их окровавленные и измученные сердца торчали из груди. Плесень, которую они мололи, предназначалась для пропитания их мужей.

Эта мельница, расположенная у входа в ад, представлена здесь как одно из орудий пыток в нижнем мире. В определенной степени это верно даже с языческой точки зрения. Вращать ручную мельницу было уделом рабынь. В героической поэме великанши Феня и Меня, взятые в плен и ставшие рабынями, должны вращать Грот Фроде. В мифологии "Девять женщин Эйлуда", служанки-турсы, были вынуждены поддерживать в движении этот огромный механизм, и то, что это считалось тяжелой и обязательной задачей, можно предположить без риска ошибиться.

Согласно Соларлджоду, жернова окрашены кровью. В мифологии они дробят тела первых великанов и вращаются в крови Имера. Это также прекрасно согласуется с мифологией о том, что еда превращается в плесень, а плесень служит пищей. Но космическое значение стирается в Solarljod, и, по-видимому, идея автора заключается в том, что мужчины, умершие в своей языческой вере, должны есть плесень, которую женщины, умершие в языческом мире, усердно перемалывают для них в пищу.

Миф о большом Гроде, как уже указывалось, также был связан с мифом о хвергельмерах. Соларлджод правильно указал местоположение мельницы на границе царства пыток. Мифология поместила там фонтан Хвергельмера (см. № 59); и поскольку этот огромный фонтан является матерью океана и всех вод, а также вечно открытой связью между водами неба, земли и нижнего мира, то это дает объяснение явно противоречивым утверждениям о том, что мельница расположена как в нижнем мире, так и одновременно на дне моря. О мельнице говорят, что она опасна для людей, опасна для флота и экипажей, и что она вызывает водоворот (*sveigr*), когда вода океана устремляется вниз через проушину жернова. То же самое было сказано о Хвергельмере, который вызывает приливы, наводнения и водовороты, когда вода всего мира попеременно впадает в этот великий источник и вытекает из него. Судя по всему, мельница была задумана таким образом, что бревна ее фундамента стояли на твердой земле в нижнем мире, а оттуда поднимались в море, в котором находились камни, лежащие на этом основании. Вращающееся "око" мельничного жернова находилось прямо над Хвергельмером и служило каналом, по которому вода текла к великому источнику мировых вод и обратно.

81.

МИРОВАЯ МЕЛЬНИЦА (*продолжение*). МИРОВАЯ МЕЛЬНИЦА ЗАСТАВЛЯЕТ ВРАЩАТЬСЯ СОЗВЕЗДИЯ. MUNDILFÖRI.

Но колоссальная мельница в океане служила и другим целям, помимо перемалывания питательной плесени с конечностей первобытных гигантов.

Германцы, как и все люди древности и как большинство людей нашего времени, считали землю неподвижной. И так же обстоит дело с нижним миром (*jormurgrundr*—*Forspallsljod*), на котором покоились основы земли. Неподвижным было также то небо, на котором у асов были свои цитадели, окруженные общей стеной, ибо мост Асгарда, Бифрост, имел прочную перемычку на южном и другую на северном краю нижнего мира и не мог менять своего положения по отношению к ним. Вся эта часть творения была скреплена неподвижными корнями мирового древа или покоилась на его невидимых ветвях. У Солнца и Гривы были свои фиксированные пути, пунктами отправления и прибытия которых были "конные врата" (*джодирр*), которые были подвешены на восточной и западной горных стенах нижнего мира. Считалось, что бог Мане и богиня Сол пересекали эти пути в сияющих колесницах, и их ежедневные путешествия по небесам для наших предков не означали, что какая-либо часть самой структуры мира находится в движении. Курс Гривы лежал ниже Асгарда. Когда Тор на своей громовой колеснице спускается в Йотунхейм, под ним гремит тропа Гривы (*en dundi Mána vegr und Meila brodur*—*Haustl.*, 1). Ни одно определенное утверждение в наших мифических записях не сообщает нам, проходил ли путь солнца над Асгардом или под ним.

Но высоко над Асгардом находится звездный небесный свод, и для германцев, как и для других народов, это небо было не только оптическим, но и реальным сводом, который ежедневно вращался вокруг неподвижной точки. Солнце и Гриву можно было бы рассматривать как пересекающие свои назначенные пути независимо, а не как соприкасающиеся со сводами, которые своими движениями с востока на запад производили движение солнца и луны. Само то обстоятельство, что они постоянно меняли положение по отношению друг к другу и к звездам, казалось, доказывало, что они двигались независимо по своим собственным курсам. С бесчисленными звездами дело обстояло иначе. Они всегда держатся на одном и том же расстоянии и всегда изображают одни и те же фигуры на пологие ночного неба. Они были похожи на блестящие шляпки гвоздей, вбитых в подвижный потолок. Поэтому считалось, что звездное небо находится в движении. Моряки и пастухи германцев очень хорошо знали, что это вращение происходило вокруг неподвижной точки, полярной звезды, и вполне вероятно, что *веральдар нагли*, мировой гвоздь, мировой шип, выражение, сохранившееся у Эддубротта, ii., обозначает полярную звезду.

Таким образом, звездное небо было подвижной частью Вселенной. И это движение не того же рода, что движение ветров, приход и направление которых ни один человек не может предсказать или рассчитать. Движение звездного небосвода определено, всегда одно и то же, всегда в одном и том же направлении, и идет вровень с ходом самого времени. Следовательно, это не зависит от случайного удовольствия богов или других сил. С другой стороны, это, по-видимому, вызвано механизмом, работающим равномерно и регулярно.

Долгое время мельница была единственным механизмом большого масштаба, известным германцам. Ее механизм был вращательным. Подвижный жернов вращался с помощью ручки или размаха, который назывался *möndull*. Жернова и *мендул* можно было представить себе сколь угодно большими. Фантазия не знала иных пределов, кроме пределов Вселенной.

Существовало еще одно природное явление, которое также было регулярным и которое было хорошо известно морякам Севера и тем германцам, которые жили на берегах Северного моря, а именно приливы и отливы. Вызвала ли одна и та же сила оба этих великих явления? Вызвала ли одна и та же причина движение звездного свода и приливы и отливы на море? Что касается

последнего явления, мы уже знаем наивное объяснение, данное в мифе о Хвергельмере и Грот-мельнице. И того же объяснения было достаточно для первого. Не было необходимости в другом механизме, чтобы заставить небеса вращаться, поскольку он уже был под рукой, влияние которого можно было проследить по всему океану, в котором Мидгард был просто островом, и который вокруг этого острова простирает свою поверхность даже до края небес (Гильфагининг).

Мифология знала человека по имени *Мундильфери* (Vafthr., 23; Гильфаг.). Слово *mundill* связано с *möndull* и, предположительно, является лишь другой формой того же слова. Имя или эпитет *Mundilfore* относится к существу, которое имело какое-то отношение к великому мифическому *мундуллу* и к движениям механизма, который этот *мундул* приводил в движение. Так вот, слово *möndull* никогда не используется в древнескандинавской литературе по отношению к какому-либо другому предмету, кроме щетки или ручки, с помощью которой вращается подвижный жернов. (В этом смысле это слово встречается в "Песне о гроте" и в "Хельге Хунде". ii., 3, 4). Таким образом, Мундильфор сыграл определенную роль в отношении великой гигантской мельницы океана и нижнего мира.

О Мундильфоре, с другой стороны, мы узнаем, что он является отцом личного Солнца и личной Гривы (Vafthr. 23). Это, опять же, показывает, что мифология воспринимала его как тесно связанного с небесами и с небесными светилами. Вигфуссон (Dict., 437), следовательно, с полным основанием отметил, что *мундилл* в *Mundilfore* относится к *повороту или вращению небес*. Как отец Сола и Мане, Мундильфор был существом божественного ранга и как таковой принадлежал к силам нижнего мира, где у Сола и Мане есть свои обители и места упокоения. Последняя часть имени, *föri*, отсылает к глаголу *færa* вести, двигаться. Таким образом, он является той силой, которая должна управлять вращениями звездного свода небес, и производить их должен великий *мендулл*, черенок мельницы или подметальщик, поскольку его зовут *Мундильфери*.

Регулярное движение звездного небосвода и моря, соответственно, производится одним и тем же огромным механизмом, Грот-мельницей, *мегинверком* языческой фантазии (Grotte-song, 11; ср. способ употребления этого слова Эгилем Скаллаgrimсоном, Arnibj.-Драпа, 26). Ручка тянется к краю мира, и девять великанш, которые вынуждены вращать мельницу, толкая перед собой стреловидную махину, маршируют по внешнему краю вселенной. Таким образом, мы получаем понятное представление о том, что имеет в виду Снебьерн, когда он говорит, что девять женщин Эйлуда вращают Грот "по краю земли" (*храра Гротта в фиррир джардар скауту*).

Таким образом, у каждого Мундильфора и Бигвера есть своя задача, которую он должен выполнить в связи с одним и тем же обширным механизмом. Один следит за регулярным движением *мельницы*, другой присматривает за жерновами и зерном.

В имени Эйлуд первая часть - *эй*, а вторая часть - *лудр*. Название означает "островная мельница". Девять женщин Эйлуда - это "девять женщин острова-мельницы". Мельница упоминается в той же строфе под названием *skerja Grotti*, Грот шхер. Эти выражения отсылают друг к другу и разными словами обозначают одну и ту же идею — мельницу, перемалывающую острова и шхеры.

Судьба, которая, согласно песне Гротте, постигла мельницу короля Фроде, берет свое начало в мифе о большой мельнице. Наклонное положение звездного неба и наклонный путь звезд по отношению к горизонтальной линии были проблемой, которую по-своему хотела решить

мифология. Это явление было поставлено в связь с мифическими традициями о страшной зиме, которая посетила землю после того, как боги и сыновья Альвальде (Ivalde) стали врагами. Феня и Менья были родственницами сыновей Альвальде. Ибо они были братьями (сводными братьями) тех горных великанов, которые были отцами Фенджи и Менджи (песня Гротте). До того, как между их родом и богами вспыхнула вражда, обе великанши-служанки трудились на благо последних и всего мира, перемалывая благословения золотого века на мировой мельнице. Их деятельность в связи с великим механизмом мондул, который они приводили в движение под пение приносящих блаженство колдовских песен, была аналогом деятельности сыновей Альвальде, которые создавали для богов сокровища растительности. Когда разразился конфликт, великанши присоединились к делу своих сородичей. Они привели мировую мельницу в такое быстрое движение, что задрожали основания земли, куски жерновов были отломаны и выброшены в космос, а подструктура мельницы была повреждена. Это не могло произойти без ущерба для звездного небесного покрова, который покоился на нем. Воспоминание об этом мифическом событии всплывает на поверхность в книге Римбегла, в которой говорится, что к концу правления короля Фроде в природе произошел ужасный беспорядок — над страной пронесся шторм с могучими раскатами грома, земля содрогнулась и выбросила большие камни. В песне о Гротте то же самое событие упоминается как "игра", в которую играли Феня и Менья, в ходе которой они бросали из глубины на землю те камни, которые впоследствии стали жерновами в Гротте-мельнице. После этой "игры" великанши отправились на землю и приняли участие в первой мировой войне на стороне, враждебной Одину (см. № 39). Следует отметить, что мифология связывает зиму фимбул и великое переселение народов с Севера с землетрясением и повреждением мировой мельницы, которая заставляет вращаться звездное небо.

82.

МИРОВАЯ МЕЛЬНИЦА (*продолжение*). ПРОИСХОЖДЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ ЧЕРЕЗ МУНДИЛЬФОРЕ. ХЕЙМДАЛЬ - ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ. ЕГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С АГНИ ИЗ РИГВЕДЫ. ЕГО АНТИТЕЗА, ЛОКЕ, ТАКЖЕ ОГНЕННОЕ СУЩЕСТВО.

Среди задач, которые предстоит выполнить мировой фабрике, есть еще одна, имеющая величайшую важность. Согласно верованию, зародившемуся в древние арийские времена, о чистоте и святости огня следует судить по его происхождению. Существуют различные виды огня, более или менее чистого и святого, и огонь, который является святым по своему происхождению, может испортиться при контакте с неподходящими элементами. Чистейшим огнем, тем, что изначально было зажжено богами и впоследствии было дано человеку как бесценное благословение, как узы союза между высшим миром и человечеством, был огонь, который добывался трением двух предметов друг о друга (трение). В сотнях отрывков это подтверждается в Ригведе, и эта вера все еще существует среди простых людей различных тевтонских народов. Огромная мельница, вращающая звездные небеса, была также могучей теркой, из которой естественным образом должен был исходить священный огонь, и считалось, что он действительно исходил, как будет показано ниже.

Слово *möndull*, которым обозначается ручка мельницы, встречается у наших древних арийских предков. Это можно проследить до древней тевтонской *мантулы*, дерева-качели (Fick, *Wörterb um. ind. -germ. Spr.*, iii. 232), относящийся к Санскр. *Мантхати*, размахивать, скручивать,

сверлить, от корня *мант*, который встречается во многих отрывках Ригведы и в своем прямом применении всегда относится к добыванию огня трением (Бергейн, *Рел. вед.*, iii. 7).

В Ригведе священный огонь олицетворяется "чистым", "праведным", "доброжелательным" богом *Агни*, само имя которого, родственное латинскому *ignis*, обозначает бога огня. Согласно Ригведе, было время, когда Агни жил скрыто как от богов, так и от людей, как элемент света и тепла, присутствующий во всех существах и вещах. Затем было время, когда он лично обитал среди богов, но еще не среди людей; и, наконец, было время, когда *Матарихван*, священное существо и отец Агни в буквальном или символическом смысле, привел к тому, что Агни пришел к нашим отцам (Ригведа, i. 60, 1). Поколение людей, живших тогда, было расой бхригуйцев, названных так в честь древнего патриарха Бхригу. Этот Бхригу, а вместе с ним и Ману (*Manus*), были первыми людьми, которые в своих жертвоприношениях богам использовали огонь, полученный через Агни (Rigv., i. 31, 17 и другие отрывки).

Когда по наущению Матаричвана Агни прибыл к человечеству, он пришел из далекой области (Ригведа, i. 128, 2). Бхригуйцы, которые еще не обладали огнем, но жаждали его и искали (Ригведа, x. 40, 2), нашли вновь прибывшего Агни "при слиянии вод". В прямом смысле "слияние вод" не может означать ничего иного, кроме океана, в который впадают все воды. Так Агни пришел издалека, через море, к побережью страны, где жил тот народ, который был назван в честь патриарха Бхригу. Когда они встретили этого посланника богов (Ригв., viii. 19, 21), они усыновили его и заботились о нем в "месте воды" (Ригв., ii. 4, 2). *Матаричван*, по указанию которого Агни, "рожденный на другой стороне атмосферы" (x. 187, 5), был принесен человечеству, становится в классическом санскрите обозначением ветра. Таким образом, все указывает на то, что Агни пересек широкий океан и был принесен ветром, когда он прибыл к побережью, где живут бхригуи. Он очень молод и поэтому носит эпитет *явишта*.

Теперь мы должны понять, почему боги послали его к людям и что он делает среди них. Он остается среди тех, кто заботится о нем, и обитает среди них "бессмертным среди смертных" (Ригв., viii. 60, 11; iii. 5, 3), гостем среди людей, спутником смертных (iv. 1, 9). Тот, кто пришел с бесценным даром огня, надолго остается лично среди людей, чтобы "мудрый среди невежд" мог просвещать их. Тот, кто "знает всю мудрость и все науки" (Rigv., iii. 1, 17; x. 21, 5), "пришел, чтобы люди задавали ему вопросы" (i. 60, 20); он учит их, и "они слушают его, как отца" (i. 68, 9). Он становится их первым патриархом (ii. 10, 1) и их первым священником (ст. 9, 4; x. 80, 4). До этого времени они вели кочевой образ жизни, но он научил их строить постоянные жилища вокруг очагов, в которых теперь горел огонь, который он принес (iii. 1, 17). Он посетил их в этих стационарных жилищах (iv. 1, 19), где теперь бхригуйцы разжигают огонь (x. 122, 5); он стал "мужем жен" (i. 66, 4) и прародителем человеческих потомков (i. 96, 2), через которых он является основателем классов или "рас" людей (vi. 48, 8). Он установил порядок во всех человеческих делах (iv. 1, 2), преподавал религию, учил людей молиться и приносить жертвы (vi. 1, 1 и многие другие отрывки), посвятил их в искусство поэзии и дал им вдохновение (iii. 10, 5; x. 11, 6).

Это рассказывается об Агни, когда он пришел на землю и жил среди людей. Что касается его божественной природы, то он чистый, белый бог (iv. 1, 7; iii. 7, 1), молодой, сильный, с блестящими золотыми зубами (ст. 2, 2) и пронзительными глазами (iv. 2, 12), которые могут видеть далеко (vii. 1, 1), проникать сквозь ночную тьму (i. 94, 7) и наблюдать за действиями демонов (x. 87, 12). Он, страж порядка (i. 11, 8), всегда внимателен (i. 31, 12) и защищает мир

днем и ночью от опасностей (i. 98, 1). Следуя круговым путем, он наблюдает за всеми вещами (vii. 13, 3), видит и знает их все (x. 187, 4). Он воспринимает все, будучи способным проникать в травы и рассеиваться в растениях и животных (vii. 9, 3; viii. 43, 9; x. 1, 2). Он слышит всех, кто молится ему, и может сделать так, чтобы его услышали, как если бы у него был голос грома, так что обе половины мира вторили его голосу (x. 8, 1). Его лошади, как и он сам, белые (vi. 6, 4). Его символом среди животных является бык (i. 31, 5; i. 146, 2).

Что касается рождения Агни, то для него характерно, что, как говорят, у него было несколько матерей, хотя их количество варьируется в зависимости от точки, с которой рассматривается процесс рождения. Когда это всего лишь образное выражение происхождения огня трением, исполнитель гимна может сказать, что у Агни было десять матерей или две матери. В первом случае имеются в виду десять пальцев человека, добывающего огонь трением. Иногда об этом говорится прямо (Ригведа, iii. 23, 3); тогда пальцы снова перефразируются словами "дважды пять сестер, живущих вместе" (iv. 6, 8), "десять неутомимых служанок мастера" (i. 95, 1). В последнем случае, то есть когда упоминаются две матери, имеются в виду два куса дерева, трущиеся друг о друга (viii. 49, 15). В более реальном смысле говорят, что у него есть три места рождения: одно в атмосферном море, одно на небесах и одно в водах (i. 95, 3), и что его "великая, мудрая, божественная природа произошла от колен многих активных матерей" (i. 95, 4), таких как вода, камни, деревья, травы (ii. 1, 1). В Ригведе (x. 45, 2) указаны девять материнских утроб, или рождений; его "тройственные силы были посеяны тройнями на небесах, среди нас и в водах". В Ригведе (i. 141, 2) ему приписываются три места рождения, причем таким образом, что при его втором рождении у него было семь матерей. В Ригведе (x. 20, 7) он назван сыном скалы.

Едва ли нужно указывать, что все, что здесь рассказано об Агни, пункт за пунктом соответствует тевтонскому мифу о Хеймдале. Здесь, как и во многих других примерах, мы находим сходство между тевтонскими и арийско-азиатскими мифами, что удивительно, если учесть, что различие между языками Ригведы и зенда, с одной стороны, и древнейшими тевтонскими лингвистическими памятниками, с другой, появляется в связи с другими обстоятельствами, указывающими на то, что древнеарийское единство языка и религии уходит корнями в глубокую древность. Рождение Агни "за пределами атмосферы", его путешествие через море к первобытному человеку в диком состоянии, его призвание сеятеля благ культуры среди людей, его появление в качестве учителя мудрости и "наук", его посещение основанных им ферм, где он становится "мужем жен", отцом человеческих сыновей и основателем "рас" (классов у германцев), — все это мы полностью открываем в мифе о Хеймдале, как если бы это была копия арийско-азиатской саги о божественном существе. основатель культуры; копия, только что вышедшая из-под кисти мастера, без воздействия времени и без какой-либо ретуши. Сами имена древних арийских патриархов, Бхригу и Ману, узнаваемы в тевтонских патриархальных именах Берхтер и Манн (Маннус-Хальфдан). В случае с Ману и Мапп никаких объяснений не требуется. Здесь идентичность звука согласуется с идентичностью источника. Потомков Бхригу и современных ему бхригийцев называют бхаргаванами, что подтверждает вывод о том, что Бхригу происходит от *bharg* "сиять", откуда происходит древнетевтонское *berhta*, "яркий", "ясный", "светлый", древнесаксонское *berht*, англосаксонское *beorht*, которое повторяется у тевтонского патриарха *Berchter*, что опять же фактически (не лингвистически) идентично скандинавскому *Borgarr*. Рядом с Бхригу стоит Ману, точно так же, как Манн (Хафдан) координирует действия Боргара.

Пункт за пунктом описания Агни и Хеймдаля также соответствуют их божественной природе и атрибутам. Агни - великий святой *белый* бог; Хеймдал - это *микилл* и *хайлагр*, и его называют *хвити асс* (Младшая Эдда) или "белейший из асов" (Thrymskv., 15). В то время как Агни как бог огня имеет золотые зубы, Хеймдаль, безусловно, по той же причине носит эпитет *гуллинтанни*, "тот, у кого золотые зубы". У Агни есть белые лошади. В стихотворении Ульфа Уггесона о произведении искусства в Хьярдархольте Хеймдаль скачет на своем коне *Гуллтоппре*, чье имя отражает его великолепие. В то время как пытливые глаза Агни могут видеть на расстоянии и проникать сквозь мрак ночи, о Хеймдале сказано, что *ханн сир джафнт нетт сем даг хундрад раста фра сер*. В то время как Агни воспринимает все, даже неслышимые движения в выращивании трав и животных; в то время как он проникает и рассеивается в растениях и животных, о Хеймдале сказано, что он *одобряет это, потому что это раздражает джорду эда улла саудум*. В то время как Агни — не указано, каким образом — способен производить звук, подобный грому, который эхом разносится по обеим половинам мира, у Хеймдаля есть рог, звук которого услышит весь мир, когда приблизится Рагнарек. Следуя "круговым путем", Агни наблюдает за существами в мире. Хеймдаль смотрит на мир с Бифроста. Агни следит за деяниями демонов, постоянно начеку и защищает мир днем и ночью от опасностей; Хеймдаль - страж богов *вердр года* (Гримнерсмаль), в своем призвании стража нуждается в сне меньше, чем птица, и преданно охраняет мост Аса от великанов. Агни рожден от нескольких матерей; у Хеймдаля девять матерей. Агни - "быстрый путешественник", который в человеческих жилищах, которые он посещает, открывает путь для молитвы и жертвоприношения (Ригведа, vii. 13, 3); в Ригсмале Хеймдал имеет тот же эпитет "быстрый путешественник", *рескр Стиганди*, когда он ходит от дома к дому и учит людей "рунам вечности" и "рунам времени".

Единственное расхождение заключается в символах животных, которыми обозначены Агни и Хеймдаль. Бык - символ Агни, баран - Хеймдаля. Оба символа выбраны по образцу домашних животных, вооруженных рогами, и лингвистическое различие такого рода, что можно сказать, что оно в некоторой степени подтверждает свидетельства относительно идентичности Агни и Хеймдаля. В древнескандинавской поэзии *Ведр* (ветер, рам), *Хеймдали* и эпитет Хеймдал *Халлинскиди* являются синонимами. Слово *vedr*, согласно Фику (Wörterb., iii. 307), восходит к древнему тевтонскому *vethru*, истинное значение которого - "годовалый", молодое домашнее животное в целом, и оно связано с латинским *vitulus* и санскритским *vatsala*, "теленка". Если это верно, то мы также видим линии, по которым один первоначально распространенный символ домашнего животного превратился в два, и среди арийцев Ригведы остановился на "годовалом ребенке" коровы, а среди германцев - на овце. Здесь следует отметить, что, согласно Аммиану Марцеллину (xix. 1), тиара персидских царей была украшена золотой головой барана. То, что пара лошадей Агни превратилась в верховую лошадь Хеймдаля, также было результатом времени и обстоятельств. В Ригведе верховая езда и кавалерия неизвестны; там лошади богов влекут божественные колесницы. В тевтонской мифологии тягловые лошади превращаются в верховых, а колесницы встречаются лишь в исключительных случаях.

У нас есть основания удивляться, обнаружив, что арийско-азиатские мифы и тевтонский имеют столь широкие поверхности соприкосновения, на которых не только основные очертания, но даже детали полностью напоминают друг друга. Но этот факт не является необъяснимым. Гимны, песни о богослужении и жертвоприношениях ариев Ригведы, были сохранены, но эпико-мифологические поэмы утрачены, так что остается трудная задача воссоздания из первых четкой и сжатой мифологии, свободной от "растворяющих представлений", в которых их мифические персонажи теперь сливаются друг с другом. Тевтонскую мифологию постигла

противоположная судьба: здесь утрачены подлинные религиозные песни, гимны богослужения и жертвоприношений, и остались фрагменты могущественного божественного эпоса тевтонов. Но, таким образом, мы также были лишены возможности изучать те самые песни, которые в большей степени, чем эпос, способны сохранять на протяжении бесчисленных веков древние мифические черты; ибо гимны принадлежат к богослужению, народные обычаи долговечны, а священные обычаи более консервативны и долговечны, чем все остальные, если их не нарушают революции в области веры. Если эпитет бога, например, "быстрый путешественник", однажды закрепился в гимнах и повторялся в богослужении год за годом, то, несмотря на постепенную трансформацию языков и типов расы, он может сохраняться на протяжении сотен и тысяч лет. Детали такого рода могут таким образом пережить разрушительное воздействие времени точно так же, как и великие очертания мифологии, и если происходит постепенное изменение значения, то это вызвано изменением языка, которое может сделать старое выражение непонятным или придать ему другое значение, основанное на ассоциации идей.

Из всего этого я вынужден сделать вывод, что Хеймдаль, как и несколько других тевтонских богов — например, Один (Водан, Вата Ригведы) — принадлежит к древнеарийской эпохе и сохранил, даже на закате тевтонского язычества, свой древний характер как личный представитель священного огня, огня, добываемого трением, и, в этой связи, как представитель древнейшей культуры, связанной с введением огня.

Это также объясняет эпитет Хеймдаля *Виндлер* в Cod. Reg. Младшей Эдды (i. 266, 608). Название является подформой *виндилла* и происходит от *винда*, скручивать или поворачивать, накручивать, быстро поворачивать что-либо. Поскольку эпитет "токарь" дан тому богу, который принес человеку огонь трения и который сам является олицетворением этого огня, то он должен быть синонимом "сверлильщика".

Синонимом эпитета Хеймдаля *Стиганди*, "путешественник", является *Рати*, "путешественник", от *rata*, "путешествовать", "передвигаться". Очень странно, что этот глагол (первоначально *vrata*, гот. *vrâton*, путешествовать, совершать путешествие) восходит к древнему тевтонскому слову, которое означало поворачивать, извиваться или что-то в этом роде (Fick, *Вертерб.*, iii. 294). И, что касается существительного *Рати*, это значение продолжало процветать в области мифологии после того, как оно, по-видимому, долгое время отсутствовало в области языка. Хавамал (106), Гримнерсма (32) и Брагарадур свидетельствуют каждый по-своему, что мифическое имя *Рати* было связано со скучным занятием. В Хавамале "Пасть Рейта" прогрызает туннель, по которому Один в облике орла улетает с медовым сокровищем, спрятанным в "глубоких долинах" у Фьялара под корнями мирового дерева. В аллегорической строфе Гримнерсма именно "Зуб Рейта" (*Рататоскр*) позволяет пьющему мед врагу богов у корня мирового дерева узнать, что решает и выполняет орел на вершине мирового дерева (Один) в отношении того же сокровища. В Брагарайдуре это название дано самому буравчику, который обеспечивал связь между миром Одина и чертогами Фьялара. Буравчик получил здесь название скучного "путешественника", того, у кого "золотые зубы". Следовательно, есть веские основания предполагать, что в эпосе мифа именно Хеймдаль-Гуллинтанн, чей огненный буравчик помог Одину улететь с его драгоценной добычей. В Ригведе Агни играет ту же роль. У "языка Агни" там та же задача, что и у "рта Рейта" в наших скандинавских записях. Священный мед, содержащий питательные жидкости, был скрыт в недрах горы вместе с враждебными миру Дасью; но Агни расколол гору своим языком, его луч света проник во тьму, где хранились питательные жидкости, и через него они были выведены на свет дня, после того как Трита (в

некоторых отрывках Ригведы, идентичных Вате) убил гигантское чудовище и нашел "коров сына мастера" (ср. Ригведа, ст. 14, 4; viii. 61, 4-8; x. 8, 6-9). "Коровы сына мастера" - это перефразировка слова "Соки питания". В тевтонской мифологии также есть "сын мастера", у которого отняли медовуху. Фьялар - сын Сурта, чей характер как древнего художника очевиден из того, что указано в № 53 и 89.

Трением Матаричван извлек Агни из материнской утробы, в которой он был скрыт как зародыш света и тепла. Хеймдаля был рожден к жизни аналогичным образом. Само место его рождения указывает на это. У его матерей есть свои жилища *джардар траум* (Хайндл., 35) недалеко от края земли, на внешнем краю земли, и именно там они дали ему жизнь (*бару танн ман вид жардар траум*). Его матери - великанши (*йотна мейяр*), всего их девять. Мы уже находили великанш, числом девять, упомянутых как имеющие свою деятельность на внешнем краю земли, а именно, тех, кто с помощью *möndull*, ручки, вращает огромный фрикционный механизм, мировую мельницу Мундильфоре. Это *ниу брудир из Эйлюдра*, "точильщик островов", упомянутый Снебьерном (см. Выше). Эти девять дев-великанов, которые вдоль внешней зоны земли (*фиррир джордар скаути*) толкают перед собой мельничный гребень и перемалывают берега островов, - это те же самые девять дев-великанов, которые во внешней зоне земли породили Хеймдаля, бога огня трения. Следовательно, одну из матерей Хеймдаля в Хиндлулджоде зовут *Ангейя*, "та, кто сближает острова", а другую зовут *Эйргьяфа*, "та, кто дает песчаные отмели". *Мундильфери*, который является отцом Солнца и Мане и следит за движением звездного неба, соответственно, также, хотя и в другом смысле, является отцом Хеймдаля чистого, священного огня, которому, естественно, должны быть сродни сверкающие объекты в небе.

В "Хиндлулиоде" (37) названы девять матерей-великанов Хеймдаля: *Гьялп, Грейп, Эйстла, Эйргьяфа, Ульфрун, Ангейя, Имдр, Атла, Ярнсакса*. Первые две - дочери огненного великана Гейрреда (Младшая Эдда, i. 288). К огню относится также *Imdr*, от *ím, embers* см, тлеющие угольки. Два имени, *Ангейя* и *Эйргьяфа*, как уже было показано, указывают на занятие этих великанш в связи с мировой мельницей. По-видимому, то же самое относится и к *Ярнсаксе*, "той, кто сокрушает железо". Железо, которое обрабатывали наши языческие отцы, производилось из морского и болотного железа, смешанного с песком и глиной, и поэтому его по праву можно рассматривать как зерно на мировой мельнице.

Антитезой Хеймдаля во всех отношениях, а следовательно, и его постоянным противником в мифологическом эпосе, является Локе, он тоже огненное существо, но представляющее другую сторону этой стихии. Природные факторы, такие как огонь, вода, ветер, холод, жара и гром, имеют в тевтонской мифологии двойной аспект. Когда они действуют в гармонии, каждый в пределах, установленных благополучием мира и счастьем человека, тогда они являются священными силами и представлены богами. Но когда эти пределы нарушаются, в дело вступают гиганты, и бурлящие стихии представлены существами расы гигантов. Это также верно и в отношении грома, хотя среди мифологов распространено мнение, что он рассматривался исключительно как продукт деятельности Тора. Однако подлинная мифическая концепция заключалась в том, что гром, очищающий атмосферу и оплодотворяющий измученную жаждой землю ливнями, или поражающий врагов Мидгарда, исходил от Тора; в то время как то, что раскалывает священные деревья, поджигает леса и дома и убивает людей, которые не

оскорбляли богов, исходило от врагов мира. Элемент пламени (см. № 35) был во владении не только богов, но и великанов (Скирнерсмаль), и молния исходила не только из Мьельнера, но также была обнаружена в *hein* Хрунгнера и в светящемся копье Гейррода. Конфликты между Тором и великанами происходили не только на *твердой земле*, как тогда, когда Тор совершил пешую экспедицию в Йотунхейм, но и в воздухе. Существовали кони-великаны, способные с силой и скоростью преодолевать атмосферу, как, например, у Хрунгнера *Гульфакси* (Младшая Эдда, i. 270), и эти кони-великаны с их сияющими гривами, несомненно, должны были нести своих всадников в сражение молний в космосе против метателя молний Тора. Гроза часто была *вигтриму*, конфликтом между громоподобными существами, в котором молнии, метаемые подопечным Мидгарда, сыном Хлодина, пересекались с молниями, метаемыми врагами Мидгарда.

Локе и его братья *Хелблинди* и *Бил-эйстр* - дети такого великана, олицетворяющего ураган и гром. Потоки дождя и смерчи урагана, которые прямо или косвенно породнились с морем через вздувшиеся ручьи, дали жизнь Хелблинде, которая, соответственно, получила *Рана* в качестве своей "служанки" (Ингл., 51). Вихрь в урагане получил под свою опеку *Байлистра*, чье имя состоит из *байлр*, "вихрь", и *эйстр*, "тот, кто живет на востоке" (севере), что является перефразированием слова "гигант". Удар молнии от урагана породил Лока. Его отца зовут *Фарбаути*, "тот, кто причиняет вред", а его мать - *Лафей*, "остров листьев", парафраз названия "крона дерева" (Младшая Эдда, 104, 268). Таким образом, Локе - сын пылающей и разрушительной молнии, сын того, кто наносит особенно разрушительные удары священным дубам (см. № 36) и поджигает рощи. Но жестокость отца не проявляется внешне в характере сына. Он долго втайне готовит мировой пожар, и только после того, как его закуют в цепи, он проявляет в производимых им землетрясениях дикую страсть своей гигантской натуры. Будучи существом огня, он был задуман как красивый и юный. С этической точки зрения нечистота пламени, которое он олицетворяет, проявляется в его безудержной чувственности. После того, как он был навсегда изгнан из общества богов и был закован в кандалы в своей пещере пыток, его внешность, которая вначале была красивой, превратилась в выражение его внутренней порочности, и его волосы отрастили форму рогатых копий (см. Выше). В этом он также являет себя двойником Хеймдаля, чей шлем украшен сверкающим бараньим рогом.

83.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МУНДИЛЬФОРА С ЛОДУРОМ.

Положение, которое, как мы выяснили, Мундиль ранее занимал, указывает на то, что, хотя он и не принадлежит к силам, обитающим в Асгарде, он является одним из главных богов тевтонской мифологии. Все природные явления, которые, по-видимому, зависят от фиксированного механического закона, а не от инициативы какой-либо могущественной воли, мгновенно влияющей на события в мире, по-видимому, были переданы на его попечение. В мифологии германцев, как и в мифологии ариев Ригведы, были боги обоих видов — боги, которые особенно олицетворяют тот порядок в физическом и моральном мире, который установился при сотворении мира и который при нормальных условиях остается полностью единообразным, и боги, которые особенно олицетворяют могущественное временное вмешательство с целью восстановления этого порядка, когда он был нарушен, и с целью предоставления защиты своим почитателям во времена тревог и опасности. Последние по самой своей природе являются

богами войны, всегда готовыми к битве, такими как Вита и Индра в Ригведе, Один и Тор-Индрайд в Эддах; и у них есть свое пристанище в группе укрепленных небесных цитаделей, таких как Асгард, откуда они могут наблюдать за миром, который они должны защищать, — атмосферой и Мидгардом. Первые, с другой стороны, имеют свое естественное обиталище во внешней зоне Йормунгрунда и в нижнем мире, где выросло мировое древо и где находятся источники, чьи жидкости проникают в творение, и где была источником та мудрость, часть которой только Один, пожертвовав собой, получил. Там, внизу, обитают, соответственно, Урд и Мимер, Нат и Даг, Мандильфор с дизаи солнца и луны, Деллинг, гений зарева зари, и Биллинг, гений краснеющего заката. Там обитают кузнецы древности, которые делали колесницы солнца и луны и ковали сокровища растительности. Там обитают *ниджар*, которые олицетворяют прибывание и убывание луны; там семеро сыновей Мимера, которые олицетворяют смену времен года (см. № 87). Мундильфор - владыка регулярных вращений звездного небосвода, а также регулярных подъемов и опусканий моря во время его приливов и отливов. Он - отец небесных светил солнца и луны, совершающих свои небесные путешествия в соответствии с установленными законами; и, наконец, он - источник священного огня; он - отец Хеймдаля, который ввел среди людей систематическую жизнь в домах, установленных и управляемых законами. Как отец Хеймдаля, бога Вана, Мундильфор сам является богом Вана, принадлежащим к древнейшей ветви этой расы и, по всей вероятности, одним из тех "мудрых правителей", которые, согласно Вафтруднерсмаля, "создали Ньерда в Ванахейме и отправили его в качестве заложника богам (Асам)".

Откуда взялись кланы ванов и эльфов? От внимания мифологов не могло ускользнуть, что в тевтонской теогонии, насколько известно, упоминаются только два прародителя мифологических рас — *Имер* и *Буре*. От Имера развиваются две совершенно разные расы великанов, порождения его рук и ног (см. № 86) — другими словами, благородная раса, к которой принадлежат норны Мимер и Бистла, и низменная, которая начинается с Труджелмера. *Буре* рождает *Берра* (Бор), и у последнего трое сыновей — *Один*, *Вей* (*Вэ*) и *Вили* (*Вилир*). Если у *Буре* не было больше сыновей, у кланов Ван и Эльфов нет другого теогонического источника, кроме того же, что и у клана Аса, а именно, у *Бурра*. В том, что иерологи тевтонской мифологии не оставили происхождение этих кланов необъясненным, нас убеждает само существование тевтонской теогонии, а также то обстоятельство, что чем тщательнее изучается наша мифология, тем яснее мы видим, что эта мифология стремилась ответить на каждый вопрос, который можно было разумно задать ей, и с течением веков она превратилась в систематическое и эпическое целое с четкими очертаниями, четко очерченными во всех деталях. К этому следует добавить важное наблюдение, что *Вей* и *Вили*, хотя и братья Одина, никогда не причислялись к собственно асам и не жили в Асгарде. Очевидно, что сам Один со своими сыновьями основывает расу Асов, что, другими словами, он является основателем клана, в котором эта раса имеет своего вождя, и что его братья, именно по этой причине, не могли быть включены в его клан. Есть все основания предполагать, что они, как и он, были основателями кланов; и поскольку мы находим помимо клана Аса еще две расы богов, это само по себе делает вероятным, что два брата Одина были их прародителями и вождями кланов.

Убратьев Одина, как и у него самого, было много имен. Когда Велуспа говорит, что Одину при сотворении человека помогали Хонер и Лодер, и когда Младшая Эдда (i. 52) говорит, что в этом случае ему сопутствовали его братья, которых незадолго до этого (i. 46) называли Ве и Вайл, то это всего лишь разные названия одних и тех же сил. Хонер и Лодер - Пятерочные и Мерзкие. Ошибочно полагать, что братья Одина были мифическими призраками без характерных качеств

и не играли заметной роли в мифологических событиях после сотворения мира и человека, в которых, как мы знаем, они принимали активное участие (Волюспа, 4, 16, 17). Предположение, что это было так, зависит просто от того факта, что они не были найдены упомянутыми среди асов, и что наши записи, не исследованные с должной тщательностью, и когда мифологическая синонимика не была тщательно изучена, по-видимому, так мало говорят о них.

Датские генеалогии, включая саксоновские, которые стремятся восходить к генеалогии Скульдунгов дальше, чем к Скульду, эпониму расы, упоминают до него короля Лотера. Нет никаких сомнений в том, что Лотерус, как и его потомки, Скульд, Хальфдан и Хаддинг, взят из мифологии. Но в наших мифических записях есть только одно имя, которое *Lotherus* может быть латинизированной формой, и это имя, как уже указывал Мюллер (*Notæ ulterior ad Saxonis Hist.*), *Лодур*.

Выше было продемонстрировано (см. № 20, 21, 22), что антропоморфный бог Вана Хеймдал был послан богами Вана в детстве в первобытную страну Тевтонов, чтобы передать потомкам Аска и Эмблы священный огонь, инструменты, руны, законыобщества и правила религиозного поклонения. Было продемонстрировано, что как антропоморфный бог и первый патриарх он идентичен Скеф-Ригу, Скилду из поэмы о Беовульфе, что он становится отцом другого первоначального патриарха Скульда и дедом Хальфдана. Аналогичным образом было продемонстрировано (№ 82), что Хеймдал, олицетворенный священный огонь, является сыном добывающего огонь (трением) Мундильфора, точно так же, как Агни является сыном Матаршвана. Из всего этого следует, что когда авторы мифических генеалогий, связанных как история, хотят вернуться в генеалогию Скульдунгов дальше, чем к Беовульфу Скульду, то есть дальше, чем к первоначальному патриарху Хеймдалю, тогда они должны обратиться к тому мифическому человеку, который является отцом Хеймдала, то есть к Мундильфору, производителю огня. Мундильфор - это тот, кто фигурирует под латинизированным именем Лотерус. Другими словами, Мундильфор, производящий огонь, - это *Лодурр*. Для имени *Лодурр* нет другого рационального объяснения, кроме того, которое дал Якоб Гримм, не зная своего положения в мифологическом эпосе, сравнивая это имя с глаголом *loderen*, "пылать". *Лодурр* активен в своем значении "тот, кто вызывает или производящий пламя", и, таким образом, относится к происхождению огня, особенно огня трения и огня сверления.

Далее (№ 90, 91, 92, 121, 123) Я расскажу о страже атмосферы, *Геварре (Неккви, Нефр)*, и продемонстрирую, что он идентичен Мундильфору, револьверу звездного небосвода. Все, что Саксон рассказывает о Лотере, объясняется характером последнего как вождя клана Вана и его идентичностью с *Мундильфери-Геварром*. Как вождь ванов, он был их лидером, когда разразилась война между асами с одной стороны, и ванами и эльфами с другой. Изгнание Одина и асов ванами заставляет Саксона сказать, что Лотерус изгнал из королевства людей, равных ему по благородному происхождению (*nobilitate pares*), и которых он считал конкурентами в борьбе за власть. Также утверждается, что он отнял власть у старшего брата, но пощадил его жизнь, хотя и отнял у него скипетр. Брат, о котором здесь говорится, однако, не Один, а *Хенир (Вей)*. Характер свергнутого мягок и лишен какой-либо жадности к власти, подобной той, под которой известен Хонер. Саксон говорит о нем, что он так терпеливо переносил причиненную ему несправедливость, что, казалось, был доволен этим, как полученной добротой (*при прочих равных условиях там терпеливый результат, и с почетом, черт возьми, получал безвозмездные кредиты*). Причина, по которой Хонер с началом войны с асами был свергнут со своего сана правителя Ванахейма и ему наследовал Лодер, объясняется

тем фактом, что он, как и Мимер, оставался преданным делу Одина. Несмотря на путаницу, в которой представлены разногласия между Асами и ванами в "Хеймскрингле", все же кажется, что до войны между Асами и ванами Хонер был вождем последних из-за старого соглашения между двумя божественными кланами; что затем он всегда подчинялся советам мудрого Мимера, друга Одина; что Мимер потерял свою жизнь на службе Одину, и что Ваны послали его голову Одину; и, наконец, что в начале вражды с Асами и после смерти Одина Хонер был главой последнего. после смерти Мимера они считали Хонера неподходящим человеком для того, чтобы быть их судьей и лидером. Таким образом, Лодер становится после Хонера правителем Ванакхейма и вождем ванов, в то время как вансы Ньерд, Фрей и эльф Улл, которые уже были приняты в Асгарде, управляют делами остального мира. На мифическое обстоятельство, что Хонер потерял свой трон и свою власть, указывает также Вельуспа, стихотворение, возвращающее кроткому и терпеливому богу Ване после возрождения права, которых он был лишен, *та кна Хенир хлаутвид кьоса* (стр. 60). "Тогда Хонер становится способным выбирать дерево жребия", то есть ему разрешается определять и указывать судьбу тех, кто консультируется с оракулом; другими словами, тогда он снова может пользоваться правами бога. В "Эддах" Хонер появляется как спутник Одина во время экскурсий из Асгарда. Скальдскапармал, который, похоже, не знает, что Хонер был братом Одина, все еще осознает, что был тесно связан с ним, и называет его *своимсесси, синни и малой* (Младшая Эдда, i. 266). Во время войны между Асами и ванами Фригг поддерживала дело ванов (см. № 36); отсюда оскорбительные слова Локи в ее адрес (Локасенна, 26) и традиция в Хеймскрингле (Ингл., 3), согласно которой Вилир и Вей однажды забрали Фригг к себе, когда Один был далеко от Асгарда.

Саксон заставляет Лотера пасть от рук заговорщиков. Объяснение этого утверждения следует искать в судьбе Мундильфери-Геварр, о которой см. № 91, 123.

Характер Мундильфора, по крайней мере в одном отношении, кажется противоположным характеру Хонера. Гильфагининг говорит о своей *гордости*, основанной, согласно этой записи, на красоте его детей. Саксон упоминает *insolentia* Лотера, и одной из его фамилий было *Дульси*, гордый. См. № 89, где цитируется строфа, в которой основатель шведской расы скилфингов (инглингов) назван *Дульсой кнор*, потомком Дульсе. Как было показано выше в изложении мифа о Скефе, скульдунги тоже являются скилфингами. Обе эти ветви расы имеют общее происхождение; и поскольку генеалогию Скульдунгов можно проследить до Хеймдаля, а за ним до Мундильфора, то, должно быть, именно эта личность, упомянутая в его *офдрамби*, носит фамилию *Дульси*.

Вместе с Одином, *Вей-Хонер* и *Вили-Лодурр-Мундильфери* участвовали в формировании мира, а также в создании человека. О той роли, которую они сыграли в последнем акте, и о том значении, которое они тем самым приобрели в мифологической антропологии, и особенно в концепциях, касающихся непрерывного сотворения человека путем зарождения и рождения, см. № 95.

84.

НАТ, МАТЬ БОГОВ.

Выше уже было показано, что Нат, мать богов, имеет свой чертог в северной части царства Мимера, ниже южных склонов гор Нида.

Была и остается интерпретация мифов как символов. Свет рассматривается как символ морального добра, а тьма - как символ морального зла. Нельзя отрицать, что в этом есть что-то психологически правильное; но в отношении арийских религий такое предположение привело бы к большой ошибке, если бы, как у нас могло возникнуть искушение сделать, мы отождествляли ночь с тьмой и относили ее к миру зла. В мифологиях ариев Ригведы и германцев Нат - внушающее благоговейный трепет, восхитительное, благородное и благодетельное существо. В Ригведе говорится, что ночь означает "иметь красивое лицо, приумножать богатство и быть одной из матерей порядка". Ни одно из явлений природы не казалось германцам злом *само по себе*; считалось, что в них действуют гигантские силы, только когда они преступали то, что считалось их законными пределами, и таким образом причиняли вред. Хотя тевтонские боги находятся в постоянном, более или менее жестоком конфликте с силами мороза, все же зима, когда она соблюдает свои временные рамки, является не злым, а добрым божеством, и холодные жидкости Хвергельмера, смешанные с жидкостями из фонтанов Урд и Мимер, необходимы мировому дереву. Еще в меньшей степени ночь можно отнести к владениям демонов. Мать Нат никогда не преступает границ своей власти; она никогда не бросает вызов священным законам, которые установлены для порядка во вселенной. В зависимости от времени года она неизменно делит двадцать четыре часа между собой и сутками. Работа и отдых должны чередоваться друг с другом. Богатая благословениями, ночь приносит утешение усталым и стремится, если возможно, успокоить страдальца снадобьем дремоты. Несмотря на мрачную внешность (Гильфи., 10), она все же является другом света. Она украшает себя лунным сиянием и звездным великолепием, завораживающими сумерками в середине лета и светом снега и северного сияния зимой. Следующие строки в "Сигдррифумале" (ул., 3, 4) звучат как отзвук утраченных литургических гимнов нашего язычества.

Хайль Дагр,
хайлир Дагс синир,
хайль Нотт ок Нипт!
Орейтом увеличьте
количество ошибок
, чтобы вернуться на место проведения!
Хайлир асир,
хайлар асинджор,
хайль сиа в фоллите!

Да здравствует Даг,
да здравствуют сыновья Дага,
Да здравствуют Нат и Нипт!
Взгляните на нас сверху вниз
доброжелательными глазами
И даруйте победу заседающему!
Радуйся, Асас,
Радуйся, Асинджес,
Радуйся, щедрая земля!

О германцах первого столетия после Рождества Христова Тацит пишет (*Germ.*, 3): "Они, как и мы, исчисляют время не по дням, а по ночам, ночь, кажется, ведет за собой день" (*nec dierum numerum, ut nos, sed noctium computant: nox ducere diem videtur*). Это было применимо к скандинавам даже тысячу лет спустя. Время исчислялось по ночам, а не по дням, и во фразах языческих времен, *nótt ok dagr*, *nótt med degi bæði um nætr ok um daga*, ночь названа раньше дня. Языковой обиход и мифология здесь тесно связаны друг с другом. По словам Вафтруднерсмала (25) и Гильфагининга (10), Нат родила Деллингу сына Дага, с которым она разделила управление в течение двадцати четырех часов. Деллинг - эльф утреннего красного (см. № 35). Символика природы здесь отчетлива, как и во всех теогониях.

Через другие божества, *Наглфари* и *Онарр* (*Анарр*, *Аунар*), Нат является матерью, у первой из *Унр* (*Удр*), также называемой *Аудр*, у последней богини *Йорд*, жены *Одина*. *Унр* означает воду,

Аудр означает богатый. Выше было показано, что *Уннер-Аудр* идентичен Ньерду, повелителю богатства и торговли, который в последнем качестве стал покровителем мореплавателей и которому приносились жертвы для успешного плавания. Таким образом, боги всех кланов — асов, ванов и эльфов — родственны Нат и произошли от нее.

85.

НАРФИ, ОТЕЦ НАТ, ИДЕНТИЧНЫЙ МИМЕРУ. ПСЕВДО-НАРФИ ИЗ МЛАДШЕЙ ЭДДЫ.

Сама Нат - дочь существа, чье имя имеет множество форм.

Наурр, Нерр (дательный падеж *Наурви, Норви, Нотт* вар *Наурви борин*—Вафтруднерсмаль, 25; *Нотт, Наурви кенда*—Альвизм., 29).

Нарфи, Нарви (*нидерфи Нарфа*—Эгиль Скаллагр., 56, 2; Гильфаг., 10).

Норви, Нерви (Гильфаг., 10; *кунд Нервы*—Форспьяллсл., 7).

Ньерфи, Ньерви (Гильфаг., 10; *Ньервский нипт*—Сонаторр.).

Нори (Гильфаг., 10).

Нари (Хефудл., 10).

Нери (Хельге Хунд., 1).

Все эти вариации происходят от одного и того же оригинального названия, связанного с древнескандинавским глаголом *njörva*, древнеанглийским *nearwian*, означающим "тот, кто связывает", "тот, кто надевает плотно облегающие узы".

Просто тот факт, что Нарве - отец Нат, доказывает, что он, должно быть, занимал одно из самых заметных положений в тевтонской космогонии. Во всех космогониях и теогониях ночь - одно из древнейших существ, старше света, без которого она не может быть понята. Свет зажигается во тьме, таким образом предвещая важную эпоху в развитии мира из хаоса. Следовательно, существо, являющееся отцом ночи, должно считаться одним из старейших в космогонии. Олицетворенные представители воды и земли, как и день, являются детьми его дочери.

Что Гильфагининг рассказывает о Нарве, так это то, что он был великаном по рождению и первым населил Йотунхейм (*Норви эда Нарфи хет йотун, эр бигди первый Йотунхейм*—Гильфаг., 10). В связи с этим мы должны помнить, что в Гильфагининге и в традициях исландских саг нижний мир обозначается термином Йотунхейм, и это по мифическим причинам, поскольку Нифельхейм населен римтурсами и великанами (см. № 60), и поскольку областями блаженства управляют Мимер и норны, которые также происходят от великанов. Как отец дисната из нижнего мира, Нат, Нарве сам принадлежит к той группе сил, которыми в мифологии населен нижний мир. Верхний Йотунхейм не существовал ранее, в более позднюю эпоху космогонического развития. Он был создан одновременно с Мидгардом Одином и его братьями (Гильфагининг).

В строфе Эгиля Скаллаgrimсона (гл. 56) поэзия, или источник поэзии, называется *niderfi Narfa*, "наследство, оставленное Нарве своим потомкам". Как хорошо известно, фонтан Мимера - источник поэзии. Это выражение указывает на то, что первый обитатель нижнего мира, Нарве,

также правил драгоценным источником мудрости и вдохновения, и что он умер и оставил его своим потомкам в наследство.

Наконец, мы узнаем, что Нарве была близкой родственницей Урд и ее сестер. Это явствует из следующих отрывков:

(а) Хельге Хундингсбейн (1, 3 и далее). Когда родился Хельге, норны пришли ночью в жилище его родителей, переплели нити его судьбы, протянули их с востока на запад и закрепили под чертогом луны. Одну из нитей *нипт Нера* бросил на север и велел ей держаться вечно. Очевидно, что под родственницей Нере (Нарве) подразумевается одна из присутствующих норн.

(б) Сонаторр. (ул. 24). Скальд Эгиль Скаллаgrimсон, уставший от жизни, заканчивает свое стихотворение словами, что он видит бога смерти, стоящего на холме (Digraness) возле могильного холма, который скрывает прах его отца и его сыновей, и скоро примет его:

Твегья бага
Ньерва нипт
в неси стендр.
Скал эк то гладр
мед годан вилья
ок ухриггр
Хельяр бида.

Родственница Ньерве (связующего)
врагов Одина (Твегге)
стоит на нессе.
Тогда я буду рад,
с доброй волей,
и без угрызений совести,
ждать Хель.

Само собой разумеется, что скальд означает предтечу смерти, Урд или одну из ее вестниц, словами "Родственница Ньерве (связующая) врагов Одина", которую он предчувствующим взором видит стоящей на семейном могильном холме в Дигранессе. Она не должна останавливаться на достигнутом, но она должна продолжить свой путь к его чертогу, чтобы привести его к могильному холму. Он с радостью ожидает ее прихода, и, как показывает последняя строка, та, чьего прихода он ждет, - это Хель, богиня смерти или судьбы. Уже было продемонстрировано, что Хель в языческих записях всегда идентична Урд.

Ньерве здесь используется как имя собственное, так и нарицательное. "Родственница Ньерве врагов Одина" означает "родственница связующего врагов Одина". Враг Одина Фенрер был связан превосходной цепью, выкованной в нижнем мире (гномы в *Свартальфхейме*—Гильфаг., 37), и, как будет показано позже, цепями Нарве связан не один враг Одина (см. № 87).

(с) *Хофудлаусн* (ул. 10). Эгиль Скаллаgrimсон воспевает в песне победу, одержанную Эриком Кровавым топором, и говорит о поле битвы, что там *была традиция Нара наттверд ара* ("Родственница Наре растоптала ужин орлов", то есть мертвые тела павших). Психопомпам болезней, возраста и несчастий нечего делать на поле битвы. Туда приходят валькирии, чтобы забрать избранных. Следовательно, *Нипт Нара* должна быть валькирией, чей конь топчет груды мертвых тел; и поскольку Эгиль называет только одну воительницу такого рода, он, несомненно, имел в виду самую представительную, самую важную. Это Скульд, сестра Урд, и, следовательно, *нипт Нара*, как и сама Урд.

(d) Инглингаталь (Инглингасага, глава 20). О короле Дыгве, умершем от болезни, говорят, что *йодис Нарва* (*йодис Нара*) выбрал его. Право выбирать тех, кто умирает от болезни,

принадлежит только норнам (см. № 69). *Jódis*, слово, несомненно, образованное изменением гласной от древнегерманского *idis*, уже в древности интерпретировалось частично как *horse-dis* (от *jór*, лошадь), частично как *dis* своего рода (от *jod*, ребенок, отпрыск). В данном случае скальд воспользовался обоими значениями. Он называет смертоносных *хульфов* *ok Narva jódis*, волчьих коней-*dis*, нарвских родственников-*dis*. Что касается первого значения, следует помнить, что волк - это лошадь для всех великанш, не исключая и почитаемых норн. Ср. *серая норна* как перефразировка слова *wolf*.

Таким образом, наши мифические записи рассказывают нам о Нарве следующее:

(а) Он - одно из древнейших существ теогонии, старше верхней части мира, построенной сыновьями Бура.

(б) Он имеет гигантское происхождение.

(с) Он отец Ната, тесть Нагельфара, Онара и Деллинга, эльфа розовой зари; и он отец матери Дага, *Уннери* богини Йорд, которая становится женой Одина и матерью Тора. Таким образом, узы родства связывают его с асами и богами других рангов.

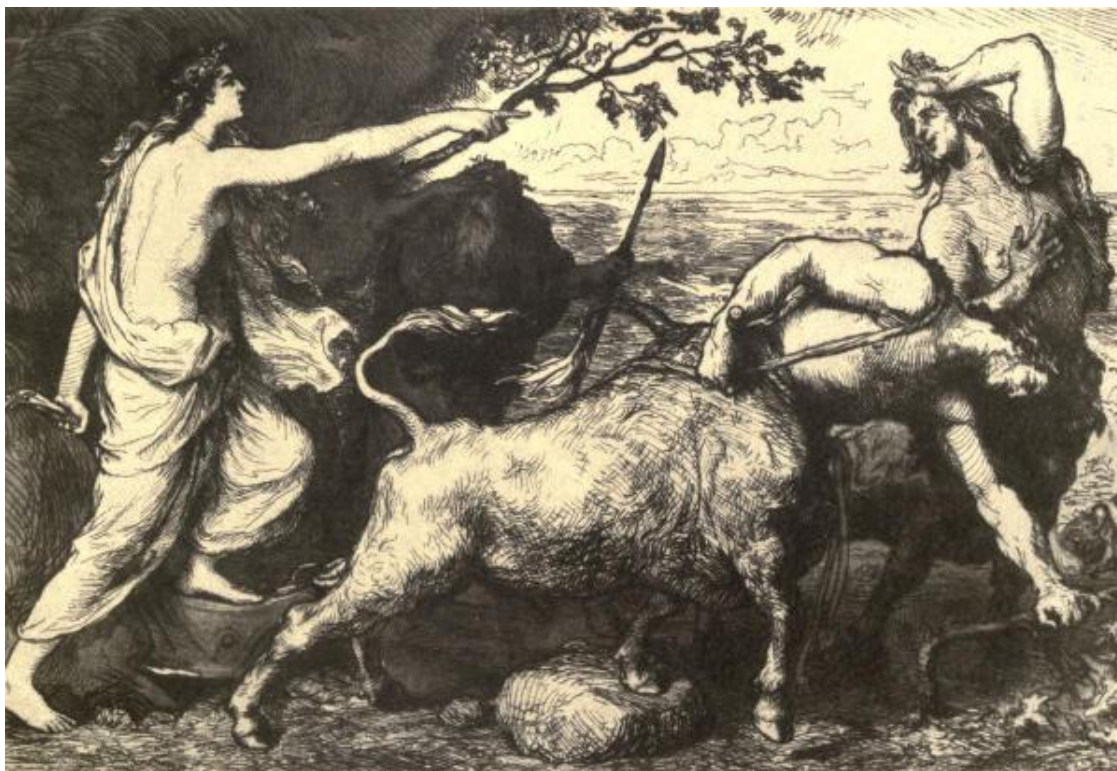
(d) Он почти сродни богиням судьбы и смерти, Урд и ее сестрам. Слово *нипт*, которым обозначается отношение Урд к нему, может означать сестру, дочь и дочь сестры, и, следовательно, не указывает, о какой именно из них идет речь. Кажется, в целом оно применялось почти исключительно в отношении мифических личностей, и особенно в отношении Урд и ее сестер (ср. выше: *Ньерва нипт*, *нипт Нара*, *нипт Нера*), так что оно почти приобрело значение *дис* или *норн*. Это видно из Скальдскапармала, гл. 75: *Норнир хейта тхэр эр науд скапа; Нипт ок Дис ну эру талдар*, и из выражения *Хайль Нотт ок Нипт* в процитированной выше строфе из Сигдрифумала. Есть все основания предполагать, что *Нипт*, которое здесь используется как имя собственное, в этом смысле означает разлуку судьбы и как обозначение родства, родственницу *нат*. Общепринятое толкование *heil Nótt ok Nipt* - "приветствую Нат и ее дочь", и под ее дочерью тогда подразумевается богиня Йорд; но эта интерпретация, как показал Бугге, менее вероятна, поскольку богиня Йорд, находящаяся непосредственно ниже, получает свое особое приветствие в словах: *хайль сия в складках фиолниты!* ("да здравствует щедрая земля!")

(е) Как отец Ната, живущий в царстве Мимера, и родственник Урд, которая с Мимером делит власть над нижним миром, Нарве сам является существом нижнего мира и старейшим подземным существом; первым, кто населил Йотунхейм.

(f) Он руководил подземным источником мудрости и вдохновения, то есть фонтаном Мимера.

(g) Он был другом Одина и связующим звеном врагов Одина.

(h) Он умер и оставил свой фонтан в наследство своим потомкам.

ГЕФИОН И

КОРОЛЬ ГИЛЬФИ.

(С офорта Лоренца Фрелиха.)

Рассказывают, что однажды, когда Гильфи, король Швеции и Дании, был сильно огорчен, Гефион, "дарительница", предстала перед ним в образе очаровательной девушки и так восхитила короля песней, сопровождаемой нежными звуками ее арфы, что Гильфи предложила одарить ее любым гердоном, который она попросит. На это предложение божественная Гефиона ответила, что если она обрела столько благосклонности в глазах своего повелителя, что заслужила столь великую награду, то она просит дать ей столько земли, сколько могут вспахать ее четыре быка за день и ночь. Удивленная скромностью своей просьбы, Гильфи немедленно удовлетворила ее. После этого Гефион привела четырех замечательных быков, которых она запрягла в плуг со ста долями и пахала море день и ночь, поднимая землю из воды, пока не образовался остров Зеландия, на котором она построила замок и основала королевство. Своими магическими заклинаниями она превратила четырех быков в такое же количество юношей, которые действительно были ее сыновьями от великана. Вскоре после этого она вышла замуж за Скъельда и стала матерью длинной династии королей.

По мере продвижения нашего расследования выяснится, что все эти факты, касающиеся Нарве, применимы и к Мимеру, что "тот, кто думает" (Мимер) и "тот, кто связывает" (Нарве) - одно и то же лицо. Уже те обстоятельства, что Нарве был древним существом гигантского происхождения, что он обитал в нижнем мире и был там обладателем источника мудрости, что он был другом Одина и что он умер и оставил свой источник в наследство (ср. *Мимс синир*), определенно указывают на личность Нарве и Мимера. Таким образом, тевтонская теогония

сделала Мысль старшим родственником Судьбы, который через Нат несет Даг миру. Люди древности сделали свои первые шаги к философскому мировоззрению в своей теогонии.

Древнеанглийский язык сохранил и передал христианскому раю название, которое первоначально принадлежало подземной области блаженства язычества —*Неорксенаванг*. *Ванг* означает луг, равнину, поле. Загадочная *Неорксена* выглядит как родительный падеж множественного числа. Грейн в своем англосаксонском словаре, а до него Вайнхолд, относят *неорксену* к *Нарве*, *Наре*, и это без подозрения, что *Нарве* был эпитетом Мимера и относился к царю языческих областей блаженства. Я считаю это доказательством того, что предположение Грейна настолько верно, насколько это необходимо, если в целом мы хотим найти этимологическое объяснение этого слова. Таким образом, родительный падеж множественного числа означает тех, кто населяет области блаженства *Нарве* и получил свое название из-за этого обстоятельства. Противоположное древнескандинавское название - *ньярир*, слово, которое я рассмотрю ниже.

Судя по некоторым отрывкам из христианских писаний XIII века, Мимер был не одинок в названии *Нарве*, *Наре*. Предполагается, что у одного или двух сыновей Лока было такое же имя. Утверждения на этот счет требуют исследования, и, как я думаю, это послужит еще одним поучительным вкладом в главу о путанице мифических традиций и о той роли, которую Младшая Эдда играет в этом отношении. Вот эти отрывки:

(a) *Прозаическое послесловие к Локасенне*: "Он (Локе) был связан внутренностями своего сына *Нари*, но его сын *Нарфи* был превращен в волка".

(b) *Гильфагининг*, глава 33. (1) *Большинство кодексов*: "Его (Локе) жена хайт Сыгин; их сына зовут *Нари* или *Нарви*".

(2) *Codex Hynponesiensis*: "Его (Локи) жену зовут Хайгин; его сыновей зовут Хайгин *Нари* или *Нарви* и *Вали*".

(c) *Гильфагининг*, глава 50. (1) *Большинство кодексов*: "Затем были взяты сыновья Локи *Вали* и *Нари* или *Нарфи*. Асы превратили *Вали* в волка, и последний разорвал на куски своего брата *Нарфи*. Тогда асы вытащили его внутренности и связали ими Локе".

(2) *Упсаленский кодекс*: "Затем были схвачены сыновья Локи *Вали* и *Нари*. Асы превратили *Вали* в волка, и тот разорвал на куски своего брата *Нари*".

(d) *Скальдскапармал*, глава 16. (1) "Локе - отец волка Фенрера, змеи Мидгарда и Хель, а также *Нари* и *Али*".

(2) *Codex Wormianus* и *Codex Hynponesiensis*, 3: "Локи - отец волка Фенрира, змеи Мидгарда и Хель, а также *Нари* и *Вали*".

Мифология утверждает, что Локи был связан цепями, которые изначально были внутренностями, и что тот, кто предоставил материалы для изготовления этих цепей, был его собственным сыном, которого разорвал на куски его брат в обличье волка. Возможно, в этом мифе есть что-то символическое - что он возник из мысли о том, что силы, созданные злом, борются друг с другом и уничтожают своего собственного родителя. По крайней мере, нет причин сомневаться в том, что этот рассказ является подлинным мифом, то есть что он исходит из языческого источника и какой-то языческой поэмы.

Но в отношении имен двух сыновей Локи, о которых идет речь, мы имеем полное право сомневаться.

Мы сразу обнаруживаем противоречия, обнаруживаемые записями в отношении них. Несоответствие утверждений лучше всего можно показать с помощью следующих сравнений. Помимо Фенрера, змея Мидгарда и Хель, у Лока, согласно

Гильфагининг, 33:	сын <i>Нари</i> , также называемый <i>Нарфи</i>	Другой сын не назван;
Проза, добавленная к Локасенне:	сын <i>Нари</i> ,	и сын <i>Нарфи</i> ;
„ Кодекс Гипнона. (Гильфаг., 33):	сын <i>Нари</i> , также называемый <i>Нарви</i> ,	и сын <i>Вали</i> ;
Гильфагининг, гл. 50:	сын <i>Нари</i> , также называемый <i>Нарфи</i> ,	и сын <i>Вали</i> ;
Скальдскапармал, гл. 16:	сын <i>Нари</i> ,	и сын <i>Али</i> ;
Проза добавлено в Локасенну:	<i>Нари</i> ,	разорвана на куски <i>Нарфи</i> ;
Гильфагининг:	<i>Нари-Нарфи</i>	разорвана на куски <i>Вали</i> .

Расхождение показывает, что у автора этих утверждений не было никакой мифической песни или мифической традиции в качестве источника всех этих имен сыновей Локи.

Дело становится еще более подозрительным, когда мы обнаруживаем...

Что варианты *Наре* и *Нарве*, оба из которых принадлежат одному из выдающихся и благороднейших мифических существ, а именно Мимеру, здесь применены таким образом, что они либо даны двум сыновьям Локе, либо приписываются одному и тому же сыну Локе, в то время как в последнем случае это происходит-

Что имена *Вейл* и *Эль*, которые оба принадлежат одному и тому же богу *Асе* и сыну *Одина*, отомстившему за смерть своего брата *Бальдра*, оба приписываются другому сыну Лока. Сравните Гильфагининг, гл. 30: *Вали эда Али хейтир Эйнн (Ассин) сын Одина ок Риндар*.

Как нам это объяснить? Такое применение этих названий неизбежно должно вызывать подозрение в какой-то серьезной ошибке; но мы не можем предположить, что это было сделано умышленно. Причину нужно где-то искать.

Уже было продемонстрировано, что в мифологии Урд, богиня судьбы, была также богиней смерти и правительницей нижнего мира, и что функции, принадлежащие ей в этом качестве, были в христианские времена переданы дочери Лока, которая вместе со своими функциями узурпировала свое имя Хель. Дочь Лока и Хель стали для христианских мифографов идентичными.

Неизбежным результатом стало то, что такие выражения, как *нипт Нара*, *йодис Нарфа*, *нипт Ньерва*, должны были изменить значение. *Нипт Ньерва*, которую престарелый Эгиль увидел стоящей у могильного холма на Дигранессе и прибытия которой он ожидал "с радостью и благоволением", больше не была смертоносной Урд, но стала для христианских толкователей отвратительной дочерью Локи, пришедшей за старым язычником. *Нипт Нара*, чей конь растоптал поле битвы, где Эрик Кровавый топор победил скоттов, больше не была сестрой Урд,

валькирией Скульд, но стала дочерью Лока, хотя, даже согласно христианским мифографам, последнему нечего было делать на поле битвы. *Йодис Нарфа*, выбравшая короля Дыгве, была перепутана с *Лока мером*, у которого он был *лейкинном* (см. № 67), но который, согласно языческим представлениям, был служанкой судьбы, без права выбора. Для язычников *нипт Нара*, *нипт Ньерва*, *йодис Нарфа* означали "Урд, родственница Наре-Мимера". Для мифографов тринадцатого века это, должно быть, по указанной причине означало дочь Локе как сестру некоего Наре или Нарве. Отсюда следует, что этот Наре или Нарве должен быть сыном Локе, поскольку его сестра была дочерью Локе. Было известно, что у Локи, кроме Фенрера и змея Мидгарда, было еще два сына, из которых один в обличье волка разорвал другого на куски. Считалось, что в Наре, Нарве, было найдено имя одного или обоих этих локсонов.

Последнее предположение было сделано автором прозы в Локасенне. Он считал Наре одним братом, а Нарве - другим. Автор "Гильфагининга", с другой стороны, справедливо рассматривал Наре и Нарве просто как вариации одного и того же имени и, соответственно, позволил им обозначать одного и того же сына Лока. Когда он писал главу 33, он не знал, какое имя дать другому, и поэтому полностью опустил его. Но когда он добрался до 50-й главы, для него пролился свет на имя другого. И свет, несомненно, исходил от следующей строфы в "Велуспе":

та кна вала
вигбонд снуа,
хелли вору хардджиор
хофт или тормум.

В этой полустрофе говорится, что это были прочные цепи (для Локе), сделанные из внутренностей, и эти оковы были "скручены" из "*вигбон* Вейла". *Виг* как юридический термин означает убийство, резню. *Вала виг* интерпретировалась как убийство, совершенное Вейлом; а *Вала вигбон* как узы, полученные в результате резни, совершенной Вейлом. Было известно, что Локе был закован в цепи из внутренностей своего сына, и здесь предполагалось, что этот сын был убит неким Вейлом. И поскольку, согласно мифу, он был убит братом, то Вейл должен быть братом убитого сына Лока. Соответственно, глава 50 "Гильфагининга" могла рассказать нам то, чего глава 33 еще не знала, а именно, что двух сыновей Лока звали Вейл и Наре, или Нарве, и что Вейл, превратившись в волка, разорвал брата "Наре, или Нарве" на куски.

Следующий шаг был сделан Скальдскапармалом, или, что более вероятно, одним из переписчиков Скальдскапармала. Поскольку Вейл и Эль в мифологии обозначали одного и того же человека (а именно, мстителя Бальдра, сына Одина), сына Лока, превратившегося в волка, "Вейл" получил в подарок название "Эль". Ни в коем случае не исключено, что переписчик считал "мстителя Бальдра" Вейла и "сына Лока" идентичными. Самая старая рукопись Скальдскапармала, которая у нас есть, - это Упсальский кодекс, который датируется не старше начала четырнадцатого века. Мифические традиции тогда продолжали тот быстрый упадок, который начался в XI веке, и вскоре после этого исландские саги описывают Валхал, населенный великанами и всевозможными чудовищами, которых называли эйнхериями, а самого Тора перенесли в места пыток, где он пил яд из "рога зубра", подаренного ему дочерью Лока.

Поэтому при интерпретации процитированной выше половины строфы "Велуспы" мы должны исключить предполагаемого сына Лока, Вейла. Тевтонская мифология, как и другие арийские мифологии, применяла множество имен и эпитетов к одному и тому же человеку, но она редко давала двум или более лицам одно и то же имя, если только последнее не было отчеством или, в других отношениях, общего характера. Было не более одного Одина, одного Тора, одного Ньерда, одного Хеймдаля, одного Лока, и нет никаких оснований предполагать, что существовало более одной Долины, а именно божественного сына с этим именем. О брате Бальдра Вейле мы знаем, что он был рожден, чтобы отомстить за убийство Бальдра. Его нетерпение совершить то, к чему он был призван, выражается в мифологии утверждением, что он освободился из чрева своей матери раньше обычного времени (*Baldurs brodir var af borinn snemma—Völuspa*), и всего за одну ночь от роду он отправился убивать Хедра. Узы, которые удерживают нетерпеливого в утробе его матери, были его *вигбендом*, узами, которые мешали ему сражаться, и эти узы были в самом буквальном смысле слова *ор тормум*. Поскольку узы Лока сделаны из того же материала и предназначены для того, чтобы мешать ему сражаться с богами до Рагнарека, и поскольку его тюрьма находится в утробе земли, как тюрьма Вейла была в тюрьме богини земли Ринд, то *Вала вигбон* как обозначение цепей Лока является и логически, и поэтически удовлетворительным пересказом, и тем более по порядку, поскольку это происходит в связи с описанием надвигающегося Рагнарека, когда Локи землетрясением должен разорвать свои оковы и уничтожить их. спешите к конфликту.

86.

ДВА КЛАНА ГИГАНТОВ ПРОИЗОШЛИ ОТ ИМЕРА.

В "Хавамале" (140, и далее) Один говорит, что в юности он получил девять песен-фимбул и напиток из драгоценного меда, приготовленного из Одререра, *ототца* Бейзлы, *знаменитого сына* Бельторна:,,

Фимбуллиод нио
нам известно, что в регионе сини
Болторнс Бейзлу фодур
руководит гат
энс-дайра-миадар
аусинн Одрери.

Мифологи предположили, по причинам, которые не подлежат сомнению, что знаменитый сын Болторна, брат Бистлы, идентичен Мимеру. Никто иной, как он, не руководил в то время приготовлением напитка из Одререра, источника, скрывающего "мудрость и здравый смысл человека", и Сигрдрифумал (13, 14) подтверждает, что именно от Мимера и с помощью напитка из "рога Ходрофнера" Один получил чудесные руны и "истинные изречения".

Соответственно, у Мимера была сестра по имени *Бейзла* (варианты: *Бестла*, *Бесла*, *Безла*). Строфа Эйнара Скалаглама (Скальдскапармал, гл. 2; ср. Гильфаг, гл. 6) сообщает нам, что Бистла - мать Одина. Ученик Мимера, вождь клана богов, соответственно, является сыном его сестры. Здесь у нас есть еще одна причина для верной дружбы, которую Мимер всегда проявлял к Одину.

Мимерский эпитет *Нарфи*, Нарве, означает, как показано выше, "тот, кто связывает". Его дочь Нат зовут *драумньерун*, связывающая сны (Альвизм., 31). Его родственницы, норны, прядут и связывают нити и узы, которые, протянувшись по всему миру, сплетают воедино паутину событий. Такие нити и скрепления называются *орлогтхеттир* (Helge Hund., i. 3) и *Урдар локур* (Grogaldr., 7). Поскольку у всех ближайших родственников Бистлы есть эпитеты или обязанности, которые относятся к идее *связывания*, и если мы добавим к этому, что сыновья и потомки Бистлы как боги имеют эпитеты *хепт* и *бенд*, ее собственное имя правильное всего было бы отнести к старому слову *beizl, beisl* (ср. *бецель*, уздечка), которое имеет аналогичное значение.

Поскольку Мимер и Бистла происходят от великанов и в теогонии принадлежат к той же стадии развития, что и Бур (*Burr*), отец Одина, то, как также предположили мифологи, *Болторн* не может быть никем иным, как Имером.

Мимер, Бистла, норны и Нат, таким образом, образуют группу родственных существ, которые принадлежат к древнейшей расе великанов, но все же они наиболее определенно отделены от других потомков Имер, как высшая раса великанов от низшей, благородная раса великанов, дружественная богам и воспитывающая богов, от той расы уродливых существ, которые вынашивают детей самым странным образом, которые враждебны богам и миру, и которые представлены римтурсами Труджелмер и Бергелмер и их потомством.

Теперь самое время выяснить, была ли мифология, приписывающая Мимеру и Труджелмеру одного и того же отца, неспособна постичь в этой связи идею о более благородном происхождении первого, чем второго. Ближайшим подручным средством было бы дать им матерей с разными характерами. Но мифология не прибегала к этому средству. Прямо указано, что Имер рожала детей без женского удовольствия (*гугуар гаман*—Вафтруднерсмаль, 32; см. № 60). Ни у Мимера, ни у Труджелмера не было матери. При таких обстоятельствах есть еще один прием, к которому прибегла сестра тевтонской мифологии, мифология Ригведы, и который объясняется в 90-м гимне книги х "Ригведы". Гимн повествует нам о первобытном великане Паруше, и этот миф настолько похож на тевтонский в отношении Имера, что здесь его необходимо рассмотреть.

Первобытное существо Паруша было гигантским чудовищем размером со весь мир и даже больше (строки 1-5). Боги решили принести его в жертву, то есть умертвить для священных целей (л. 6), и из его частей был создан нынешний мир. Из его пупка была сотворена атмосфера, из его головы - небесный покров, из двух его ног - земля, из его сердца - луна, из его глаза - солнце, из его дыхания - ветер и т. Д. *Его рот стал брахмой* (жрецом), *его руки стали раджаньей* (воином), *его бедра стали вайшьей* (третьей свободной кастой), *а из его стоп возник шудра* (раб, строка 12).

Две фундаментальные идеи мифа о Паруше таковы:

(1) Существовало первобытное существо, которое не было божественным. Боги убили его и сотворили материальный мир из его конечностей.

(2) Это первобытное существо дало начало другим существам разного ранга, и их ранг соответствовал положению конечностей гиганта, из которых они были созданы.

Обе эти фундаментальные идеи вновь появляются в тевтонском мифе об Имере. В связи с первой идеей нам нужно только процитировать то, что говорит Вафтруднерсмаль в строфе 21:

Или Имис холди
за то, что ты скаупуд,
эн или бейном бьоргом,
химинн или хауси
в хримкалде йотунс,
энн или свита сиор.

Из плоти Имера
был создан мир,
из его костей - скалы,
небеса из головы
ледяного гиганта,
из его крови - море.

Что касается второй фундаментальной идеи, то из описания Ригведы очевидно, что она не встречается там в своей древнейшей форме, но что после возникновения четырех каст среди ариев Ригведы она была изменена, чтобы дать объяснение происхождению этих каст и сделать их по крайней мере такими же древними, как нынешний материальный мир. Гораздо более оригинальная и совершенно свободная от влияния социальных идей, она появляется в "Тевтонской мифологии", где 33-я строфа "Вафтруднерсмаля" свидетельствует о ее характере:

Ундир хенди вакса
куато хримтурси
мей ок мауг саман;
как увидеть фоти гат
сына фроды йотунса
серхауфдатана.

Говорят, что сын и дочь
родились вместе
под рукой римтурса;
фут породил от фут
странноголового сына
мудрого великана.

В совершенной гармонии с этим повествует Гильфагининг: "Под левой рукой Имера выросли мужчина и женщина, и одна его нога породила сына, а другая - другую. Оттуда происходят (разные) расы".

У разных рас есть то общее, что они являются расами великанов, поскольку происходят из Имера; но эти расы великанов, должно быть, в то же время сильно отличались интеллектуально и физически, поскольку мифология приписывает им разное происхождение от разных конечностей прародителя. И здесь, как и в Ригведе, ясно, что низшая раса считалась происходящей от ног первобытного великана. Об этом с достаточной отчетливостью говорится в Vafthrudnersmal, где мы читаем, что у них родилось чудовище со "странной головой" (Thrudgelmer - см. № 60), в то время как "мужчина и девушка" родились под рукой великана. Следовательно, "мужчина" и "девушка" должны представлять благородную расу, происходящую от Имера, и ими могут быть только Мимер и его сестра, мать Одина. Мимер и его клан составляют группу древних сил, которые следят за источниками жизни в мире и заботятся об увековечении мирового древа. От них произошли древнейшие, прекраснейшие и долговечнейшие части творения. Ибо нижний мир был приведен в порядок и имел свои священные источники и хранителей еще до того, как сыновья Бура создали Мидгард и Асгард. Среди них мировое древо выросло из своих корней, источник которых никто не знает (Havamál, 138). Среди них активны те силы, которые заставляют звездный небосвод вращаться вокруг своей оси, и от них происходят времена года и деление времени, ибо Нат и *ниджар*, Мане и Сол принадлежат к клану Мимера и на заре творения были названы древнейшими "высшими святыми богами" и наделены призванием *из тельи* (Велуспа). От Мимера исходит первая культура, ибо в его источнике берут начало вдохновение, духовная сила, человеческое остроумие и мудрость, и вокруг него в качестве главного оплота собрались художники

древности, чьими руками все вещи могут быть превращены в живые и чудесные творения. Такой гигантский клан требует иного происхождения, чем у ледяных великанов и их потомства. Поскольку мы узнаем от Вафтруднерсмаля, что от Имера произошли две расы великанов, одна из которых произошла от части его тела, которая в символическом смысле более благородна, чем та, от которой произошла другая раса, и что раса, рожденная от его ног, была низменной, враждебной богам, тогда с необходимостью следует вывод, что "мужчина и девушка", родившиеся близнецами под рукой Имера, стали основателями той благородной группы великанов, которые дружелюбны к богам и которые противостоят нам в мифологии наших отцов. Выше уже было показано (см. № 54), что *Джима* (Яма) в азиатско-арийской мифологии соответствует Мимеру в тевтонской. *Джима* - это эпитет, который означает близнец. Та, с кем *Джима* родился вместе, была служанкой, *Ями*. Слова в процитированной вафтруднерсмальской строфе "*ундир хенди хримтурси вакса мей ок мауг саман*" свидетельствуют о том, что немцы также считали Мимера и его сестру близнецами.

87.

ЛИЧНОСТЬ МИМЕРА И НИДХАДА ИЗ САГИ О ВОЛУНДЕ.

Состояние, в котором традиции великого Волунда (Вэйленда) дошли до нашего времени, является одним из многих примеров, иллюстрирующих, как под влиянием смены веры миф теряет свой чисто мифический характер и превращается в героическую сагу. Природа мифических традиций и песен не исчезает сразу во время перехода; в тех или иных деталях остаются следы их первоначальной природы, как доказательство того, чем они были. Таким образом, тот фрагмент саги о Волунде, превратившийся в эпос, который древнескандинавская литература сохранила для нас в Волундарквиде, показывает нам, что художник, являющийся героем песни, изначально был задуман не как сын человеческий, а как представитель мифической расы эльфов, которая в "*Волюспе*" упоминается в связи с асами (*хват эр мед асом, хват эр мед альфом?*— стр. 49). Волунд - принц эльфов (*альфа визи, альфа льоти*—Volund., стр. 10, 13), и, как будет показано ниже, когда мы придем к исчерпывающему рассмотрению мифа о Волунде, он, его братья и их любовницы сыграли важнейшие роли в эпосе тевтонской мифологии. При таких обстоятельствах из этого следует, что другие персонажи, появляющиеся в Волундарквиде, также изначально были мифическими персонажами.

Одного из них зовут *Нидадр* (*Нидудр*), король Ньяреса, и сейчас мне предстоит выяснить, кем был этот *Нидадр* в мифологии.

Когда Волунд впервые появляется под этим именем в "*Старшей Эдде*", он пребывает в далекой стране, попасть в которую невозможно, не пройдя знаменитый в мифологии Мирковый лес (см. № 78). Это заснеженная страна, родина медведей и волков. Волунд добывает себе пропитание охотой на лыжах. Древнеанглийское стихотворение "*Жалоба Деора на ожог*" подтверждает, что этот регион считался очень холодным (ср. *vintercealde vræce*). В Волундарквиде это называется Волчьими долинами.

Волунд остается здесь много лет в компании двух своих братьев и трех дев-лебедей, их любовниц или жен, но в конце концов остается один. Волунд проводит время в кузнечном деле, пока на него внезапно не нападает *Нидадр* (*Нидудр*), "король Ньяра" (Volundarkv., 6), который заковывает его в цепи и отнимает два необыкновенных сокровища — меч и нарукавное кольцо.

Семьсот нарукавных колец висели на веревочке в зале Волунда; но одно это, казалось, стоило больше всех остальных, и только его желал *Нидадр* (стр. 7, 8, 17).

До того, как Волунд отправился в Волчьих долины, он жил со своим народом счастливой жизнью в стране, изобилующей золотом (стр. 14). Не по своей воле, а по острой необходимости он променял свой дом на далекую глушь Вулфдейлов. В "Жалобе Деора Скальда" говорится, что он был изгнанником (*Веланд назвал его вурман врецес каннаде*). Немецкая средневековая сага "Анган де Хельденбухс" подтверждает это утверждение. Виланд (Волунд), как там сказано, "был герцогом, которого изгнали два великана, отнявшие у него землю", после чего "он был поражен нищетой" и "стал кузнецом". В "Волундарквиде" мало что говорится о причине его пребывания в Волчьих долинах, но строфа 28 сообщает нам, что до своего прибытия туда он пострадал от несправедливости, о которой он говорит как о худшей и требующей наибольшей мести, которую он, несчастный и мстительный человек, когда-либо испытывал. Но у него не было возможности потребовать удовлетворения, когда ему, наконец, удастся освободиться от *целей* Нидадра. Кто эти мифические личности, которые так жестоко оскорбили его и наполнили его сердце неутолимой жаждой мести, не упоминается; но по самой природе дела те люди, от преследований которых он бежал, должны были быть могущественнее его, и поскольку он сам является вождем богоподобного клана эльфов, его врагов, естественно, следует искать среди более могущественных рас богов.

И поскольку Волундарквиде изображает его безгранично и безрассудно мстительным и заставляет его прибегнуть к своему экстраординарному мастерству кузнеца — мастерству, известному среди всех тевтонских племен, — для удовлетворения, которого он требует от *Нидадра*, нет места для сомнений в том, что многие годы, проведенные им в Вольфдейлсе, он вынашивал планы мести тем, кто сильнее всего оскорбил его, и что он использовал свое искусство, чтобы раздобыть инструменты для осуществления этих планов. О сверкающем мече, который у него отнял *Нидадр*, Волунд говорит (стр. 18), что он применил свое величайшее мастерство, чтобы сделать его твердым и острым. Следовательно, меч, должно быть, был одним из самых превосходных, упоминаемых в песнях тевтонского язычества. В далеком средневековье песни и саги любили приписывать лучшие и наиболее известные мечи, которыми владели их герои, мастерству Волунда.

В мифах, обращенных Саксом в историю, упоминается меч самого замечательного вида, имеющий несказанную ценность (*ingens præmium*) и приносящий успех в бою (*belli fortuna comitaretur*). Герой, чье имя Саксон латинизировал в Хотерус (см. *Hist. Dan.*, стр. 110), враждовал с богами-Асами, и единственное средство, с помощью которого он может надеяться справиться с ними, — это обладание этим мечом. Он также знает, где спрятать его, и с его помощью ему удастся обратить в бегство самого Тора и других богов.

Чтобы завладеть этим мечом, Хотеру пришлось совершить путешествие, которое напоминает нам уже описанные авантурные экспедиции во владения Гудмунда-Мимера, но с той разницей, что ему не нужно плыть морем вдоль побережья Норвегии, чтобы добраться туда, и это обстоятельство в достаточной степени объясняется тем фактом, что, по словам Саксона, дом Хотера находится в Швеции. Регионы, которые приходится пересекать Хотерусу, лишены троп, полны препятствий и по большей части постоянно находятся в холодных объятиях сильнейшего мороза. Их пересекают горные хребты, на которых стоит ужасный холод, и поэтому их нужно преодолевать как можно быстрее с помощью "запряженных в ярмо оленей". Меч хранится в

specus, подземной пещере, и "смертные" едва ли могут переступить ее порог (*haud facile mortalibus patere posse*). Существо, находящееся под защитой меча в этой пещере, Саксон называет Мимингусом.

Теперь вопрос в том, идентичны ли меч, выкованный Волундом, и тот, что принес Хотерус, или нет. Первый выкован в холодной зимой стране за Мирквудом, где внезапно появляется мифический *Нидадр*, который завладевает им, и цель, с которой он был сделан, судя по всем обстоятельствам, заключалась в том, что Волунд с его помощью должен был победить ненавистные силы, которые, более сильные, чем он, вождь эльфов, вынудили его укрыться в Волчьих Долинах. Если этими силами были Асы или Ваны, то из этого следует, что Волунд, должно быть, считал себя способным придать своему мечу качества, которые могли сделать его опасным для мира богов, хотя в распоряжении последних был молот Тора и другое подземное оружие. Говорят, что меч, захваченный Хотерусом, обладает теми самыми качествами, которые мы могли бы искать в оружии Волунда, и регионы, которые ему приходится пересекать, чтобы завладеть им, по своему холоду и удаленности относятся к земле, подобной той, где *Нидадр* застает Волунда врасплох и забирает у него опасный меч.

Как уже говорилось, Нидад в то же время запечатлел нарукавное кольцо необычного вида. Если сага о Волунде и его мече была связана с сагой-фрагментом, вошедшим в историю Саксоном о Хотересе и мече, владельцем которого он становится, то мы могли бы разумно ожидать, что драгоценное нарукавное кольцо тоже должно появиться в последней саге. И мы действительно находим это там. Мимингус, который охраняет меч победы, также охраняет замечательное нарукавное кольцо, и от Саксона мы узнаем, какое качество делает это конкретное нарукавное кольцо настолько ценным, что Нидаду, похоже, наплевать на остальные семьсот, которые он находит в мастерской Волунда. Saxo says: *Eidem (Mimingo) quoque armillam esse mira quadam arcanaque virtute possessoris opes augere solitam*. "В нарукавном кольце обитает чудесная и таинственная сила, которая увеличивает богатство его обладателя". Другими словами, это работа кузнеца, соперника кольца Драупнера, с которого каждую девятую ночь сбрасывается восемь похожих колец. Это объясняет, почему в кузнице Волунда так много колец, что Нидад выражает свое подозрительное удивление (стр. 13).

Следовательно, есть веские основания предполагать, что меч и кольцо, которые Хотерус забирает у Мимингуса, - это те же меч и кольцо, которые Нидад ранее забрала у Волунда, и что сага, лишив Волунда возможности самому проверить качество оружия в конфликте с богами, хотела показать, чего оно на самом деле стоило в поединке с Тором и его молотом, позволив мечу попасть в руки Хотеруса, другого врага Асов. Поскольку теперь мы обнаруживаем, что такие предметы, как те, что были захвачены Нидадом, вновь появляются в руках некоего Мимингуса, возникает вопрос, является ли Мимингус самим Нидадом или каким-то одним из подданных Нидада; поскольку то, что они либо идентичны, либо каким-то образом связаны друг с другом, по-видимому, следует из того факта, что один, как говорят, владеет тем, что, как говорят, захватил другой. Мимингус - это латинизация *Мимингра*, *Мимунгра*, сына или потомка Мимера.

Нидадр, *Нидудр* (обе вариации встречаются в *Volundarkvida*), с другой стороны, имеет своего аналога в англосаксонском Нидхаде. Король, который в "Жалобе Деора Скальда" сковывает Волунда, носит это имя, а его дочь зовут Беадохильд в "Волундарквиде Бодвильд". Предыдущие исследователи уже отмечали, что Бидохильд - более оригинальная форма, чем Бодвильд, и

Нидхад, чем *Нидудр*, *Нидадр*. Имя Нидхад состоит из *нид* (средний род), нижний мир, Гадес, и *хад*, существо, личность, *форма, вид*. Нидхад буквально означает существо нижнего мира, существо Аида. При этом мы также определяем его мифический характер. Мифический царь, которого характеризуют как *существо нижнего мира*, должен быть подземным царем. В дошедших до нас мифических записях говорится о подземном короле Мимере (Гудмунд из средневековой саги, король Сверкающих полей; см. № № 45, 46), который правит царством колодца мудрости и имеет дис судьбы в качестве своей родственницы, принцессы царства источника Урд и всего царства смерти. Таким образом, хотя мы обнаруживаем, с одной стороны, что меч и нарукавное кольцо Волунда захватывает подземный король, с другой стороны, мы обнаруживаем, что, когда Хотерус собирается завладеть непреодолимым мечом и кольцом, приносящим богатство, он должен отправиться в ту же самую зимне-холодную страну, где все обсуждаемые здесь традиции (см. № 45-49) указывают на спуск в царство Мимера, и что он через вход, "едва доступный для смертных", должен спуститься в недра земли после того, как он подчинил себе Мимингуса, сына Мимера. Поскольку Мимер завладел сокровищем, совершенно естественно, что его сын должен быть его хранителем.

Это также объясняет, почему *Нидадра* в Волундарквиде называют королем ньяров. Народ под названием Ньярес существовал в мифологии, но не в реальности. Единственное объяснение этого слова можно найти в эпитете Мимер, который мы обнаружили в вариациях *Narve, Njorve, Nare, Nere*, что означает "тот, кто связывает". Их называют Ньярес, потому что они принадлежат к клану Ньерви-Наре.

Волундарквид (стр. 19, со следующим дополнением в прозе) заставляет королеву Нидад приказать перерезать коленные сухожилия Волунда. О такой жестокости ничего не известно в более древней поэме "Жалоба скальда Деора". С другой стороны, в этом стихотворении рассказывается о том, что Нидад связал Волунда оковами, сделанными из крепких сухожилий:

ситтан хинне Нидхад о
недавнем
свонкре сеоно-бенде.

Хотя Волунд в высшей степени искусен, он не способен освободиться от этих уз. Они волшебного вида и напоминают те *орлогтхеттиры*, которые связала родственница Мимера Урд. Соответственно, Нидад здесь фигурирует в персонаже Мимер-Ньерве как "связующий". С этим оковом из сухожилий мы должны сравнить тот, которым был связан Локе, и тот жесткий и эластичный, который был сделан в нижнем мире и который удерживал Фенрера связанным до Рагнарека. И поскольку Волунд — обстоятельство, которое уже стало вероятным и которое будет полностью доказано ниже, — на самом деле считает себя оскорбленным богами и замыслил ужасную месть им, то Нидхад здесь связывает врага Одина, и процитированный выше парафраз смертной казни Урд, использованный Эгилем Скаллаgrimсоном, "родственницей связующего (Ньервы) врагов Одина" (см. № 85), также становится применимым здесь.

Традиция, касающаяся первоначальной идентичности Нидхада с Мимером, долгое время процветала в немецких средневековых сагах и перешла оттуда в Вилкинасагу, где изгнанный Волунд стал кузнецом Мимера. Автор "Вилкинасаги", составленный как из немецких, так и из скандинавских источников, видел Волунда в немецких записях как кузнеца на службе у Мимера, а в скандинавских сагах он нашел его как кузнеца Нидхада, и из двух синонимов он создал двух человек.

Скандинавская форма имени, наиболее близкая к древнеанглийскому Нидхад, - *Ниди*, "подземный", и то, что Мимер также у скандинавов был известен под этим эпитетом, ясно как из песни Солнца, так и из Вельуспы. Скальд из "Песни Солнца" видит в нижнем мире "сыновей Ниды, семерых вместе, пьющих чистый мед из источника ринг-Регин". Колодец нижнего мира с "чистой медовухой" - это фонтан Мимера, а перефразированное кольцо Регин хорошо подходит Мимеру, у которого среди прочих сокровищ было чудесное кольцо Хотеруса. Велуспа говорит о горе Ниде, горе Хвергельмер, с которой летает подземный дракон Нидхог (см. № 75), и о равнинах Ниде, где у расы Синдре есть свой золотой чертог. Синдре, как мы знаем, один из самых знаменитых первобытных кузнецов мифологии, и он выковал молот-молнию Тора, золотого вепря Фрея и копьеметалку Одина (Гильфагининг). Живя со своими сородичами в царстве Мимера, он является одним из художников, которых правитель нижнего мира держал при себе (ср. № 53). Некоторые из замечательных вещей, созданных этими художниками, как, например, Скидбладнер бога урожая, золотой кабан и золотые локоны Сиф, явно являются символами роста или растительности. Следовательно, то же самое верно и для первобытных тевтонских кузнецов, и для рибхуианцев, древних кузнецов Ригведы, что они изготавливают не только орудия труда и оружие, но и траву и приправы. Из нижнего мира произрастает мировое дерево, которое постоянно поддерживается свежим благодаря жидкостям священных источников. В бездне нижнего мира и в море размывается та плесень, которая делает возможным плодородие Мидгарда (см. № 80); в нижнем мире "выковываются" те цветы и те урожаи, которые вырастают из этой плесени, а с грив подземных коней и с их пенных уздечек падает на поля и луга та медвяная роса, "которая дает урожай людям".

Наконец, следует отметить, что когда Нидхад связывает Волунда, врага богов, это согласуется с деятельностью Мимера на протяжении всего мифологического эпоса как друга богов-асов и помощника Одина, сына его сестры, словом и делом.

Дальнейшие свидетельства отождествления Мимера с Нидхадом можно найти в мифе о Свипдаге, который я рассмотрю далее.

Вафтруднерсмаг утверждает в строфе 25, что "благодетельные *регины* (создатели) создали Ни и Недана, чтобы отсчитывать времена для людей", это сказано в связи с тем, что в нем говорится о Нарве, Нате и Даге. В списке гномов Вельуспы мы находим, что вождем этих *регин* был Модсогнер, чья идентичность с Мимиром была показана (см. № 53). Модсогнер-Мимер создал среди других "гномов" также Ни и Недана (*Völuspá*, 11). Следовательно, они являются его сыновьями, по крайней мере, в том смысле, что они обязаны ему своим происхождением. Выражения "творить" и "порождать" очень тесно связаны в мифологии. О Ньерде Вафтруднере также говорится (стр. 39), что "мудрая *регин* создала его" в Ванахейме.

Как сыновья Нидэ-Мимера, смены луны были названы в честь его имени *Ниди*, а все вместе они были названы во множественном числе *Нидгар*, в более позднее время *Нидар*. И как братья Нат, они перечисляются вместе с ней в виде стереотипной аллитерации. В "Вафтруднерсмаге" Один спрашивает мудрого великана, знает ли он, откуда пришли Нат и Ниджар (*Нотт мед Нитом*), и Велуспа (6) рассказывает, что на заре времен высшие святые боги (*регин*) сели на свои судейские места и дали имена Нат и Ниджар (*Нотт ок Нитхиом*). Наречение имени было в языческие времена священным актом, который подразумевал принятие в семью или круг друзей того, кто дает имя.

Ниджар также, по-видимому, имел свое значение изменений луны в связи со сменой месяцев. Согласно Саксону (см. № 46), король Горм видел в нижнем мире двенадцать сыновей Гудмунда-Мимера, все "благородной наружности". И снова скальд Соларлджода говорит, что сыновей Нида, которых он видел в нижнем мире, было "семеро вместе". С точки зрения символа природы разница в этих утверждениях объясняется тем фактом, что месяцев в году считалось двенадцать, но в отношении сезонов и занятий было семь подразделений: *гор-манудр*, *фрер-м.*, *хрут-м.*, *эйн-м.*, *сол-м.*, *сель-м.*, *корнскурдар-манудр*. Семь - эпико-мифологическое число этих *ниджар*. К саге о них я вернусь в № 94.

88.

ОБЩИЙ ОБЗОР ИМЕН И ЭПИТЕТОВ МИМЕРА.

Имена, эпитеты и перефразировки, которыми обозначался царь нижнего мира, подопечный источника мудрости, согласно сделанным до сих пор утверждениям, следующие:

(1) *Мимир* (*Ходд-мимир*, *Мимр*, *Мими*, *Мим дер альте*).

(2) *Нарфи* (*Нарви*, *Ньерви*, *Нерр*, *Нари*, *Нери*).

(3) *Ниди* (*Нидхад*, *Нидадр*, *Нидудр*, *Нидунгр*).

Эти три имени, которые означают "Мыслитель", "Связующий", "Подземный", предположительно, все древние.

(4) *Модсогнир*, "любитель медовухи".

(5) *Годдрофнир*, предположительно "тот, кто щедр на сокровища".

(6) *Гаута спьялли*, "тот, с кем Гауте (Один) советуется".

(7) *Бауг-регин*, Ринг-регин.

(8) *Годмундр*, имя, под которым Мимер появляется в христианских средневековых сагах скандинавского происхождения. К этим названиям еще можно добавить:

(9) *Фимбультулр*, "великий учитель" (лектор). Гавамаль (ул. 142; ср. str. 80) говорится, что *Фимбультулр* начертил (*фади*) руны, что *джинн-регин* "сделал" (*гордо*) их, то есть, в более древнем смысле этого слова, подготовил их к использованию, и что Один (*хроптр раugna*) вырезал (*рейст*) их. В строфах, непосредственно предшествующих этому, говорится, что Один самопожертвованием породил руны из глубин и песни фимбул от брата Бистлы. Эти утверждения, объединенные с теми, в которых упоминается, как руны, данные Мимиром, были распространены по всему миру и были преподаны вождями различных кланов разным кланам (см. № 53), делают очевидным, что был разработан совершенный миф о происхождении рун и распространении рунических знаний. Мимер, как обладатель источника мудрости, был изобретателем или источником рун. Когда Сигдрифумал (стр. 13) говорит, что они выпали из рога Ходдрофнера, это, образно говоря, то же самое, что говорит Хавамал, когда утверждает, что их вырезал Фимбультул. Древнейшие силы (*гиннрегин*) и Один впоследствии развили и распространили их.

Во времена Тацита и, вероятно, на одно или два столетия раньше тевтонское искусство письма было известно. Рунические надписи, дошедшие до нашего времени, свидетельствуют о греко-римском происхождении.

Этим мы не хотим отрицать, что до них существовали руны — по крайней мере, нефонетические. Многие виды магических рун, о которых говорится в наших мифических записях, возможно, являются их воспоминаниями. Во всяком случае, мы должны отличать последние от обычных рун для письма, а также от многих видов рунических шифров, ключи к которым следует искать в общем фонетическом ряду рун.

(10) *Бримир*. Рядом с золотым залом Синдре, в Велуспе (ул. 36) упоминается зал гигантов Бример "бьер", который находится в *Окольнуре*. *Бьерр* - синоним медовухи и эля (алвисм., 34). *Окольнур* означает "место, где нет холода". Имеется в виду обитающий в нижнем мире великан, который управляет медовухой и чей зал расположен во владениях, куда не может проникнуть холод. Миф связывает этого великана с Имером, которого в относительной оппозиции к нему называют *Лейрбримир*, глиняный Бример (*Fjöllsvinnsmal*). Эти обстоятельства относятся к Мимеру. Так же и Сигрдрифумал (стр. 14), где говорится, что "Один стоял на горе с мечом Бримира" (*Brimis eggjar*), когда голова Мимера впервые заговорила с ним. Выражение "Меч Бримера" двусмысленно. Поскольку голова когда-то использовалась как оружие против Хеймдаля, меч и голова могут, согласно Скальдскапармалу, использоваться как парафразы друг друга, откуда "меч Бримера" может быть таким же, как "голова Мимера" (*Skaldskaparmal* 69, Cod. H.; ср. *Skaldskaparmal*, 8 и Гильфаг., 27). Сигрдрифумал, безусловно, также использует фразу в буквальном смысле известного мифологического меча, поскольку в рассматриваемом случае он представляет Одина полностью вооруженным, со шлемом на голове; и самый превосходный мифологический меч, согласно добавленной строке в 24-й строфе Гримнерсмаля (Cod. A.), носил имя Бримера, точно так же, как тот же меч в немецкой саге носит имя Миминк (*Biterolf* v. 176, в *Vilkinasaga* изменено на *Mimmung*), несомненно, потому, что когда-то он был в Мимере. - Владение Нидхада; ибо немецкая сага (*Битерольф*, 157; см. *Вилкинасага*, гл. 23) помнит, что меч, названный именем Мимера, был тем же знаменитым оружием, что и оружие, сделанное Волундом (*Вейланд* в *Битерольфе*; *Велинт* в *Вилкинасаге*), и, следовательно, то же произведение искусства, что и то, которое, по словам *Вилкинасаги*, Нидхад захватил у него во время его пребывания в *Вольфдейлсе*.

89.

МИФ О МЕДОВУХЕ.

Мы видели (№ 72, 73), что медовуха, сваренная из трех подземных жидкостей, уничтожает последствия смерти и придает новую жизненную силу ушедшим, и что та же самая жидкость впитывается корнями мирового древа и в его стволе перегоняется в тот сок, который дает дереву вечную жизнь. Из стебля медовуха поднимается в листву короны, листья которой питают прекрасную подательницу "искрящегося напитка", в Гримнерсмале символизируемого Хейдрун, из ручьев сосцов которой в Асгарде наполняются для эйнхериеврога с медом. Утренняя роса, падающая с *Игдрасиля* в долины нижнего мира, содержит те же элементы. С уздечки *Римфакса* и с коней *валькирий* немного такой же росы выпадает и в долинах *Мидгарда* (см. № 74). Цветы собирают его в свои чаши, где пчелы извлекают его, и таким образом получается земной мед, которым пользуется человек и из которого он варит *свою* медовуху (ср. *Гильфаг.*, гл. 16). Таким образом, последний также содержит в себе часть силы фонтанов Мимера и *Урд* (*вейгар* — см. №

72, 73), и таким образом получается, что он способен стимулировать ум и вдохновлять на поэзию и пение — более того, при разумном использовании он может предложить отличные средства в важных чрезвычайных ситуациях (ср. Tacitus, *Germania*).

Таким образом, мировое древо у германцев, как и у их родственников иранцев (см. Ниже), является *медовым деревом*. И так это было названо последним, возможно, также и первым. Имя *мьетвидр*, с которым мировое древо упоминается в "Велуспе" (2) и происхождение и значение которого так много обсуждалось, с мифологической точки зрения удовлетворительно объясняется, если предположить, что более древнее слово, *мьедвидр*, медовое дерево, перешло в похожее по звучанию слово, *мьетвидр*, древо судьбы (от *miöt*, мера; ср. *мьетудр* в смысле судьбы, силы который дает меру, и англосаксонский *metod*, древнесаксонский *metod*, дающий меру, судьбу, провидение).

Сок мирового древа и *вейгар* из рога нижнего мира - это, однако, не совсем та же медовуха, что и чистая и не оскверненная жидкость из источника Мимера, которую в юности было позволено отведать Одину благодаря самопожертвованию, и не совсем то же самое, за обладание которой долго спорили силы мифологии, прежде чем она, наконец, благодаря приключениям Одина у Суттунга, попала в Асгард. Эпизоды этого конфликта, связанного с медовухой, будут приводиться по мере продвижения моего расследования, насколько их удастся обнаружить. Здесь мы должны сначала изучить то, что сохранили языческие летописи относительно заключительного эпизода, в котором конфликт закончился в пользу Асгарда. То, что рассказывает об этом Младшая Эдда (Брагарадур), я должен пока оставить совершенно незамеченным, чтобы расследование не сбилось с пути и не стало совершенно безуспешным.

Главными источниками являются строфы 104-110 Хавамала, а также строфы 13 и 14. Второстепенными источниками являются Гримнерсмал (50) и Инглингатал (15). К этому следует добавить половину строфы Эйвинда Скальдаспиллера ("Скальдскапармал", гл. 2).

Утверждения главного источника, как ни странно, почти полностью остались незамеченными, в то время как мифологи ограничили свое внимание более поздним изложением в Брагарадуре, которое не может быть согласовано с более ранними рассказами и которое с мифологической точки зрения хуже, чем бесполезно. В 1877 году справедливость впервые была воздана Хавамалу в превосходном анализе рассматриваемых строф, сделанном профессором М. Б. Рихертом в его "Попытках объяснить неясные места, до сих пор не понятые в поэтической Эдде".

Только от Havamál мы получаем прямо или косвенно следующее:

Великан Суттунг, также называемый Фьялар, завладел драгоценным медом, по которому тоскует Один. Аса-отец решает захватить его хитростью.

У Фьялара пир. В его залах собрались гости, принадлежащие к клану римтурсов (Havamál, 110). Помимо них, мы должны представить, что здесь присутствуют ближайшие родственники Суттунг-Фьялара. Мифология говорит об отдельном клане, полностью отличном от римтурсов, известном как *Суттунги Синир* (Альвизмал, Скирнерсмал; см. № 78), вождем которого, должно быть, был Суттунг-Фьялар, на что указывает само его имя. Соответственно, семья Суттунг и римтурсы собираются на банкет в указанный день.

Ожидается почетный гость, и его прибытия ожидает золотое возвышение, приготовленное для него. Из продолжения истории мы узнаем, что ожидаемый гость - жених дочери Суттунг-Фьялара, Гунлад. В эту ночь должна состояться свадьба дочери великана.

Один прибывает, но переодетый. Его принимают как почетного гостя и проводят на золотое возвышение. Из этого с необходимостью следует, что облик, который принимает Один, когда он нисходит к смертным врагам богов и самого себя, является обликом ожидаемого возлюбленного. Кем был последний, Хавамаль не указывает, если только строфа 110, 5, как и многие другие отрывки, намеренно двусмысленна и содержит его имя, вопрос, который я рассмотрю позже.

После счастливого завершения приключения Один с удовольствием вспоминает, с каким успехом он принял облик незнакомца и сыграл свою роль (стр. 107). *эль кейпц литар хефи эк вел нот*: "Благодаря хорошо изменившейся внешности я получил огромное преимущество". Что касается мифологического значения *litr*, см. № 95: Выражение *keyptr litr*, которое буквально означает "приобретенный вид", может показаться странным, но *kaupa* означает не только "покупать", но и "менять", "обмениваться"; *kaupa klædum vid einn* означает "меняться одеждой с кем-либо". О королеве, которая обменяла своего сына на рабыню, говорят, что она сказала "Ум сону вид амбатт". Но причина радости Одина не в том, что он успешно выполнил хитрый трюк, а в том, что он таким образом совершил поступок, имеющий неоценимую ценность для Асгарда и для человека (стр. 107, 4-6), и он сожалеет, что доверие бедного Гунлада к нему было предано (стр. 105). Это характеристика личности Одина.

Хавамал также не говорит нам, что мешает настоящему влюбленному появиться и сорвать план Одина, в то время как последний играет свою роль; но об этом мы узнаем кое-что из другого источника, который рассмотрим ниже.

Приключение, предпринятое Одним, чрезвычайно опасно, и он рисковал лишиться головы (стр. 106, 6). По этой причине он, прежде чем войти в чертоги Суттунг-Фьялара, обеспечил себе выход, через который он должен иметь возможность улететь, и, если возможно, со скальдийской медовухой в качестве добычи. Не каждому доступен вход в скалистую обитель, где хранится столь желанное всеми силами медовое сокровище. Жилище, как сообщает нам Эйвинд, расположено в пропасти, а за дверью, как сообщает нам другая запись, наблюдают. Но Один позволил Рейту пробурить ("прогрызть") туннель в горе, достаточно большой, чтобы дать ему возможность тайно удалиться (стр. 106). Что касается ставки, см. № 82.

Когда мнимый любовник усаживается на высокое золоченое сиденье, за праздничным столом начинается беседа. Одину необходимо тщательно следить за своими словами, потому что он представляет другого человека, хорошо известного там, и если он не будет осторожен, его могут обнаружить. Также необходимо быть красноречивым и обаятельным, чтобы он мог очаровать Гунлад и заручиться ее преданностью, ибо без ее ведома он не сможет достичь своей цели - унести запас меда для вдохновения, хранящийся у Суттунга. Один также может похвастаться (ул. 103, 104), что в данном случае он проявил себя *minnigr* и *málugr* и *margfrodr* и красноречивым для реализации его плана.

В ходе застолья бокал гостя был наполнен в его честь драгоценным медом, который он желал получить. "Гунлад подал мне на золотом сиденье напиток из драгоценной медовухи" (стр. 105).

Затем была проведена церемония бракосочетания, и на священном кольце Гунлад принес Одину клятву верности (стр. 110).

Для Аса-отца было бы лучше, если бы пир закончился здесь, и жениху и невесте было позволено удалиться в комнату для новобрачных. Но веселый пир продолжается, и рога часто наполняются и опустошаются. Хавамаль не утверждает, что роль, которую играл Один, требовала от него постоянного употребления алкоголя; но мы покажем, что жених Гунлада был чемпионом по выпивке во всей мифологии, и в сагах у него есть много эпитетов, относящихся к этому качеству. Один, по его собственному признанию, "напился, очень напился у Фьялара". "Зародыш забвения, который крадет у человека остроумие и понимание, витает над его напитком" (стр. 13, 15).

В этом состоянии он позволил себе произнести слова, которые не были предостережением, — слова, которые посеяли семя подозрения в умах некоторых из его слушателей, которые были менее пьяны. Он произносил слова, которые не были написаны интеллигентными и здравомыслящими буквами, — слова, которые не подходили к роли, которую он играл.

Наконец пир подходит к концу, и жениху разрешается остаться наедине с невестой в том каменном зале, который служит им спальней. Нет никаких сомнений в том, что Один покориł сердце Гунлада, "сердце той доброй женщины, которую я заключил в свои объятия" (стр. 108). С ее помощью он видит, что его цель достигнута и медовуха в его распоряжении. Но подозрения, посеянные его опрометчивыми словами, приносят плоды ночью, и происходят вещи, о которых Хавамаль не дает полного отчета, но которые помешали бы Одину выбраться из сада великанов, если бы у него не было помощи Гунлада (стр. 108). Один был вынужден сразиться с Гунладом и отнять у него родственника (стр. 110—*hann lèt grætta Gunnlödu*; см. Rich., стр. 17). Взяв с собой запас медовухи, он пускается в бегство тем путем, который открыла для него Ставка, — опасным путем, ибо "надо мной и подо мной были тропы великанов" (стр. 106).

По-видимому, существовал обычай, что гости на свадьбе утром следующего дня подходили к двери комнаты для новобрачных, чтобы послушать, как новобрачный справляется со своей новой ролью мужа. Согласно Хавамалю, гости Суттунга, римтурсы, соблюдают этот обычай; но события ночи меняют их расспросы на вопрос, удалось ли Одину сбежать к богам или он был убит Суттунгом (стр. 109, 110).

Пока что Хавамал. Теперь мы должны рассмотреть Гримнерсмаля (150) и Инглингаталя (15), связь которых с мифом о подвиге Одина на родине Суттунг-Фьялара до сих пор не была замечена.

Один говорит в Гримнерсмале:

Свитарр ок Свитрир
эр эк хет в Саукмимисе
ок дулта эк, чем в альдна йотун,
там эр эк Митвитнис варк
в мераре бурар
или в эйнбани.

"Свидур и Свидрир Меня позвали к Сокмимеру, и я предстал перед древним великаном в то время, когда я один стал убийцей *Midvitnir's* Мидвитнира". И сказал: "Я знаю, что это такое."

Инглингаталь (15) гласит:

В Дагскьяре
Дурнис ниджа,
сальвордудр
Свегди вельти,
та эр и стейн,
хинн сторгеди,
Дулса конр,
епт двери хлоп,
ок сал бьяртр,
теирра Секкмимис,
йотунбиггдр,
вид джофри гейна.

"Дневная стража *потомков* Дурнира обманула Свегдира, когда он, бесстрашный сын Дульси, побежал за гномом в скалу, и когда сияющий, населенный великанами чертог сородичей Секкмимира, зевнул перед вождем". (Что касается Дульси, см. № 83).

Что привлекает внимание при сравнении этих двух строф, так это то, что эпитет *Секкмимир* является общим для них обоих, в то время как это имя больше нигде не встречается во всей древнескандинавской литературе.

В обеих строфах *Секкмимир* - великан. Гримнерсмаль называет его *inn aldna iotun*, "древний великан", с которым мы можем сравнить слова Одина в "Хавамале" (104): *enn aldna iotun es sotta*, "древний великан, которого я искал", когда он посетил того вождя великанов, к клану которого принадлежал Суттунг-Фьялар, обладатель меда скальдов.

В обеих строфах великан *Секкмимир* является повелителем и вождем тех великанов, к которым, согласно Гримнерсмалу, приходит Один, и за дверью зала которых, согласно Инглингаталю, некий *Свегдир* обманут стражем зала. Это положение *Секкмимира* по отношению к его окружению уже проявляется, насколько это касается Гримнерсмаля, в выражении *at Saucstimis*, что означает не только "с Сокмимером", но и "у Сокмимера", то есть с той группой родственников и в той обители, где Сокмимер является вождем и правителем. Именно с этим вождем великанов и в его скальном чертоге пребывает *Мидвитнир* и его сын, когда Один навещает его, представляется ему и под именем *Свидур* (*Свидрир*) играет роль другого человека и в связи с этим становится причиной смерти Мидвитнера. То же качество Сокмимера как главы клана и лорда проявляется в инглингатальной строфе в том виде, что зал, за дверью которого был обманут Свегдер, является *их Секкмимис*, то есть обителью родственников и домочадцев Сокмимера, "их гигантским домом". Таким образом, все великаны, живущие там, берут свое клановое имя от Сокмимера.

Название *Секкмимир* явно не является именем в строгом смысле этого слова, а одним из эпитетов, по которым можно было узнать этого древнего вождя-великана в связи с мифологическими обстоятельствами. Далее мы укажем на эти мифологические обстоятельства.

Инглингатальная строфа фактически дает нам другой эпитет для того же мифического персонажа. То, что во второй половине строфы называется залом родственников и домочадцев

Сокмимера, в первой половине той же строфы называется залом *потомков* Дурнира. Таким образом, Сокмимер и *Дурнир* - одно и то же лицо.

Дурнир, с другой стороны, является разновидностью *Дуринна* (ср. параллельные вариации *Двалнира* и *Двалинна*). О *Дуринне* мы уже знаем (см. № 53), что он является одним из древних мифологических существ, которые на заре времени вместе с *Модсогниром*-Мимером и в соответствии с решением высших святых сил создали кланы художников. Согласно Вельуспе (11), одним из художников, созданных Дурином, и отцом которого он в этом смысле стал, является *Мьедвитнир*. Раск и Эгильссон по филологическим причинам предположили, что *Мидвитнир* и *Мьедвитнир* являются вариациями одного и того же имени и обозначают одного и того же человека (*мьедр*, в дательном падеже *миди*). Здесь, как представляется, факты подтверждают это предположение. *Дуринн* и *Мьедвитнир* в "Велуспе" соответствуют *Дурниру* и *Мидвитниру* в строфах, касающихся *Секкмимира*.

Мьедвитнир означает медового волка, того, кто захватил мед, прославленный в мифологии. Поскольку Один, приняв чужое имя, посещает обитель потомков Дурнера-Сокмимера, он, соответственно, посещает этот скалистый дом, где обитает тот великан, который добыл мед, желанный Одним, и обладает им.

Инглингаталь сообщает, как мы видели, что некий *Свегдир* был обманут, когда находился за дверью зала родственников Дурнер-Сокмимера. Тот, кто обманул его, был привратником зала. Дверь, казалось, уже была открыта, и "населенный гигантами" зал "зиял" празднично освещенным (*бьяртр*) навстречу Свегдеру. Если мы можем верить комментарию Инглингаталья к этой строфе, страж зала окликнул его и сказал, что Один находится внутри. В этой строфе Свегдер изображен бегущим за коридором, то есть к двери в скале, горящим желанием войти. Что произошло потом, Инглингаталь не утверждает; но то, что Свегдер не достиг желаемого, а попал в какую-то ловушку, расставленную привратником, следует из выражения, что он был им обманут, и что это стало причиной его смерти, следует из того факта, что цель строфы - рассказать, как закончилась его жизнь. Инглингасага говорит, что он попал в скалу, но так и не выбрался из нее. Остальное, что эта сага должна сказать о Свегдере — что он был в путешествии в древний Асгард в "Тирландии", чтобы найти "Одина старого", короля Гильфагининга Приама, — не имеет ничего общего с мифологией и Инглингаталем, но, конечно, важно в отношении эвгемеристской гипотезы о происхождении асов из Тирландии (Трои), на которой автор "Инглингатала", как и автор Гильфагининга, основывает свою работу.

Варианты *Svegdir*, *Svidgir* и *Sveigdir* используются взаимозаменяемо по отношению к одному и тому же лицу (ср. Инглингаталь, 14, 15; Форнальд., ii. 2; Форнм., i. 29; и Эгильссон, 796, 801). *Свигдир*, по-видимому, самая древняя из этих форм. Эти слова означают "великий пьющий" (Эгильссон, 801). *Свигдир* был одним из самых популярных героев мифологии (см. Трактат о "Расе Ивальде") и уже в языческие времена считался расовым героем шведов. В Инглингатале (14) Свитиод называется *гейри Свигдис*, "владения Свигдира". В то же время, *Свегдир* - это эпитет Одина. Но следует иметь в виду, что некоторые из имен, которыми обозначен Один, принадлежат ему лишь во вторичном и перенесенном смысле, и он принимал их в тех случаях, когда не хотел быть узнаваемым и хотел представлять кого-то другого (ср. Grimnersm., 49), чье имя он затем принял.

Когда Один посещает обитель *Дуринн-Секкмимир*, где хранится драгоценный мед, согласно Гримнерсмалю, он называет себя *Свидурром*, *Свидриром*. Теперь с этим названием, как и с

Свигдиром, связано то, что оно было связано со Свитиодом. Скальдскапармал (65) говорит, что *Свитиод вар каллат аф нафни Свидурс*: "Свитиод был назван в честь Свидура".

Следовательно, (1) имя *Свидурр*, как и *Свегдир-Свигдир*, принадлежит Одину, но только во вторичном смысле, поскольку было принято или позаимствовано у другого человека; (2) *Свидурр*, как *Свегдир-Свигдир*, изначально был мифическим персонажем, которого традиция связывала как расового героя со Свитиодом.

Из всего этого следует, что имена, факты и цепь событий частично связывают строфы Гримнерсмаля и Инглингаталя друг с другом, а частично и то и другое - с рассказом Хавамалья о приключении Одина за медовухой, и эта связь дает неоспоримое доказательство того, что они относятся к одному и тому же эпизоду мифологического эпоса.

В мифических фрагментах, дошедших до нашего времени, встречаются и другие эпитеты, которые, подобно *Свигдиру*, относятся к некоему мифическому персонажу, игравшему роль чемпиона по выпивке и связанному с мифом о медовухе и пивоварении. Этими эпитетами являются *Эльвальди*, *Эльмудр* и *Сумбл финнаконунгр*, *Сумблус финнорум рекс* у саксов. *Sumbl*, как существительное нарицательное, означает эль, пир. В "Короле финнов" *Сумбле* эти идеи персонифицированы, точно так же, как напиток сома в песнях Вед олицетворен в короле Соме. В моем трактате о расе ивальде я вернусь к человеку, носившему эти эпитеты, чтобы прояснить его мифологическую позицию. Здесь я просто укажу на следующее: Хавамаль (110) заставляет одного из римтурсов, гостей Суттунга, сказать:

Баугейт Один
хюгг эк в уннит хафи;
за что платит ханс трюгдом труа?
Суттунг свикинн
позволил подвести себя к
гретте Ганнлаудо.

Строфа заставляет того, кто произносит это, обвинить Одина в нарушении клятвы, которую он дал на кольце, и, таким образом, показать себя недостойным доверия к обещаниям и клятвам, которые он мог бы дать в будущем, после чего утверждается, что он покинул Суттунг, обманным путем лишенный *сумбла* (*Сумбл*), и Гунлад в слезах по потерянному родственнику.

Выражение о том, что Суттунг был обманным путем лишен *самбла*, чтобы быть понятным, не требует иного толкования, кроме того, которое находится у нас под рукой, - что Суттунг был предательски лишен медовухи. Но поскольку скальд мог бы обозначить напиток, утерянный Суттунгом, более определенным образом, чем словом *sumbl*, и поскольку он все же выбрал это слово, которое для его слушателей, знакомых с мифологией, должно было вызвать в памяти личный *Sumbl* (*Ольвальди Свигдир*), не только возможно, но, как мне кажется, даже вероятно, что он намеренно выбрал двусмысленное слово и хотел таким образом одновременно указать на обманным путем захваченный мед и на предполагаемый зять был обманным путем потерян; и мне кажется, это подтверждается сопоставлением потерь Суттунга и Гунлада. *Двойное значение нарицательного sumbl* как "медовуха" и "угощение напитками" также привело М. Б. Рихерта (стр. 14 в его упомянутом выше трактате) к предположению, что "выражение было намеренно выбрано таким образом, чтобы значение не было полностью ограниченным и определенным", и он добавляет: "Подобная неопределенность высказывания, которая может привести к

двусмысленности и игре слов, часто встречается в старых песнях". Между тем, я не включаю эту вероятность в свои доказательства и не представляю ее в качестве основы для каких-либо выводов.

Имя Суттунг само по себе показывает, что это отчество, и хотя мы не можем представить лингвистических доказательств того, что первоначальная форма была *Суртунгр* и характеризовала его обладателя как сына *Суртра*, все же есть другие факты, которые доказывают, что так оно и было на самом деле. Само то обстоятельство, что скальдический напиток, попавший во владение Суттунга, перефразирован выражением *sylgr Surts éttar*, "напиток расы Сурта" (Fornmanna, iii. 3), указывает на это, и вопрос полностью решается полустрофой, процитированной в Младшей Эдде (i. 242) и составленной Эйвиндом Скальдаспиллером, где скальдическое зелье называется-

хинн эр Суртс
или секкделум
фармагнудр
флюганди бар.

("напиток, который летящий Один принес из глубоких долин Сурта").

Когда Один благополучно выбрался из глубоких скалистых чертогов Фьялар-Суттунга и на орлиных крыльях полетел с драгоценным медом в Асгард, соответственно, именно ту бездну, в которой обитает *Сурт*, он оставил под собой, и раса великанов, которые пили мед до этого, пока он еще находился во владении Суттунга, была расой Сурта. Из этого следует, что "древний великан", которого посетил Один с целью лишить свой круг родственников скальдического меда, не кто иной, как так хорошо известный в мифологии *Суртр*, и что *Суртр* идентичен *Дуринну* (*Дурниру*) и *Секкмимиру*.

Это также объясняет эпитет *Sökkmimir*, "Мимер глубин". *Секк*- в *Секк-Мимир* относится к *Секку* в *Секкдалуре*, владениях Сурта, и то, что Сурт мог быть связан с Мимером, с точки зрения древнескандинавской поэтики, вполне оправдано тем фактом, что он появляется в "утре времени" как сотрудник Мимера и действует с ним как одна из сил о творении на службе древнейших высокосвященных сил (см. № 53). Следовательно, Мимер и Сокмимер (*Суртр-Дуринн*) создали кланы художников.

Суртр, *Дуринн*, *Дурнир*, *Секкмимир*, следовательно, являются синонимами и обозначают одного и того же человека. У него есть сын, которого обозначают синонимами *Суттунгр*, *Фьяларр*, *Мьедвитнир* (*Мидвитнир*). У Суттунга есть сын, убитый Одином, когда последний отнимает у него мед вдохновения, и дочь Гунлад. Гигантская девушка, обманутая и оплакиваемая Одином, следовательно, является дочерью сына Сурта.

Таким образом, проливается свет на миф о великане, который вновь появляется в Рагнареке и там орудует мечом, который повергает Фрея и извергает пламя, пожирающее мир. Установлено, что это связано с мифом, касающимся древнейших событий мифологии. В "утре времени" мы находим огненное существо Сурта — представителя подземного огня — как творческую силу рядом с Мимиром, другом богов, и чьим родственником он, должно быть, является как потомок Имера. Оба работают вместе в мире ради схожих целей и под руководством богов (Волюспа, 9, 10). Но затем происходит нечто, что прерывает дружеские отношения. Мимер и Сурт больше не работают вместе. Источник созидательной силы, мед мудрости и вдохновения находится в

исключительном владении Мимера, и он и Урд вместе являются правящими силами нижнего мира. Огненный гигант, первобытный художник, затем вместе со своей расой отправляется в "глубокие долины", расположенные к югу (Волюспа, 52), труднодоступные и опасные для посещения богами, и предположительно считающиеся расположенными глубже нижнего мира, которым управляют Мимер и Урд. То, что он пытался завладеть частью "*Одрерира*", следует из положения, которое он впоследствии занимает в мифе о медовухе. Когда дневной свет снова падает на него из дошедших до нас фрагментов мифа, его сын захватил и владеет запасом медовухи, которая, должно быть, изначально была взята из источника Мимера и состояла в основном из его жидкости, поскольку это тоже скальдическая медовуха, и ее также можно обозначить как *Одрир* (Наватáл, 107), в то время как сына называют "медовый волк", тот, кто украл и прячет драгоценный напиток. Один хитростью завладевает его медовухой, внук огненного великана убит, преданная любовь дочери сына предана, а выбранный для нее муж обманут и удален. Все это, хотя и делается с целью принести пользу богам и людям, требует и получает в мифологии свое ужасное возмездие. Это черта, характерная для всей тевтонской мифологии, согласно которой злые поступки с благой целью, даже когда цель достигнута, приводят к злым результатам, которые развиваются и, в конце концов, сводят на нет плоды благой цели. Таким образом, у Сурта есть причина появиться в "Рагнареке" как уничтожитель мира Асов, когда последний должен освободить место для царства справедливости. Пламя мести обрушивается на творение.

Я уже упоминал выше (№ 87) о прекраснейшем мече мифологии, том самом, который выковал Волунд, а Мимер захватил в плен и который был принесен из нижнего мира героем, чье имя Саксон латинизировал как Хотерус. В моем трактате "Раса Ивальдов" будет продемонстрировано, кем был этот Хотерус в мифологии, и что меч был передан им Фрею. Локасенна (42; ср. Гильфаг., 37) сообщает нам, что томимый любовью Фрей подарил меч великану Гимеру в качестве своей невесты. После попадания в руки гигантов он сохраняется и охраняется до Рагнарека *Эггтером* (эпитет, означающий хранителя меча), который в Железном Лесу является пастухом чудовищного стада потомства Лока, которое в последние дни опустошит мир и сразится в Рагнареке (Völuspa, 39-41). Когда приближается Рагнарек, к этому наблюдателю за мечом приходит великан в облике красного петуха, символа разрушительного огня. Этого великана зовут Фьялар (Вельюспа, 41), и то, что цель его визита - завладеть мечом, следует из того факта, что лучший меч мифологии вскоре оказывается в руках его отца Сурта (Вельюспа, 50), когда последний приходит с юга со своим отрядом (сыновья Суттунга, а не Муспеля), чтобы принять участие в последнем конфликте и уничтожить огнем ту часть мира, которая может быть уничтожена. Фрей убит мечом, который когда-то был его собственным.

Таким образом, миф о медовухе и миф о мече Волунда связаны воедино.

Тор тоже отважился посетить жилище Фьялара. В связи с этим посещением у нас есть несколько слов в строфе 26 из Харбардсльода. *Харбардр* обвиняет Тора, без сомнения несправедливо, в проявлении страха. По этому поводу у нас нет достоверных подробностей в записях языческого мира, но сравнение приведенной выше строфы Харбардсльода с Гильфагинингом показывает, что рассказ, составленный в Гильфагининге из различных фрагментов мифов о путешествии Тора в Утгарда-Локе и его приключениях там, содержит воспоминания о том, что оригинальные мифы рассказывали о его опыте во время экспедиции к

Фьялару. Огненные гиганты Сурта и его сына Фьялара ярко проявляются в повествовании: правитель Утгарда может вызывать землетрясения, а Логе (пламя) - его слуга. Также, несомненно, верно, с мифической точки зрения, что он представлен как чрезвычайно искусный в "введении в заблуждение", в придании вещам видимости чего-то иного, чем они есть на самом деле (см. № 39). Когда Один принял облик зятя Фьялара, он победил расу Сурта их собственным оружием.

Эйвинд Скальдаспиллер утверждает, как мы уже видели, что обиталище Сурта находится в долинах на глубине. Из выражения в строфе Инглингасаги мы должны сделать вывод, что ее автор, в гармонии с этим, представлял бездну, где обитала раса Сурта, как регионы, куда никогда не проникает дневной свет. Привратник Сокмимера, одной из задач которого было обращать внимание на приближающихся путников, является застенчивым гномом (*дагскьярр сальвордудр*; о гномах, которые избегают дневного света, см. Алвиссмаг). Поэтому тьма царит над этим регионом, но в обители огненного великана светло (чертог - *бьяртр*).

Теперь я возвращаюсь к обсуждаемым эпизодам мифа о медовухе, чтобы вкратце привести доказательства и результаты. Если мы на мгновение предположим, что основной источник, а именно, строфы Хавамаля вместе с половиной строфы Эйвинда, были утеряны, и что единственными оставшимися свидетельствами были Гримнерсмаг (50) и Инглингатаг (15), вместе с прозаическим текстом в Инглингасаге, то их анализ привел бы к следующему результату:

(1) Гримнерсмаг (50) и Инглингатаг (15) следует сравнить друг с другом. Причины для предположения, что они неразрывно связаны, заключаются в следующем:

(a) Оба содержат эпитет *Sökkmimir*, который больше нигде не встречается.

(b) Оба описывают первобытного гиганта, который обозначается этим эпитетом как вождь и повелитель расы гигантов, собравшихся вокруг него.

(c) Оба описанных события относятся к одной и той же местности: в одном рассказывается о том, что произошло в залах *Секмимира*; другой повествует об эпизоде, произошедшем за дверью гигантского жилища Сокмимера.

(d) В одном показано, что Сокмимер идентичен *Дурниру* (Дурину); в другом упоминается *Мидвитнир* как один из подданных Сокмимера. *Мидвитнир* (*Мьодвитнир*), согласно Вельуспе, был создан *Дурином*.

(e) Оба описывают события, происходящие, пока Один находится внутри у Сокмаймера.

(f) В одном упоминается *Свидурр*, в другом *Свегдир*. Мифологически эти два имени отсылают друг к другу.

(2) К группе великанов, которых Один посещает в обители *Секкмимира*, принадлежит великан, который захватил знаменитый мед, который так хочет заполучить Один. Это следует из эпитета, который выбрал автор строфы Гримнерсмага, чтобы обозначить его таким образом, чтобы его можно было узнать, а именно, *Мидвитнир*, "медовый волк", эпитет, который объясняет, почему жаждущий меда Один совершил свое путешествие к этой расе, враждебной богам.

(3) То, что Один не рискнул или не счел желательным в связи с целью своего визита появиться под своим именем и в легко узнаваемом обличье, очевидно из того факта, что он "замаскировался", "лицемерил" (*дульда*) в присутствии великана и появился как другой мифический персонаж, *Свидурр*.

Этот мифический человек был передан в традициях как тот, кто дал название Свитиоду, и как расовый герой шведов. *Svíthiód var kallat af nafni Svidurs*.

(4) В то время как Один в облике этого расового героя играет свою роль в горе в обители Сокмимера, человек подходит ко входу в залы этого гиганта. Этот человек, *Свегдир* (*Свигдир*), в сагах называется расовым героем шведов, и в его честь они называли Свитиода *гейри Свигдиса*. Одина, который исполнял роль *Свидурра*, также называли *Свигдир*, *Свегдир*.

Свигдир - это эпитет, означающий "чемпион по выпивке" (англосаксонское *swig*: пить большими глотками). Соответственно, "Чемпион по выпивке" находится на пути к "Медовому волку", в то время как Один находится в своей обители. Все указывает на то, что это событие относится к области медового мифа.

Соответственно, ситуация такова: мнимый расовый герой и наместник Свитиода находится в обители Сокмимера, в то время как человек, который, с мифологической точки зрения, является настоящим расовым героем и наместником Свитиода, находится на пути к обители Сокмимера и собирается войти. Миф не мог бы представить дело таким образом, если бы не считалось, что мнимый расовый герой играет роль настоящего. Прибытие настоящего делает положение Одина, которое и без того было полно опасностей, еще более опасным и угрожает ему разоблачением и его последствиями.

(5) Если Один появлялся в роли "чемпиона по выпивке", он был вынужден много пить в чертогах Сокмимера, чтобы сохранить свою роль, и это тоже, должно быть, увеличивало опасность его положения.

(6) И все же благоразумный Аса-отец, по-видимому, соблюдал некоторую осторожность, чтобы его планы не были расстроены настоящим *Свигдиром*. То, что происходит, самым убедительным образом подтверждает это предположение, которое само по себе весьма вероятно. Привратник Сокмимера несет вахту в темноте снаружи. Когда он обнаруживает приближение *Свигдира*, он идет ему навстречу и сообщает, что Один внутри. Следовательно, привратник знает, что *Свидурр* - это Один, который неизвестен всем находящимся внутри, за исключением самого Одина. Это и то, что следует за этим, по-видимому, положительно показывает, что мудрый Один и хитрый гном действуют по устоявшемуся плану. Это может быть иллюзией или реальностью, но *Свигдир* видит, что горная дверь открыта в освещенный зал великанов, и информация о том, что Один находится внутри (гном мог добавить, а мог и не добавить, что Один притворяется *Свигдиром*), заставляет его, "гордеца", "благородной расы", родственника *Дульси* (эпитет Мундильфора, см. № 83), изо всех сил броситься за гномом к реальной или кажущейся двери, и результат таков: что карлику удалось "обмануть" его (*велти* Свегдера), так что его больше никто не видел.

Это то, что мы узнаем из строф в *Гримнерсмале* и *Инглингатале*, а также из прозаического текста последнего. Если мы теперь сравним это с тем, что рассказывают Хавамаль и Эйвинд, мы получим следующие параллели:

Хавамал и Эйвинд.

Один посещает гостиницу "альдна йотум"
(Суртр и его раса).

Цель Одина - обмануть старого великана. В его жилище находится родственник, у которого есть скальдический мед (Суттунг-Фьялар).

Один появляется в облике жениха Гунлада, которого, если называть по имени, зовут Сумбл (сумбл = напиток, пир).

Один напился.

Происходит катастрофа, заставляющая Гуннлед оплакивать смерть родственника.

Строфы о Секкмимире.

Один посещает гостиницу "альдна йотун"
(Секкмимир и его раса).

Цель Одина - обмануть старого великана. В его жилище находится родственник, у которого есть скальдический мед (мидвитнир).

Один появляется как Свидурр-Свигдир. Свигдир означает чемпион по выпивке.

Один, должно быть, много выпил, поскольку он появляется среди великанов в роли "чемпиона по выпивке".

Происходит катастрофа, в результате которой Один убивает сына Мидвитнира.

К этому, наконец, следует добавить, что заявление Эйвинда о том, что событие произошло в *Секкдалире* Сурта, помогает пролить свет на эпитет Сурта *Секкмимир*, и особенно на то, что рассказ Инглингаталя о прибытии и судьбе настоящего Свегдера заполняет пробел в повествовании Хавамала и показывает, как Один, появившись в облике другого человека, которого ожидали, мог сделать это, не опасаясь быть застигнутым последним врасплох.

Примечание.—Рассказ в Младшей Эдде о визите Одина в Суттунг, по-видимому, основан на какой-то сатире, написанной спустя долгое время после введения христианства. Свободно используя существовавшие тогда запутанные мифические традиции и не обращая никакого внимания на заявление Хавамала, эта сатира была создана для того, чтобы полуаллегорически показать, как возникла хорошая и плохая поэзия. Автор этой сатиры либо не знал, либо его не волновал тот факт, что Хавамал отождествляет Суттунг и Фьялар. Для него они разные люди, из которых один получает скальдический мед в качестве выкупа от другого. В то время как в Хавамале римтурсы дают Одину имя *Бельверкр*, "злодей", и это очень правильно с их точки зрения, Младшая Эдда заставляет Одина дать себе это имя, когда он должен появиться *инкогнито*, хотя такое имя не было рассчитано на то, чтобы внушать доверие. В то время как в Хавамале Один в чужом обличье входит в чертоги Суттунга, его проводят к золотому возвышению, и он принимает живое участие в пиршестве и в беседе, Младшая Эдда заставляет его прокрасться в гору через маленькое отверстие-буравчик и таким образом спуститься в комнату Гунлада, где он остается все время, не видя никого из живущих там людей, и где, с согласия Гунлада, он опустошает до дна три сосуда с медом великана, *Одрир*, *Бодн* и *Сон*. Эти три имени принадлежат, как мы видели, в реальной мифологии трем подземным источникам, которые питают корни мирового дерева. *Navamál* довольствуется использованием поэтически-риторической фразы и называет скальдический мед, захваченный Одinom, *Odrærir*, "податель вдохновения", "вдохновляющий нектар". Автор сатиры воспользовался этой причиной для

использования названий двух других фонтанов *Бодн* и *Сон*, а также для обозначения двух других "сосудов и котлов", в которых Суттунг, как говорят, хранил медовуху. То, что он назвал один из сосудов чайником, объясняется тем фактом, что фонтан третьего нижнего мира - *Хвергельмир*, "ревущий чайник". Чтобы Один и Гунлад могли в совершенной тайне обсудить и принять решение относительно медовухи, Один должен тайно спуститься в гору, поэтому сатира заставляет его использовать просверленное отверстие, чтобы проникнуть *внутрь*. Из всего описания в *Navamál*, напротив, следует, что Один вошел в зал гигантов обычным способом через дверь, в то время как он воспользовался туннелем, проделанным Рейтом, чтобы *выбраться*. Хавамаль сначала заявляет, что Один ищет великана, а затем рассказывает, как он вступает в беседу и развивает свое красноречие в залах Суттунга, и как, пока он сидит в золотом высоком кресле (вероятно, напротив хозяина, как предположил Рихтер), Гунлад вручает ему драгоценный мед. Затем впервые упоминается путь, проложенный для него Рейт, и это, с одной стороны, в связи с "злой компенсацией", которую Гунлад получил от него, от любящей и преданной женщины, которую он обнимал, а с другой стороны, в связи с тем фактом, что его бегство с горы было успешным, так что он мог взять мед с собой, хотя его жизнь была в опасности, и были пути великанов как над, так и под той тайной тропой, по которой он сбежал. То, что Один принес клятву верности на священном кольце, что на следующее утро состоялся обычный свадебный пир с вопросами о благополучии молодоженов - обо всем этом сатира не упоминает, да и ее предпосылки не позволяют этого сделать.

90.

МИФ О МЕДОВУХЕ (продолжение). ЛУНА И МЕДОВУХА. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО ОТЕЦ НАННЫ - ХРАНИТЕЛЬ АТМОСФЕРЫ И БОГ ЛУНЫ.

Прежде чем скальдский мед попал во владение Суттунг-Фьялара, он пережил множество приключений. В один из них входит *Мани*, бог луны, который под именами *Неккви* (вариант *Nökkver*), *Нефр* (вариант *Непр*) и *Геварр* (*Геварр*) занимает очень заметное положение в нашей мифологии, не в последнюю очередь в качестве отца Нанны.

Здесь я представляю доказательства, которые находятся под рукой и которые можно представить, не вдаваясь в слишком подробные исследования, того, что бог луны и отец Нанны идентичны, и это даст мне возможность обратиться к тому эпизоду мифа о меде, в котором он появляется как одно из действующих лиц.

Личность *Неккви*, *Нефра* и *Геварра* выясняется из следующих отрывков:

(1) Хиндлулджод, 20 лет: "Нанна была, во-вторых, *Nökkvi's daughter*" (*Nanna var næst þar Nauckua dottir*).....

(2) Гильфагининг, 32: "Сына Бальдра и Нанны, дочери Нефа, звали Форсете" (*Форсети хейтер сын Бальдра ок Ненну Нефсдоттур*). Гильфагининг, 49 лет: "Его (Балдера) жена Нанна, дочь Нефа" (*Кона Ханс Нанна Нефсдоттур*).

(3) Саксон, *История*, Дан., iii.: "*Дочь Геварра Нанна*" (*Геварская филия Нанна*). То, что Саксон имеет в виду мифологическую Нанну, следует из того факта, что Бальдер фигурирует в рассказе как ее жених. То, что скандинавская форма имени, которую Саксон латинизировал в *Gevarus*,

была *Gevarr*, а не *Gefr*, как предположил выдающийся лингвист, следует из правил, принятых Саксоном при латинизации скандинавских имен.

Примечание.—Названия класса, к которому принадлежал бы *Gefr*, при условии существования такого названия, были бы переведены на латиницу следующим образом:

(а) *Аскр* Констатус, *Бальдр* Бальдерус, *Гелдр* Гелдерус, *Глаумр* Гломерус, *Хедр*, *Хадр*, *Одр*, *Хетерус*, *Хатерус*, *Хотерус*, *Свиптагр* Свипдагерус, *Уллр* Оллерус, *Иггр* Уггерус, *Вигр* Вигерус.

(б) *Асмундр* Асмундус, *Амундр* Амундус, *Арнгрим* Арнгрим, *Билдр* Билдус, *Кнутр* Канутус, *Фридлейфр* Фридлевус, *Гаутрекр* Готрикус, *Годмундр* Гутмундус, *Хаддингр* Хадингус, *Харальдр* Харальдус.

Имена, оканчивающиеся на *-arr*, латинизируются следующим образом:

(а) *Боргарр* Боркарус, *Эйнарр* Энарус, *Гуннарр* Гуннарус, *Хьерварр* Хьяртварус, *Ингимарр* Ингимарус, *Ингварр* Ингварус, *Исмарр* Исмарус, *Иварр* Иварус, *Отт* Отарус, *Ростарр* Ростарус, *Сигар* Сигарус, *Сиварр* Сиварус, *Валдимарр* Вальдемарус.

(б) *Агнарр* Агнерус, *Рагнар* Регнерус.

С окончанием *-arus* встречается также в единственном случае скандинавское имя на *-i*, а именно, *Эйлими* Олимарус. Сюда мы, возможно, могли бы включить Лиотара, скандинавскую форму, которую Саксон, возможно, имел в *Льоти* от *Льотра*. В противном случае *Ljótr* - это единственное исключение из правил, которым следует Saxo, а методология запрещает нам строить что-либо на одном исключении, которое, к тому же, неопределенно.

Некоторые односложные имена, оканчивающиеся на *-r*, иногда не имеют латинизации, как *Alf*, *Ulf*, *Sten*, *Ring*, *Rolf*, а иногда латинизируются через *-o*, как *Alvo*, *Ulvo*, *Steno*, *Ringo*, *Rolvo*, *Áfr* также встречается латинизация как *Alverus*.

Из приведенных выше списков имен следует, что правила латинизации скандинавских имен, оканчивающихся на именительный падеж *-r* после согласной, были следующими:

(1) Односложные имена (редко двусложные, как *Свиптагр*) латинизированы с окончанием *-erus* или с окончанием *-o*.

(2) Названия из двух или более слогов, которые не заканчиваются на *-arr* (редко название из одного слога, как *Bildr*), латинизируются с окончанием *-us*.

(3) Имена, оканчивающиеся на *-arr*, латинизированы с помощью *-arus*; в нескольких случаях (и то из-за датского произношения) с помощью *-erus*.

Из приведенных выше правил следует (1), что *Гефр*, если бы такое имя существовало, было бы латинизировано Саксом либо в *Геверус*, *Геферус*, либо в *Гево*, *Гефо*; (2) что *Геварр* - это обычное норвежское обозначение *Геваруса*.

Единственное возможное значение имени *Геварр*, рассматриваемое как нарицательное, - "хранитель атмосферы" из *ge* (*gæ*; см. Младшую Эдду, ii. 486, и Эгильссона, 227) и *-varr*. Я

привожу это определение не с целью сделать из него какие-либо выводы, а просто потому, что оно согласуется с результатом, достигнутым другим способом.

Другое имя отца Нанны, как мы видели, *Неккви*, *Некквер*. Это слово означает судовладелец, капитан корабля. Если мы сравним эти два имени, *Геварр* и *Неквер*, друг с другом, то из сравнения следует, что отец Нанны был мифической личностью, работавшей в атмосфере или имевшей какое-то отношение к определенным явлениям в воздухе, и особенно в связи с тамошним явлением такого рода, что мифическое воображение могло вообразить корабль. Результат сравнения следует рассмотреть в связи со строфой Торбьерна Хорнклофве, которую я сейчас рассмотрю.

Торбьерн был придворным скальдом Харальда Фэрфакса и описал многие деяния и приключения короля. Харальд когда-то приказал построить для себя и своей телохранительницы большой и величественный корабль с красивой фигурной головой в виде змеи. На борту этого корабля его настиг сильный шторм, который Хорнклофве ("Сага о Харальде Харфагере", гл. 9) описывает следующими словами:

Ut á mar mætir
mannskædr lagar tanna
ræsinadr til rausnar
rak vebrautar Nökkva.

В порядке прозы: *Лагар танна маннскедр матир ут а мар рак рауснар расинадр тил Нокква вебраутар* ("Обитатели шхер (зубов моря), опасных для человека, выбросили в море великолепную змею с форштевня судна на священный путь Нокве").

Все переводчики сходятся во мнении, что под "нападающими на шхеры, опасными для человека" подразумеваются волны, которые поднимаются штормом и обрушиваются на шхеры в виде опасных для моряков бурунов. Также очевидно, что Хорнклофве хотел изобразить буйство моря, когда говорит, что волны, которые поднимаются, чтобы атаковать шхеры, подбрасывают корабль, так что фигурная головка форштевня достигает "священного пути Нокве". Стихотворения разных литератур похожи друг на друга в своих описаниях шторма, бушующего на море. Они заставляют волны подниматься к "облакам", к "звездам" или к "луне". *Quanti montes volvuntur aquarum!* Джем, джем тактурос сидера суммирует слова, поет Овидий (*Трист.*, i. 18, 19); и у Вергилия это есть: *Procella fluctus ad sidera tollit* (*Эн.*, i. 107). Один из их братьев-скальдов на Севере, цитируемый в "Скальдскапармале" (гл. 61), изображает бурю следующими словами:

Hraud i himin upp glódum
hafs, gekk sær af afli,
bör hygg ek at sky skordi,
skaut Ránar vegr mána.

Скальд заставлял фосфоресцирующее море плескаться на фоне небес; он заставлял корабль разрывать облака, и путь Ран, морской великанши, прорезает лунную дорожку.

Теперь возникает вопрос, не имел ли Хорнклофве под "священным путем Нокве" в виду путь Луны в космосе, и не к этому ли пути, кажется, клонится носовая часть корабля, когда его высоко поднимают вздымающиеся волны. Несомненно, что этот священный путь, к которому поднимают корабль волны высотой до небес, находится в атмосфере над морем, и что "Нокве" задумывался как путешествие этим путем на корабле, поскольку "Нокве" означает "капитан корабля". Из этого следует, что корабль Нокве, должно быть, был явлением в космосе, напоминающим корабль, у которого, как предполагалось, был обозначен курс. Следовательно, мы должны выбирать между солнцем, луной и звездами; и поскольку именно луна, когда она не полная, имеет форму корабля, плывущего в космосе, более вероятно, что под кораблем Нокве подразумевается луна, чем любое другое небесное тело.

Эта вероятность становится достоверной благодаря следующим доказательствам. В "Сонаторреке" (стр. 2, 3) Эгиль Скаллаgrimсон поет, что, когда тяжелая печаль угнетает его (потерявшего своего любимого сына), песня нелегко вырывается из его груди:

Танья фундр
ридзиа ниджа
в боринне
или Етунхейме,
ласталаусс
эр лифнади
, Некверс
неква Браги.

Скальдическая песнь сравнивается здесь с фонтаном, который нелегко извергнуть из опечаленного сердца, а жидкость из фонтана сравнивается с "находкой родственников Тригге, хранимой в секрете, которую в прошлые времена переносили из Етунхейма на корабль Нокве, где Браге, невредимый, освежился (обрел жизненную силу)".

Очевидно, что Эгиль здесь ссылается на мифическое событие, которое стало эпизодом в мифе о скальдическом медовухе. Где-то в Етунхейме пробился фонтан, содержащий ту же драгоценную жидкость, что и в колодце Мимера. Жила фонтана была обнаружена родственниками Тригге, но драгоценная находка, столь желанная всеми державами, держится в секрете, предположительно для того, чтобы те, кто сделал открытие, могли наслаждаться ею безраздельно и в безопасности. Но происходит нечто, из-за чего сокровище, которое фонтан подарил своим первооткрывателям, переносится из Етунхейма на корабль Нокве, и там напиток становится доступным богам. Особо упоминается, что Браге, богу поэзии, там разрешается приобщиться к ней и таким образом освежить свои силы.

Таким образом, корабль отца Нанны появляется здесь вновь, и мы узнаем, что на своем священном пути в космосе в незапамятные времена он нес запас скальдического меда, из которого Браге в дни своей невинности пил силу жизни.

С этим мы должны сравнить фрагмент мифа, сохранившийся в Гильфагининге (гл. 11). Там упоминается фонтан под названием *Быргир*. Двое детей, девушка по имени *Биль* и мальчик по имени *Хью*, чьего отца звали *Видфиннер*, пришли с ведром к этому фонтану за водой. Аллегория, в которую включена традиция, называет ведро *Sægr*, "тот, что бурлит над краями", и называет шест, на котором несут ведро, *Simul* (согласно одной рукописи, *Sumul*; ср. *Suml*,

варящий эль, медовуху). Билл, один из двух детей связан с поэтическим напитком. Скальды молятся, чтобы она была милостива к ним. *Ef unna itr vildi Bil Skáldi*, "если благородный Биль благоволит скальду", - это пожелание, выраженное в строфе из Младшей Эдды, ii. 363. *Byrgir*, очевидно, является источником того же типа, что и тот, на который ссылается Эгиль, и содержит скальдический мед. *Byrgir's* Фонтан Быргира, должно быть, держался в секрете, это, должно быть, была "скрытая находка", потому что именно ночью, когда восходит луна, дети Видфина наполняют из него свое ведро. Это видно из того факта, что *Мани* видит детей. Наполнив ведро, они собираются уходить, предположительно домой, к своему отцу Видфину. Но домой они не попадают. Пока они несут ведро с шестом на плечах, *Мани* берет их к себе, и они остаются с ним вместе со своей драгоценной ношей. Из других мифических преданий, которые я рассмотрю позже (см. Трактат о расе ивальдов), мы узнаем, что бог луны усыновляет их как своих детей, и *Бил* впоследствии появляется как асинье (Младшая Эдда, i. 118, 556).

Если мы теперь сравним заявление Эгиля с мифическим фрагментом о Биле и Хью, мы обнаружим, что в обоих случаях упоминается фонтан, который содержит жидкость вдохновения, найденную в фонтане Мимера, но не является хорошо охраняемым или неприступным "колодцем" Мимера. В Эгиле находка "держится в секрете". В Гильфагининге дети посещают ее ночью. Эгиль говорит, что жидкость *несли* из Йотунхейма; Гильфагининг говорит, что Билл и Хью *несли* ее в ведре. Эгиль переносит жидкость из Йотунхейма на корабль Нокве; Гильфагининг переносит жидкость и ее носителей лунным богом на Луну, где, по словам Гильфагининга, мы все еще можем видеть Билла и Хью (в лунных пятнах).

Следовательно, не может быть никаких сомнений в том, что корабль Нокве - это серебристый корабль Луны, плывущий в космосе над морями и сушей по намеченному для него курсу, и что Нокве - бог луны. Как в Ригведе, так и в тевтонской мифологии лунный корабль какое-то время был местом, где скрывалась жидкость вдохновения, мед, дающий жизнь и силу. Этот миф имеет древние арийские корни.

На мифе о корабле, перевозящем мед, к которому приходят выпить асы, основан пересказ для сочинения, для создания песни, который однажды использовал Эйнар Скалаглам (Скальдскапармал, 1). Сочинять песни он призывает "черпать жидкость из корабля-ветра Хертир" (*ауса Хертис виньодар австр*; см. Далее № 121 о визите Одина на корабле Нокве).

Имя *Нефр* (вариант *Непр*), третье имя отца Нанны, упомянутое выше, нигде не встречается в скандинавских источниках, за исключением Младшей Эдды. Однако, несомненно, верно, что Нокве-Гевар также назывался Нефом.

Среди всех тевтонских мифов едва ли есть еще один, с которым связано столько героических песен, сложенных в языческие времена, как с мифом о боге луны и его потомках. Как будет показано далее, нифлунги являются потомками приемного сына Неф Хью, и первоначально они были названы в честь своего приемного прародителя *Нефра*. Более правильная и древняя форма, возможно, *Hnefr* и *Hniflungar*, и последняя форма также встречается в исландской литературе. В древнеанглийском бог луны предстает преображенным в доисторического короля, *Хнафа*, также называемого *Хоце* (см. "Беовульф", 2142, и "Сказку Глимана"). Хоце - это то же имя, что и скандинавское хью. Таким образом, в то время как *Хнаф* и *Хоце* идентичны в древнеанглийской поэме "Беовульф", в скандинавском источнике мы находим, что мальчика,

которого подняла Мане, зовут одним из имен его приемного отца. В скандинавском повествовании бог луны (*Нефр*) захватывает, как мы видели, детей одного *Видфинна*, и в то же время он лишает *Видфинна* бесценного меда вдохновения, найденного в фонтане *Быргир*. В древнеанглийской саге у *Хнафа* есть зять и вассал, которого зовут *Финн* (*Фин Фолквалдинг*), который становится его злейшим врагом, сражается с ним, побежден и прощен, но снова нападает на него и в компании с неким *Гудере* (*Гунн*) сжигает его. По словам Саксо, отца Нанны, *Геварра*, постигла та же участь. На него напал вассал и сжег. Вассала зовут *Гунно* (*Гуннер*, *Гудере*). Таким образом, в древнеанглийской традиции мы имеем имена *Хнаф*, *Хоце*, *ФиниГудере*; а в скандинавской традиции соответствующие имена *Нефр*, *Хью*, *Видфиннер* и *Гуннер* (*Гуннарр*). Отношение бога луны (*Нефра*) к *Видфиннеру* является мифологической основой вражды *Фина* к *Хнафу*. Сожжение является общим как для древнеанглийских, так и для скандинавских источников. Позже в этой работе я рассмотрю эти обстоятельства более подробно. Сказанного мною достаточно, чтобы показать, что древнеанглийская традиция в этом отношении некоторым образом связана со скандинавской, что подтверждает тождество *Нефр-Геварра* с *Мани*, который поднимает *Хью-ки* и отнимает у *Видфинна* скальдический мед.

Традиция отождествления *Геварр-Нефра* с *Мани* вновь появляется в Исландии уже в саге о Хромунде Грейпсоне. Там человек по имени *Мани Карл* показывает, где герой саги должен найти меч *Мистелтейнн*. В "Саксе" отец Нанны *Геварр* показывает вышеупомянутому Хотерусу, где он должен найти оружие, которым должен убить Бальдра. Таким образом, *Мани* в саге о Хромунде занимает то же положение, что и *Геварр*, отец Нанны, в повествовании Саксона.

Все эти обстоятельства в совокупности являются положительным доказательством тождества бога луны с отцом Нанны. Далее, когда исследование продвинется до надлежащей точки, мы приведем основания для предположения, что *Видфиннер* из "Эдды", *финалист* английской героической поэмы, - это тот же человек, которого мы ранее упоминали под именем *Сумбл Финнаконунг* и *Свигдир*, и что миф о вознесении медовухи на Луну, соответственно, имеет эпическую связь с мифом о визите Одина к великану Фьялару и о судьбе, которая затем постигла его. постигла убийцу Нокве.

91.

МИФ О БОГЕ ЛУНЫ (продолжение).

Бог луны, подобно *Нат*, *Дагу* и *Солу*, по рождению и месту жительства является божеством нижнего мира. Как таковой, он тоже имел свое значение в тевтонской эсхатологии. Бог, который в своих путешествиях по "святому пути Нокве" служит *старине в артали* (*Вафтруднерсмаль*, 23), отмеряя людям время в фазах луны, месяцах и годах, также в мифологии получил определенное влияние в причинении страданий и наказании грешников. Он является повелителем *хейптур*, тевтонских эринний (см. № 75), и хранит те *лимар* (пучки терновника), которыми вооружены первые, и в этом качестве он носит эпитет *Эйлими*, который вновь появляется в героических песнях таким образом, что устраняет все сомнения в том, что первоначально имелся в виду отец Нанны. (Смотрите у Саксона и в "Саге" Хельге Хьорвардсона. К последнему я вернусь во второй части этой работы и представлю доказательства того, что сага основана на эпизодах, взятых из мифа о Бальдре, и что Хельге Хьорвардсон сам является подражанием Бальдру). В этом

качестве повелителя *Хейптиров* бог луны является силой, к которой должны обращаться с молитвами те, кто желает быть избавленными от тех страданий, которые *представляют* Хейптиры (*Heithtom scal mána qvedja*—*Navamál*, 137). Его качество как того, кто хранит шипастые жезлы *хейптира*, все еще сохранилось в значительной части тевтонского мира в разрозненных преданиях о "человеке на Луне", который носит на спине пучки шипов (Дж. Гримм, *Миф.*, 680; см. № 123).

92.

ЛУНА-ДИС НАННА. МЕРЗЕБУРГСКАЯ ФОРМУЛА. ИМЯ БАЛЬДРА ФАЛЬР.

Таким образом, Нанна - дочь правителя Луны, "хранителя атмосферы". Одно это указывает на то, что она сама была мифологически связана с явлениями, относящимися к сфере деятельности ее отца, и, по всей вероятности, была луна-дис (богиней). Это предположение полностью подтверждается сохраненным в Германии вкладом в тевтонскую мифологию, так называемой мерзебургской формулой, которая начинается следующим образом:

Фол энде Удан
вуорон зи хольца
дю варт демо Балдерес
волон син ву биренкит
ты бигуолон Синхгунт.
Сунна эра свистер,
ты бигуолен Фрией,
Волла эра свистер,
ты бигуолен Удан
вместе с волей конда.

Фальр и Один
отправились в лес,
тогда жеребенок Балдера
вывихнул ногу.
Затем спела над ним Синхтгунт,
Сунна, ее сестра,
затем спела над ним Фригг,
Фулла, ее сестра;
затем спел над ним Один,
как мог.

Из имен, встречающихся в этой строфе, Удан-Один, Бальдер, Сунна (синоним *Sol-Alvisism.*, 17; Младшая Эдда, i. 472, 593), Фрия-Фригг и Волла-Фулла хорошо известны в исландских мифологических записях. Только Фол и Синхтгунт незнакомы нашим мифологам, хотя Фол-*Фалр*, конечно, не должен быть таким.

Что касается немецкой формы *Phol*, мы обнаруживаем, что рядом с ней присутствует форма *Fal* в немецких названиях мест, связанных с фонтанами. Якоб Гримм указал на фонтан "Фолес" в Тюрингии, фонтан "Фальс" во франкском Штайгервальде и в этой связи на колодец "Бальдер" в Райнфальце. В датских народных традициях лошадь Бальдера обладала способностью создавать фонтаны, ступая по земле, и, как говорят, фонтан Бальдера в Зееланде возник именно таким образом (см. П. Э. Мюллер о Саксе, *История.*, 120). У Саксонии Бальдер также дает начало уэллсу (Виктор Бальдерус, *"У пораженного города воинские возможности ликера благотворны для отдыха"*, *"новоселы террам альтиус риматус оперит"*— стр. 120).

Само это обстоятельство, по-видимому, указывает на то, что *Phol*, *Фал*, был распространенным эпитетом или фамилией Бальдра в Германии, и следует признать, что немецким мифологам это значение, должно быть, казалось подтвержденным мерзебургской формулой; ибо только таким образом можно было объяснить простым и естественным образом, что Бальдр не назван в

первой строке спутником Одина, хотя на самом деле он сопровождает Одина, и хотя несчастье, постигшее "жеребенка Бальдра", является главной темой повествования, в то время как Phol, с другой стороны, является спутником Одина. больше не упоминается во всей формуле, хотя в первой строке он назван спутником Одина.

Этот простой и неопровержимый вывод о том, что Фол и Бальдер в мерзебургской формуле идентичны, не вызывает никаких сомнений при более тщательном изучении скандинавских записей. В них показано, что имя *Фалр* было также известно на Севере как эпитет Бальдра.

Первые книги Саксона основаны исключительно на мифах о богах и героях. Нет ни одного человека, ни одного имени, которые Саксон не позаимствовал бы из мифических преданий. Среди них также есть некий *Фьяллерус*, который упоминается в bk. i. 160. В вопросе о норвежской форме, которая была латинизирована в *Fjallerus*, мы должны помнить, что Саксон пишет *Hjallus* (*Hist.*, стр. 371, 672) для *Hjali* (ср. стр. 370), и поочередно *Colo*, *Collo* и *Collerus* (*Hist.*, стр. 56, 136, 181), и что он использует сломанную форму *Бьярби* для *Барпи* (*История*, стр. 250). В соответствии с этим латинская форма *Fjallerus* должна соответствовать скандинавскому *Falr*, и фактически во всей древнескандинавской литературе не найдено ни одного имени, соответствующего этому, за исключением *Falr*, поскольку имя *Fjalarr*, единственное другое, которое следует думать в этой связи, должно, согласно правилам, которым следует Саксон, быть латинизировано в *Fjallarus* или *Fjalarus*, но не в *Fjallerus*.

Об этом *Фьяллерусе* Саксон рассказывает, что он был изгнан врагом, и в отчете говорится, что *Фьяллерус* отправился в место, неизвестное нашему населению, и которое называется *Одайнсакр* (где находится местоблюститель, кто не знает, что такое ноумен эст, нострис игнотум популис концессиссе эст фама— стр. 160.)

В мифологии упоминается только один человек, который был перенесен врагом в *Одайнсакр*, и это Бальдер. (Об *Одайнсакре* и тамошнем обиталище Бальдра см. № 44-53).

Враг, который переносит *Фалра* в царство бессмертия, согласно Саксону, сын *Хорвендилла*, то есть сын мифологического *Эрвандилла*, мужа Гроа и отца Свипдага (см. № 108, 109). Саксо уже однажды ошибочно принимал Свипдага за *Хомеруса* (см. № 101). *Hotherus* - это, опять же, латинская форма *Hödr*. Следовательно, это изгнание Бальдера *Хедром* в подземные царства бессмертия, о котором мы здесь читаем у Саксона, где последний говорит об изгнании Фала в *Одайнсакр* сыном Орванделя.

Когда Бальдр умирает от *флажка* брошенного *Хедром*, он оказывается под дождем дротиков. Он находится в центре *манхрингра*, где все бросают в него или стреляют: *сумир ськота а ханн*, *сумир хоггва тил*, *сумир берья грьоти* (Гильфагининг). В этом заключается мифическое объяснение парафразы *дождя Фала*, которая встречается в последней строфе стихотворения, приписываемого скальду Жизель Сурсон. В саге о Жизле мы читаем, что он был изгнан из-за непредумышленного убийства, но с помощью своей верной жены он смог в течение тринадцати лет выносить жизнь, полную преследований и конфликтов, пока, наконец, не был застигнут врасплох и пал от оружия своих врагов. Окруженный нападавшими, он, как говорят, спел строфу, о которой идет речь, в которой он говорит, что "возлюбленная, прекрасная, храбрая Фулла из его чертога", то есть его жена, "должна расспросить о нем, своем друге", ради которого "дождь Фала" теперь "льется густо и быстро", в то время как "острые края кусают его". В

предыдущей строфе Жизель сравнивалась с "Бальдером щита", и этот Бальдер-щитоносец сейчас, как и Бальдер из мифа, находится в центре внимания дротики и мечи, в то время как у него, как и у Бальдра, есть красивая и верная жена, которая, как и Нанна, должна принять его смерть близко к сердцу. Если имя Нанна, как предположили Вигфуссон и другие, связано с глаголом *nenna* и означает "храбрая", то *rekki-lat* Фулла, "храбрая Фулла из зала Жизель", является еще более подходящей ссылкой на Нанну, поскольку Фулла и она тесно связаны в мифологии и описываются как самые теплые подруги (Гильфагининг). Вкратце: в стихотворении Жизель сравнивается с Бальдером, его жена - с Наной, его смерть - со смертью Бальдра, а дождь из оружия, которым он обрушивается, - с дождем Фала.

В строфе, сочиненной *Рефром* (Младшая Эдда, i. 240), скальд возносит благодарность Одину, подателю скальдического искусства. Аса-отец здесь назван *Фалс храннвала браутар фаннар салар валди* ("Правитель зала дрейфа пути вздымающихся соколов Фала"). Этот длинный парафраз означает, как также предполагали другие, правителя небес. Таким образом, небеса обозначаются как "зал дрейфа пути соколов-волн Фала". "Дрейф", который принадлежит небесам, а не земле, - это облако. Небеса - это "зал облаков". Но для того, чтобы слово "дрейф" могло применяться таким образом, оно должно было быть объединено с соответствующим словом, показывающим, что имелись в виду небеса. Это делается с помощью прилагательного "of the way of the will-falcons of Fal". Стоя отдельно, "дрейф пути волнистых соколов" не может означать ничего другого, кроме белого от пены волнения, поскольку "волнистые соколы" - это парафраз для кораблей, а "путь волнистых соколов" - это парафраз для моря. При добавлении имени *Falr* значение меняется с "моря" на "небо". Следовательно, под "волнистыми соколами" Fal следует понимать объекты, курс которых проходит по воздуху, точно так же, как курс кораблей проходит по морю, и которые пересекают небесный поток, облако, точно так же, как корабли преодолевают морской поток, белохохлую волну. Такой пересказ не мог не привлечь внимания слушателей и читателей к атмосфере, усыпанной облаками и пронизанной солнечными лучами, то есть к залу Одина. Бальдер - бог солнца, как ясно показывает его миф, взятый в целом, и о чем свидетельствует его эпитет; *раудбрикар рикр рекир* (см. № 53). Таким образом, Фал, как и Бальдер, является божеством солнца, существом, которое посылает солнечные лучи вниз сквозь прорехи облаков. Поскольку он, более того, как и Балдер, стоял под дождем из оружия при обстоятельствах, достаточно знакомых для того, чтобы такой дождь можно было распознать как дождь Фала, и поскольку он, наконец, как и Балдер, был отправлен противником в царство бессмертия в нижнем мире, то *Фалр* и Балдер должны быть идентичны.

Их идентичность, кроме того, подтверждается тем фактом, что Бальдер в раннехристианские времена стал историческим королем Вестфалии. Заявление по этому поводу, взятое из англосаксонских или немецких источников, вошло в предисловие к *Gylfaginning*. Согласно верованиям того времени, почти все земли и народы получили свои названия от древних вождей. Говорили, что франки были названы в честь некоего Францио, восточные готы - в честь Остроготы, англы - в честь Ангула, Дания - в честь Дана и так далее. Название Фаллия, Вестфалия, было объяснено таким же образом, и поскольку Бальдера звали Фол, Фал, это его имя дало начало названию страны, о которой идет речь. По той же причине немецкое стихотворение "Битерольф" превращает Бальдра (Пальтрама) в короля *зе Пуле*. (Сравните с местным названием Пельде, которое, согласно Дж. Гримму, встречается в старых рукописях, написанных *Полиди* и *Фолиди*.) В одном источнике Бальдер сделан королем в Фоли, поскольку Фол - это имя Бальдра, а в другом источнике он по той же причине сделан королем в Вестфалии, поскольку Фал - это разновидность Фола, и его также называют Бальдром. "Битерольф"

сохранил запись о том факте, что Бальдр был не только самым величественным героем из всех известных, но и самым чистым в нравственном отношении человеком, которого очень хвалили. Наряду с Бальдром Гильфагининг говорит о другом сыне Одина, *Сигги*, который, как говорят, стал королем Франкленда. Та же причина, по которой Фал-Бальдр стал королем Вестфалии, также сделала апокрифического *Сигги*, о котором идет речь, прародителем франкских королей. Франкская ветвь, к которой принадлежали короли Меровингов, носила имя *сигамбрийцы*, и для объяснения этого имени сын *Сигги* был дан Одину, и он стал прародителем и эпонимом сигамбрийцев.

После этого исследования, которое будет продолжено более подробно в другом томе, я возвращаюсь к мерзебургской формуле:

"Фолл и Один
отправились в лес,
потом жеребенок Бальдра вывихнул ногу
".

С тем, что здесь сказано о коне Бальдра, мы должны сравнить то, что Саксон рассказывает о самом Бальдре: *Adeo in adversam corporis valetudinem incidit, ut ni pedibus quidem incedere posset* (История., 120).

Несчастье, случившееся сначала с Бальдром, а затем с лошадью Бальдра, следует отнести к числу предупреждений, предвещавших смерть сына Одина. Есть и другие отрывки, которые указывают на то, что лошадь Бальдра, должно быть, имела заметное значение в мифологии, и традиция, касающаяся Бальдра как всадника, сохранилась не только в северных источниках (Локасенна, Гильфагининг) и в мерзебургской формуле, но и в немецкой поэзии средневековья. То, что с этим несчастьем, случившимся с лошадью Бальдра, было связано какое-то колдовство, очевидно из того факта, что волшебные песни, которые пели сопровождавшие его богини, ничего не дали. Согласно древним норвежским записям, женщины особенно хорошо владеют целительским искусством колдовства (сравните Гроа и Сигрдрифву), но все же Один обладает глубочайшим знанием секретов этого искусства; он *галдрис фадир* (Veg., 3). И вот в этом случае приходит Один и добивается успеха после того, как богини тщетно пытались. Мы должны представить себе, что богини спешат оказать помощь в том порядке, в котором они едут по отношению к Бальдру, ибо событие потеряло бы свою серьезность, если бы мы представили себе Одина как находящегося очень близко к Бальдру с самого начала, но откладывающего свои действия, чтобы впоследствии засиять еще большей магической силой, которую никто не оспаривал.

Богини составляют две пары сестер: Синхтгунту и ее сестру Сунну и Фригг и ее сестру Фуллу. Согласно скандинавским источникам, Фригг - мать Бальдра. Согласно тем же записям, Фулла всегда находится рядом с Фригг, пользуется ее полным доверием и носит диадему в знак своего высокого положения среди богинь. Объяснение этому дает мерзебургская формула, которая сообщает нам, что Фулла - сестра Фригг и, следовательно, сестра матери Бальдра. И поскольку Один - отец Бальдра, мы находим в мерзебургской формуле Бальдра из скандинавских записей в окружении родственников, приписанных ему в этих записях.

При таких обстоятельствах было бы действительно странно, если бы Синхтгунт и солнечная богиня Сунна также не принадлежали к роду бога солнца Бальдра, поскольку они не только

принимают участие в этой экскурсии семьи Бальдр, но также описываются как самые близкие к нему и как первые, кто оказывает ему помощь.

Норвежские летописи дают Бальдру в жены Нанну, дочь того божества, которое под верховенством Одина является хранителем атмосферы и владельцем лунного корабля. Если континентальные германцы в своих мифологических представлениях также дали Бальдру преданную жену в виде Нанны, то было бы в высшей степени маловероятно, чтобы мерзебургская формула не позволяла ей быть одной из тех, кто в качестве телохранителя сопровождает Бальдра в его экспедиции в лес. Помимо Фригг и Фуллы, есть две богини, которые сопровождают Бальдра. Одна из них - сан-дис, как видно из имени Сунна; другая, Сингтгунт, согласно разборчивой интерпретации этого эпитета Бугге, является дис, "которой ночь за ночью приходится прокладывать себе путь с боем". Богиня, которая является сестрой солнца-дис, но которой не днем, а ночью приходится сражаться в своем путешествии по небу, должна быть богиней луны, лунной дис. Эта богиня луны находится ближе всех к Балдеру, чтобы оказать ему помощь. Следовательно, это не кто иная, как Нанна, которая, как мы знаем, является дочерью владельца лунного корабля. Тот факт, что ей приходится прокладывать себе путь по небу с боем, объясняется скандинавским мифическим утверждением, согласно которому волк-гигант Хейт жаждет захватить луну и в конце концов делает ее своей добычей (*Völuspá*, *Gylfaginning*). В стихотворении о Хельге Хьервардсоне, которое является всего лишь вольным воспроизведением материалов мифа о Бальдере (который будет продемонстрирован во второй части этой работы), гигантскую Ненависть побеждает герой стихотворения, фигура Бальдера, жена которого - дис, которая, сама "белая", имеет блестящего коня (стр. 25, 28), управляет погодой и урожаем (стр. 28), совершает *ночные* путешествия на своем коне и "осматривает гавани" (стр. 25).

Имя Нанна (от глагола *ненна*; ср. Вигфуссон, *лексикон*.) означает "храбрая". Вместе со своим мужем она участвовала в битвах света, и в скандинавской, как и в тевтонской, мифологии она со всей своей нежностью была героиней.

Мерзебургская формула делает солнце-дис и луну-дис сестрами. Скандинавская вариация тевтонского мифа сделала то же самое. Вафтруднерсмаль и Гильфагининг (гл. 11) сообщают нам, что божества, управляющие колесницами солнца и луны, были братом и сестрой, но из мужской формы *Мани* Гильфагининг сделал ложный вывод, что тот, кто управлял колесницей луны, был не сестрой, а братом солнца. В мифологии, безусловно, было известно божество мужского рода *Мани*, но он был отцом солнца-дис и луны-дис и идентичен *Геварру-Неккви-Нефру*, владельцу лунного корабля. Бог *Мани* является отцом солнца-дис по той же причине, по какой Нат является матерью Дага.

Вафтруднерсмаль сообщает нам, что отца менеджеров автомобилей sun и moon звали *Мундильфери*. Мы уже знакомы с этой мифической личностью (см. № 81-83) как с тем, кто назначен надзирать за механизмом мира, с помощью *Мендула* которого вращается звездный свод. Маловероятно, что сила, управляющая движением звезд, является какой-либо иной, кроме той, которая под верховенством Одина является правителем солнца и луны и опекуном всех видимых явлений в космосе, среди которых также есть звезды. Поскольку, путем сравнения старых записей, мы, таким образом, пришли к выводу, что управляющие солнцем и луной являются дочерьми хранителя атмосферы, и поскольку мы также узнали, что они являются дочерьми того, кто наблюдает за движением созвездий, мы не можем увидеть в этих

утверждениях ничего, кроме гармонии. *Мундильфери* и *Геварр-Неккви-Нефр* - одно и то же лицо.

Следует добавить, что богиню луны, как и ее отца, можно было называть *Мани* без каких-либо препятствий в мужской форме этого слова. Имя богини *Скади* также имеет мужскую форму и склоняется как существительное мужского рода (наклонный падеж, *Скада*— Младшая Эдда, 212, 268).

93.

КОСМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

На предыдущих страницах были сделаны различные разрозненные вклады в тевтонскую космографию, и особенно в топографию нижнего мира. Возможно, нет ничего невозможного в том, чтобы собрать и дополнить эти фрагменты.

Три корня мирового древа, которые разделяются в нижнем мире и проникают через три источника нижнего мира в основы структуры мира и удерживают ее вместе, расположены в направлении с севера на юг - самый северный над источником Хвергельмер с его холодными водами; средний над источником Мимер, который является источником духовных сил; и третий над источником Урд, чьи жидкости согревают Игдрасиль (см. № 63).

В северном и южном направлениях также находится мост *Бифрест*, также называемый *Билрест*, *Асбру* (Grimnersmal, 29) и, в смелом перефразировании, до сих пор не понятном, *тиодвитнис фишр*, "рыба народа-волк". Парафраза встречается в Гримнерсмале (21) при описании Валхала и других обителей богов:

thytr thund,
unir thiódvitnis
фискр флуди и
арстраумр толще
микила
валглауми в ватхе.

"Танд (воздушная река) ревет. Рыба народа-волка надежно стоит в ручье. Шумной толпе павших от меча людей течение кажется слишком сильным, чтобы перейти его вброд".

Уже было показано (№ 65), что те, кто пал от меча, едут со своими психопомпами по Бифросту до Валхала и не движутся туда через пространство, но имеют прочную основу для копыт своих коней. Здесь, как и в Фафнерсмале (15), воздух сравнивается с рекой, в которой лошади вынуждены переходить вброд или плавать, если мост, ведущий в Асгард, не используется, и течение в этом ревущем потоке, как говорят, очень сильное; в то время как, с другой стороны, "рыба" стоит в безопасности и манит к себе. То, что автор "Гримнерсмаля" назвал мост рыбой, должно показаться странным, но имеет свое естественное объяснение в исландском обычае, который называл каждый конец моста *spordr*, то есть рыбьим хвостом. Сравните Сигдрифумал (16), который сообщает нам, что руны были начертаны на "рыбьем хвосте" великого мифического моста (*á bruar spordi*), и выражение *brúarspordr* (голова моста, мост - "рыбий хвост") в Ньяле (246) и *Бискупасе* (1, 17). Поскольку мост-опору можно было бы назвать рыбьим хвостом,

для стихотворения было совершенно логично изобразить мост рыбой. В зените моста стоит Валхал, который охраняет павших в битве, и вход в который украшен изображениями волка и орла (Grimnersmal, 10), животных, которые утоляют свой голод на поле битвы. Это объясняет, почему рыбу называют рыбой народного волка или великим волком. Значение перефразировки просто "мост Валхал". То, что нос Бифроста расположен с севера на юг, следует из факта, что боги проходят по одному концу моста по пути к источнику Урд, расположенному на юге нижнего мира, в то время как другой конец находится за пределами Нифельхеля, расположенного на севере. С юга боги приходят на свои судилища в царстве диса судьбы и смерти. Согласно Вегтамсквиде, с севера пришел Один, когда проезжал через Нифельхель в тот чертог, который ожидал Бальдра. Почему помощник шерифа в тот раз выбрал именно этот маршрут, Вегтамсквида нам не сообщает. Но от Саксона (*Hist. Dan.*, 126), который знал старую языческую песню о визите Одина в нижний мир в связи со смертью Бальдра, мы получаем свет на этот момент. Согласно этой песне^[17] именно Ростиюфус Финникус сказал Одину, что сын последнего и Ринд должен отомстить за смерть Бальдра. Ростиюф - это, как уже отмечал П. Э. Мюллер, римтурс *Хросстиофр*, упомянутый в "Хиндлулиоде" как сын *Хримнира* и брат колдуньи *Хейдр*, вала и ведьмы, хорошо известной по Вельуспе и другим источникам. Нифельхель, как показано выше (№ 60), является обителью римтурсов, перенесенных в нижний мир. Где его отец *Хримнир* (Бергельмер) и его прародитель *Хримгримнир* (Труджельмер) обитают в чертоге, упомянутом в Скирнерсмале, там же мы находим *Хросстиофра*, и Один должен искать его там. Вегтамсквида заставляет Одина искать свою сестру.

Это северный мост Бифроста, который особенно требует бдительности Хеймдаля, оберега богов, поскольку римтурсы и проклятые являются его соседями. Таким образом, Хеймдаль "широко известен" среди жителей Нифельхеля (Скирнерсмаль, 28), и Локе упрекает Хеймдаля в том, что его призвание сторожа всегда вынуждает его подставлять спину потокам неблагоприятного неба (Лока., 48). В ночи, которая постоянно нависает над этой северной зоной, сияют очертания "белого" бога и его сияющего золотом коня *Гуллтоппра*, когда он совершает туда шпионские экспедиции. Его глаз проникает во тьму сотен "раст", а ухо улавливает малейший звук (Гильфаг., 27). Недалеко от Бифроста, предположительно у самого моста, мифология подарила ему укрепленную цитадель, *Химинбьерг*, "оберег небес", с удобным залом, в котором хорошо подают "хорошую медовуху" (Grimn., 13; Гильфаг., 27).

Нижний мир более обширен во всех направлениях, чем поверхность земли над ним. Если бы это было не так, Бифрост не смог бы выйти за пределы и проникнуть под земную кору, чтобы опереться своими перемиками на владения трех мировых источников. Поэтому нижний мир называется *Йормунгрудн*, "великая земля или основание" (Forspjallsljod, 25), и его крайняя зона, *джадарр Йормунгрудар*, "владения великой земли", открыта небесному своду, и нижняя сторона земли не является его крышей. Из *Хлидскьяльфа*, "кругозора богов в Асгарде" (Forspjallsljod, прозаические тексты в Скирнерсмале и в Гримнерсмале) открывается вид на Мидгард, на море и на мир великанов, расположенный за реками Эливагар (см. Упомянутые тексты), и, соответственно, так должно быть и на обширную зону Йормунгрудна, за исключением самой северной его части, которая всегда окутана ночью. С *Хлидскьяльфа* глаз не может разглядеть, что там делается. Но Хеймдаль следит там, и когда замечается что-то необычное, Один посылает туда ворона *Хугинна* (*Hugr*), чтобы тот разглядел это (Forspjallsljod, 10, 3, эти строфы относятся друг к другу). Но с *Хлидскьяльфа*, как с точки наблюдения, земля скрывает всю ту часть Йормунгрудна под собой; и поскольку для Одина важно, чтобы он знал все, что там происходит, *Хугинн* и *Мунинн* ежедневно летают над этими подземными областями:

Хугинн ок Мунинн флюга хверьян даг йормунгруд ифур (Grimnersmal, 20). Экспедиции воронов над Нифельхелем на севере и над "глубокими долинами" Сурта на юге подвергают их опасностям: Один выражает свое опасение, что во время этих экскурсий с ними может случиться какое-нибудь несчастье (Grimnersmal, 20).

В западной и восточной частях *хджадарр-Йормунгрудара* обитают два божественных клана - ваны и Эльфы, и первый правит всей зоной с тех пор, как "утром боги времени" подарили Фрею, щедрому сыну Ньерда, Альфхейм в качестве зубного дара (Grimners., 5). Деллинг должен рассматриваться как глава клана эльфов (светлых эльфов), поскольку в самой теогонии он причислен к самым древним силам. С дочерью Мимера Нат он становится отцом Дага и прародителем *синир* Дага (светлых эльфов). Уже подчеркивалось (см. № 53), что он - повелитель розовой зари, и что за его дверями по всему миру каждое утро поется песня пробуждения: "Сила асам, успех эльфам и мудрость Хроптатиру" (Havamál, 100). Зарево зари разгорается в его владениях за восточным горизонтом. Мифология относит изначальный дом его клана к тому месту, где обитает этот вождь эльфов. *Альфхаймр* занимает восточную часть зоны Йормунгрунда. Именно в восточной части Даг, сын Деллинга, и Сол, его родственница, садятся на свои колесницы, чтобы совершить свое путешествие вокруг земли по небу. Здесь также находятся врата Ада, через которые все умершие должны пройти в нижний мир (№ 68).

Существует множество доказательств того, что гигантское поселение с Железным Деревом или Мирквудом было задумано как простирающееся с севера на значительную часть востока (Волюспа, 39, 48 и др.). Эти регионы Альфхейма составляют южное побережье Эливагара и являются сценами важных событий в мифологическом эпосе (см. Трактат о расе Ивальде).

Ванахеймр расположен в западной половине зоны. На пиру в *Ægir's* Эгира, описанном в Локасенне, Локе говорит Ньерду:

на огромной территории Австралии
живет сендр годум—

- Отсюда ты был отправлен на восток в качестве заложника богов.

Чертог Эгира находится далеко в морских глубинах. Океаном, известным германцам, было Северное море. Автор явно задумал чертог Эгира как расположенный в том же направлении от Асгарда, что и Ванахейм, и недалеко от родного дома ванов. Это заложено в слове *хедан* (отсюда). Согласно Вафтруднерсмалю (стр. 39), Ньерд был "создан в Ванахейме мудрым *регином*". Когда его отправили в качестве заложника богов в Асгард, ему пришлось отправиться на восток (*австрия*). Таким образом, демонстрируется западное расположение Ванахейма.

В "западных залах" Ванахейма обитает Биллинг, отец Ринд, отец бога Аса, матери Вейла (*Риндр берр Вала и вестрселум*—Вегт., 11). Его имя сохранилось как в немецких, так и в англосаксонских мифологических хрониках. В древнегерманском документе вместе упоминаются Billunc и Nidunc, то есть Биллинг и Мимер (см. № 87). В мифологии владения Мимера ограничены на западе владениями Биллинга, а на востоке - владениями Деллинга. Деллинг - зять Мимера. Согласно Волюспе, 13 (Кодекс Хаук.), Биллинг - это существо, которое утром того времени по воле богов было создано *Модсогниром* Мимером и *Дурином*. Таким образом, соседи Мимера на востоке и на западе были тесно связаны с ним. В англосаксонских записях (Codex Exoniensis, 320, 7) Биллинг назван расовым героем родственников и соседей англов, варнийцев (*Биллинг веольд Вернум*). Это тоже имеет мифологическую основу, как

показано в "Гримнерсмале" (39) и в "Саге о Хельге Хьервардсоне", которая, как уже говорилось, состоит из мифических фрагментов. Когда Сол и Мане покидают владения Деллинга и начинают свой поход по небесам, их путешествие сопряжено с опасностями. Из Железного Леса (см. Вельуспа, 39) приходят великаны-волки *Сколлы* и *ненавидят* их и преследуют. *Сколл* не прекращает преследование до тех пор, пока колесница светлоликой богини не спустится к западным залам и не достигнет *Варны видр* (*Скаулл хейтир ульфр, эр филгур эно скирлейта годи до Варны видар*—Гримнерсмаль, 39). *Варна видр* - лес мифических варнийцев или варинийцев. Варнианцы, варинианцы, означают "защитники", и защита, о которой здесь говорится, не может быть ничем иным, как защитой, оказываемой странствующим божествам света, когда они достигают западного горизонта. Согласно саге Хельге Хьервардсона, Ненависть, преследующая луну, убита недалеко от залива Варин. *Varinn*, "защитник", "покровительница", является формой единственного числа того же слова, которое вновь появляется в родительном падеже множественного числа *Varna*. Эти выражения —*Billing veold Venum*, *Varna vidr* и *Варинс вик*— следует рассматривать как относящиеся друг к другу. Так же как и местные названия, заимствованные из мифологии, *Варинсфьорд* и *Варинси*, в саге Хельге Хьервардсона, где вновь появляется несколько имен, например,, *Сваринн*, *Моинн*, *Альф* и *Ингви*, которые в связи с выставлением Счетов встречаются в списке существ, созданных Мимиром и *Дуринном*. Очевидно, что *Варна видр*, где волк *Сколл* вынужден свернуть со своей погони за Солнцем, и что *Варинс вик*, где побеждена Ненависть луны к преследователям, были задуманы в мифологии как расположенные на западном горизонте, поскольку солнце и луну, совершающих свое путешествие с востока на запад по небесам, преследуют и они не в безопасности, пока не достигнут западных чертогов. И теперь, поскольку Биллинг обитает в западных чертогах и упоминается в англосаксонских мифических фрагментах как принц варнийцев или варинианцев, и поскольку, более того, *Варинсфьорд* и *Варинси* связаны с приключениями, в которых встречаются несколько имен мифических личностей, принадлежащих к клану Биллинга, то это абсолютно доказывает изначальную мифическую связь между Биллингом и его западными чертогами и теми западными чертогами, в регионах которых расположены *Варна видр* и *Варинсвик*, и где находятся божества света, их путешествие по небу завершено, они находят защитников и могут отдохнуть. И если мы добавим к этому, что Деллинг, родственник и восточный сосед Мимера, является повелителем утра и розовой зари, а Биллинг - родственник и западный сосед Мимера, то из этого следует, что Биллинг, с точки зрения символа природы, олицетворяет вечер и отблеск сумерек, и что в эпосе он является правителем тех регионов мира, где божества света находят покой. Описание жизни в залах Биллинга, которое дают нам строфы Хавамала (97-101), наиболее точно соответствует этому представлению. В эпическом изложении, как кажется, проглядывает сознательная символизация природы, которая рисует воображению игру красок на западе, когда садится солнце. Когда наступает вечер, девушка Биллинга, "та, что сверкает на солнце", спит на своей кровати (*Биллинг -мэй эк фанн беджум на диване солхвита*—стр. 97). В своих чертогах Биллинг имеет телохранителей-воинов, его *салдротта*, *вигдротта* (стр. 100, 101), в которых мы должны узнать тех варнийцев, которые защищают божества света, приходящие в его жилище, и эти воины до глубокой ночи бодрствуют, "с горящими огнями и факелами в руках", над спящей "солнечно-белой" девой. Но с наступлением дня в их услугах больше нет необходимости. Затем они, в свою очередь, отправляются спать (*Ос nær morni ... thá var saldrott um sofin*—стр. 101).

Когда асы — все верхом, за исключением Тора, — совершая свое ежедневное путешествие к жилищу тварей у источника Урд, достигают южного, покрытого рунами моста-начала Бифроста,

они поворачивают на север и едут через южные врата Хель в собственно нижний мир. Здесь, на юге, и намного ниже южной зоны Йормунгунда, мы должны представить себе те "глубокие долины", где обитает огненный великан Сурт со своей расой, сыновьями Суттунга (не сыновьями Муспеля). Идея, представленная в "космогонии Гильфагининга", согласно которой на юге был мир огня, а на севере - мир холода того Гинунгагапа, в котором был сформирован мир, безусловно, является подлинным мифом, основанным на представлении о природе, которое само географическое положение навязало германцам. Оба этих пограничных царства впоследствии находят своих представителей в организованном мире: мир огня в *Секкдалуре Сурта* и мир мороза в Нифельхеле, объединенном с эсхатологическими местами; и поскольку последнее составляет северную часть царства смерти, мы можем по аналогии с этим отнести долины Сурта и сынов Суттунга на юг, и мы можем сделать это, не опасаясь ошибки, поскольку Вельюспа (50) положительно утверждает, что Сурт и его потомки пришли с юга в конфликт Рагнарека (*Сюртр фер сунан мед свиг лейфи*). В то время как северному мостовому переходу Бифроста угрожают римтурсы, южный подвергается нападению сыновей Суттунга. В Рагнареке богам приходится встречать бури с обеих сторон, и мы должны понимать, что конфликт распространяется по внешней зоне Йормунгунда и особенно вблизи обоих концов моста Бифрост. Равнина вокруг южной оконечности Бифроста, где боги должны "смешать напиток меча с Суртом", называется *Оскопнир* в части языческой поэмы, включенной в "Фафнерсмаль". Здесь Фрей со своим воинством эйнхериев встречает Сурта и сыновей Суттунга и падает от меча, который когда-то принадлежал ему, после того, как арка Бифроста с этой стороны уже сломана под тяжестью воинства всадников (Фафнерсмаль, 14, 15; Волюспа, 51). *Oskópnir's* Равнину Оскопнира, следовательно, следует отнести к южной оконечности Бифроста и за пределами южных врат нижнего мира. Равнина также называется *Вургридр* (Вафтруднерсмаль, 18), и, как говорят, имеет сто раст в длину в каждую сторону. Поскольку боги, которые здесь появляются в конфликте, называются *в свасо бог*, "сладостный", и поскольку Фрей пал в битве, те, кто здесь идет навстречу Сурту и его народу, кажутся особенно богами Вана и ванами, в то время как те, кто сражается с гигантами и с потомством Лока, в основном Асы.

Когда боги проезжают через южные врата Хель, перед ними простираются великолепные области, которыми в особенности правит Урд, и которые вместе с владениями Мимера составляют сферы блаженства в нижнем мире с обителями для умерших детей и женщин, а также для мужчин, которые не были избраны на поле битвы. Реки, вытекающие из Хвергельмера, протекают через владения Урд после того, как они пересекли владения Мимера. Путь ведет богов к источнику норн, который орошает южный корень мирового дерева и над которым нижние ветви Игдрасиля раскинули свои вечно зеленые листья, затеняя украшенный золотом фонтан, где плавают лебеди и чьи воды придают белейший цвет всему, что соприкасается с ним. Рядом с этим фонтаном находится здание суда с трибуналом и скамьями для множества людей, которые ежедневно приходят, чтобы получить благословение или проклятие.

Эти полчища входят через врата Ада с востока. Они пересекают глубокие и темные долины и выходят на заросшую терновником равнину, от уколов которой бессильно защищают тех, кто был милосерден при жизни на земле, а оттуда к реке, смешанной с кровью, которая в своих водоворотах вращает оружие, и ее приходится переходить вброд нечестивым, но добрые могут перейти ее по плавающему по реке плавнику. Когда эту реку пересекают, путь мертвых ведет на юг, к обители богов.

Дальше через реку есть золотой мост, ведущий в великолепное королевство, где расположены *пещера Мимера* и сверкающие залы, в которых Бальдер и *асмегиры* ожидают возрождения. Из Хвергельмера вытекает множество ручьев, среди них *Лейптр*, на водах которого произносятся священные клятвы, и выются вокруг этих заповедных мест, откуда изгоняются печаль, старение и смерть. Залы расположены в восточной части царства Мимера, во владениях эльфа розовой зари, ибо он их страж.

Дальше в земле Мимера, под средним корнем мирового дерева, находится источник творческой силы и вдохновения, а рядом с ним - золотые чертоги самого Мимера.

Через эту срединную часть нижнего мира проходит с запада на восток дорога, по которой Нат, Даг, Сол и Мане путешествуют из владений Биллинга во владения Деллинга. Когда мать Нат, чью колесницу тянет *Хримфакси*, въезжает через западные врата Ада, тьма рассеивается по ее пути над районами блаженства и сопровождает ее колесницу на север, где находится зал Синдре, великого художника, и к горам Нида, у южного подножия которых Нат отдыхает в своем собственном доме. Затем те, кто обитает в северных областях Йормунгрунда, удаляются на покой (*Forspjallsljod*, 25); но на внешнем краю Мидгарда кипит жизнь и деятельность, ибо там колесницы Дага и Сола затем распространяют свет и великолепие по суше и морю. Зал расы Синдре имеет особую особенность. Это, как будет показано ниже, прототип "спящего замка", упоминаемого в средневековых сагах.

Над горами Нида и землями за ними мы находим третий корень Игдрасиля, орошаемый фонтаном Хвергельмер, матерью всех вод. Горы Нида представляют собой большой водораздел Йормунгрунда, с которого реки стекают на юг и на север. В фонтане Хвергельмера и над ним построена мировая мельница, через жерновное око которой вода устремляется вверх и вниз, вызывая водоворот, приливы и отливы, а также разбрасывая мельничную муку по дну моря. Девять великанш маршируют по внешнему краю мира, толкая перед собой ручку мельницы, в то время как мельница и звездные небеса вращаются одновременно.

Там, где реки Эливагар берут начало в Хвергельмере, и на южном берегу мифического Гандвика, находится область, которая в честь одного из ее обитателей называется *пастбищем Иде* (сетр — Младшая Эдда, i. 292). Здесь обитают воины смешанной крови эльфов и великанов (см. Трактат о расе Ивальде), получившие от богов задание быть стражами защиты от соседнего мира великанов.

Дальше к северу возвышаются горы Нида, образующие отвесную стену, которая составляет южную границу Нифельхеля. В этой стене находятся врата На, через которые проклятые, умерев своей второй смертью, попадают в царство пыток, правителем которого является *Лейкинн*. Нифельхейм населен духами первобытных великанов, духами болезней и великанами, павшими в конфликте с богами. Под Нифельхелем простираются огромные пещеры, в которых пытаются различных преступников. В одной из этих пещер находится зал пыток Настрандов. За северной дверью находится грот, охраняемый смуглыми эльфами. Дверь открывается в море Армсвартнера, над которым нависает вечная тьма. В этом море лежит Лингве-хольм, под юрисдикцией которого скованы Локи, Фенрер и "сыновья Муспеля". Где-то в том же регионе Бифрост спускается к своему хорошо укрепленному северному мостовому переходу. Цитадель называется *Химинбьерг*, "защита или оплот небес". Его вождь - Хеймдаль.

В то время как арка Бифроста расположена в направлении с севера на юг, путь, по которому Мане и Сол путешествуют по небесам, проходит с востока на запад. Путь Гривы лежит ниже Асгарда.

Подвижное звездное небо - не единственное и не самое высокое из того, что было упомянуто выше. Можно забраться так далеко на север, что даже горизонт звездного неба останется позади. Снаружи небеса *Андлангер* и *Видбленн* своими краями упираются в Йормунгруд (Гильфаг., 17). Все это творение поддерживается мировым деревом, на самой верхней ветке которого блесит петух Видофнер.

(Продолжение части IV в томе III.)

СНОСКИ:

[1] С. Бугге, Семунд. Эдда, xxvi. Торл. Эдда Йонссона, ул. Снорра, viii.

[2] Глядя просто на форму, строфу также можно перевести следующим образом: "Скажи мне, Фьольсвинн, о чем я прошу тебя и что я хочу знать. Кто из *асмегиров* создал то, что я видел за стеной замка?" Однако против этой формальной возможности есть несколько возражений, основанных на фактах. Затем Свипдаг спросил бы Фьольсвинна, кто сделал то, что он когда-то в прошлом видел в стене замка, не сообщив Фьольсвинну, о какой именно стене замка он имеет в виду. Это также предполагает, что Свипдаг знал, что *асмегир* изготовил рассматриваемые предметы, которые находились внутри стены замка, и что он только хотел дополнить свои знания, выяснив, кто из *асмегиров* их изготовил. И, наконец, из ответа Фьольсвинна следует, что гномы, которых он перечисляет, являются сыновьями Асов. Указанная формальная возможность также имеет против нее формальную вероятность. Род. *асмага* имеет своим ближайшим соседом *гард*, а не *хверр*, и поэтому его следует относить к *гард*, а не к *хверр*, хотя оба перевода дают одинаково удовлетворительное значение в том, что касается связанных фактов; но это не так.

[3] Я следую тексту большинства рукописей, различные версии которых предоставил Бугге. В одной рукописи в тексте, а в другой на полях, *Lidscialfr*, написано одним словом (вместо *lidsci alfr*). Из этого Мунка готовят *Лидскьяльф*. Дательный падеж *локи* от *лок*, ворота (ср. *лука лока*, закрывать, ограждать) был истолкован как *Локи*, и, таким образом, путаница стала полной.

[4] *Тар* (в собрании богов) *вар Модсогнир место ум ординн дверь алла*.

[5]

*Сол хейтир мед монном,
энн сунна мед годум,
лейка каллы двергара Двалина
эйгло йотнар,
альфар фагра хвель
альшир аса синир.*

[6] Ср. также Гильфаг., 9, в отношении Одина: *Ок фиррир тви ма ханн хейта Олфодр, ат ханн эр фадир альра годанна ок манна ок всемогущий, эр аф хоном ок ханс крапти вар фуллгьерт*.

[7] Основные положения содержания приведены здесь на основе толкования, найденного в "Очерках священного языка парсов" Хога-Уэста (Лондон, 1878).

[8] "Et ecce instabilis Oceani Euripus, ad initia quædam fontis sui arcana recurrens, infelices nautas jam desperatos, immo de morte sola cogitantes, vehementissimo impetu traxit ad Chaos. Hanc dicunt esse voraginem abyssi, illud profundum, in quo fama est omnes maris recursus, qui decrescere videntur, absorberi et denuo removi, quod fluctuatio dici solet" (*De situ Daniæ*, ed. Mad., p. 159).

[9] С этим названием нижнего мира сравните обитель Гудмунда-Мимера а Грунд (см. № 45), а также Хеллигрунд (Гелианд., 44, 22) и неовла грунд (Кэдмон, 267, 1, 270, 16).

[10] Сравните фразу "йотна гауртум i" (ул. 30, 3) с "тил хримтурса халлар" (30, 4).

[11] Под расой бога Аса аслидара вряд ли можно подразумевать других, кроме асмегигов, собравшихся в нижнем мире вокруг Бальдра. Это единственное место, где встречается слово аслидар.

[12] О возрасте и подлинности Forspjallsljod я предлагаю опубликовать отдельный трактат.

[13]

*Tidhöggvit lét tiggj
Tryggvar sonr fyrir styggvan
Leiknar hest á leiti
ljotvaxinn hræ Saxa.*

*Vinhrödigr gaf vida
visi margra Frísa
blókku brúnt at derkka
blöd kvellridu stódi.*

[14] Völuspa 23, Кодовая регистрация, указывает идентификатор:

*seid hon kuni,
seid hon Leikin.*

Буква *u* в этой рукописи используется как для *u*, так и для *y* (сравните Бугге, Семунд Эдд., Предисловие x, xi), и, следовательно, *куни* можно читать как *куни*, так и *кунни*. Последнее прочтение имеет логический смысл. *Кунни* является дательным падежом от *кин*, существительного среднего рода, означающего нечто колдовское, сверхъестественное, чудовище. *Кинджамейн* и *киньясотт* означают болезни, вызванные колдовством. *Сейд* в обеих приведенных выше строках - прошедшее время глагола *сида*, и ни в одной из них нет существительного *сейдр*.

Существовало священное колдовство и нечестивое, в зависимости от цели, с которой оно практиковалось, и от сопутствующих церемоний. Целью священного колдовства было совершить что-то хорошее либо для самого колдуна, либо для других, либо узнать волю богов и грядущие события. Колдовство, практикуемое *Хейдром*, является нечестивым, ненавидимым богами и снова и снова запрещаемым законами, и этот вид колдовства обозначается в Велуспе

термином *сида кини*. О том, что практикуется неподобающими средствами, говорят, что это не *кинья-лаусс*, без кина.

Показания в Cod. Хаук., *сейд хон хварс хон кунни*, *сейд хон хуглейкин*, очевидно, должен поблагодарить за его существование какого-то "исправителя", который не понял отрывок и пожелал заменить неясные строки, которые, как ему казалось, он нашел, чем-то легко понятным.

[15] Толкование отрывка, которое до сих пор преобладало, начинается с исправления текста. *Фанн* заменено на Финн. Финн - это имя гнома. *По-фински хрости* означает "напиток гномов", а "напиток гномов", согласно "Младшей Эдде", синоним поэзии. Обладателем *финнов хрости* является Один, повелитель поэзии. С текстовыми исправлениями такого рода (они многочисленны, основаны на ложных представлениях об адаптации исландской христианской поэтики к языческой поэзии и обычно цитируют Гильфагининга как авторитет) мы можем извлечь все, что захотим, из утверждений древних записей. Характер Одина как Повелителя поэзии не имеет ни малейшего представления о содержании строфы. Его характер судьи в суде у фонтана Урд и как того, кто, как судья мертвых, имеет власть над напитком в подземном роге, с другой стороны, тесно связан с содержанием строфы и только он способен сделать ее последовательной и понятной. Далее в стихотворении Эгиль говорит об Одине как о владыке поэзии. Один, по его словам, не только был суров к нему (в качестве *хильмира Фанса хроста*), но он также был добр, даровав дар поэзии и тем самым утешение в горе (*бельва бет*). Парафраза, используемая здесь Эгилем для обозначения имени Одина, - *Мимс винр* (друг Мимера). От Мимера Один получил напиток вдохновения, и, таким образом, пересказ гармонирует со смыслом. Как *хильмир Фанс гроста*, Один ранил сердце Эгиля; как *Мимс винр* (друг Мимера) он дал ему бальзам от нанесенных ран. Эта двусторонняя концепция отношения Одина к поэту пронизывает все стихотворение.

[16] Точно так же воинственный скальд Кормак уверен, что он пришел бы в Валхал, если бы утонул при обстоятельствах, описанных в его саге, произведении, которое, однако, очень ненадежно.

[17] Возможно, такая же, как та, из которой сохранилось несколько строф в *Балдре драумаре*, старом поэтическом фрагменте, пробелы в котором в последнее время были весьма неудовлетворительным образом заполнены строфами, которые сейчас носят название *Vegtamskvida*. То, что Один, собираясь отправиться в обитель, которая в подземных царствах блаженства должна принять Бальдра, выбирает маршрут через Нифельхель, объясняется не *Вегтамсквидой*, где утверждается этот факт, а более древней поэмой, упомянутой Саксоном, которая заставляет его искать обитателя Нифельхеля, римтурса *Хросстхиофра*, сына *Хримнира*.